

SOI: 1.1/TAS

DOI: 10.15863/TAS

ISSN 2308-4944 (print)

ISSN 2409-0085 (online)

№ 06 (50) 2017

Teoretičeskaâ i prikladnaâ nauka

Theoretical & Applied Science

Technology and Education

Philadelphia, USA

**Teoretičkaâ i prikladnaâ
nauka**

**Theoretical & Applied
Science**

06 (50)

2017

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Founder : **International Academy of Theoretical & Applied Sciences**

Published since 2013 year. Issued Monthly.

International scientific journal «Theoretical & Applied Science», registered in France, and indexed more than 45 international scientific bases.

Editorial office: <http://T-Science.org> Phone: **+777727-606-81**

E-mail: T-Science@mail.ru

Editor-in Chief:

Alexandr Shevtsov

Hirsch index:

h Index RISC = 1 (65)

Editorial Board:

Prof.	Vladimir Kestelman	USA	h Index Scopus = 3 (38)
Prof.	Arne Jönsson	Sweden	h Index Scopus = 4 (21)
Prof.	Sagat Zhunisbekov	KZ	-
Assistant Prof.	Boselin Prabhu	India	-
Lecturer	Denis Chemezov	Russia	h Index RISC = 2 (61)
Senior specialist	Elnur Hasanov	Azerbaijan	h Index Scopus = 1 (4)
Associate Prof.	Christo Ananth	India	h Index Scopus = - (1)

ISSN 2308-4944

© Collective of Authors
© «Theoretical & Applied Science»

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Materials of the International Scientific Practical Conference

Technology and Education

June 30, 2017

Philadelphia, USA

The scientific Journal is published monthly 30 number, according to the results of scientific and practical conferences held in different countries and cities.

Each conference, the scientific journal, with articles in the shortest time (for 1 day) is placed on the Internet site:

<http://T-Science.org>

Each participant of the scientific conference will receive your own copy of a scientific journal to published reports, as well as the certificate of the participant of conference

The information in the journal can be used by scientists, graduate students and students in research, teaching and practical work.

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

THOMSON REUTERS
Indexed in Thomson Reuters

ISPC Technology and Education, Philadelphia, USA
ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 190.

Impact Factor ICV = 6.630

Impact Factor ISI = 0.829
based on International Citation Report (ICR)

The percentage of rejected articles:

ISSN 2308-4944

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Hossein Ahmadi

PhD in Philosophy of Education and Faculty,
Member of Islamic Azad University, Imam Khomeini's
Shahre Rey Branch, Tehran, Iran
ahmadi77b@yahoo.com

Asma Naseri

MA in Educational administration,
Islamic Azad University Imam Khomeini's Shahre Rey
Branch, Tehran, Iran
asma.naseri93@gmail.com

SECTION 24. Sociological research.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ORGANIZATIONAL SPIRITUALITY AND EMPLOYEES PRODUCTIVITY (A CASE STUDY OF MARTIME UNIVERSITY CHABAHAR)

Abstract: The present study aimed to The relationship between organizational spirituality and employees productivity (A Case Study of martime university Chabahar)in academic year 2017-2018. The present study is applied and is descriptive-correlation based on nature of study and study purpose. The study population is including all administrative staff of Chabahar martime University (244 subjects). To administer this study, 148 subjects have been selected randomly. Rego and Cunha survey of Workplace spirituality is used to evaluate work place spirituality and its reliability is 0.90 and Hersey and Goldsmith standard questionnaire is used to evaluate employees productivity and its reliability is 0.93. The data are analyzed at inferential statistics (correlation coefficient and multi-variate regression tests). The findings of study show that there is a positive and significant association between organizational spirituality and productivity of employees. there is a positive and significant association Between all the components of organizational spirituality with employees productivity.

Key words: Organizational spirituality, Productivity, martime university Chabahar

Language: English

Citation: Ahmadi H, Naseri A (2017) THE RELATIONSHIP BETWEEN ORGANIZATIONAL SPIRITUALITY AND EMPLOYEES PRODUCTIVITY. A CASE STUDY OF MARTIME UNIVERSITY CHABAHAR. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 101-106.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-12> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.12>

Introduction

Higher education is one of the effective factors on fulfillment of social, economic and cultural policies development of countries [20]. The most important factor of productivity in organizations and finally the whole society is human resources and prosperity of any society lies in the improvement of and training its human resources. That's why organizations, with the help of human resources and behavioral specialists, take employees' training into a special consideration [2]. Today, ethical principles and spirituality of employees are of great importance for managers. In the past, it was assumed that the physical presence of employees at workplace was present and there was no need to their spirituality. Today, people are inclined to be present at work place with three dimensions, physical, mental and spiritual and separation of work life of employees from their spiritual life is not possible and it can reduce their morale [28]. Pawar (2008) defined

organizational spirituality and said: Spirituality in organization is the organizational facility to experience spirituality by the employees [28]. Jurkiewics And Giacalone defined spirituality at work place: A framework of organizational values with the sign of a culture in which employees are beyond the work processes increasingly and their understanding of relationship with others is improved as enjoyment is experienced [7]. Spirituality integration with work life results in people more satisfaction with their work, besides when they finish their work and join the family, they help each other well. This integration causes that the organizations achieve high profitability with ethical and productive people [4]. Spirituality gives new attitude to human being and increases self-confidence considerably and a person can have much stability.

One of the effective variables on organizational spirituality is human resources productivity in organization. Productivity at employees level

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PИИИ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

depends upon the analysis, measurement and improvement of human resources productivity as direct or indirect labor force [5]. Today, in some organizations, reduction of productivity and human resources stagnation are returned into great challenge and this is because of the lack of optimal use of human resources and if we identify the effective components on human resources productivity, by improving them, we can improve productivity in the organization [17].

Study method

The present study is applied and is descriptive-correlation based on nature of study and purpose of study. The study population is administrative staff of Chabaha martime University in academic year 2017-2018 as 244. The sample size is 148 by Morgan Table and relative stratified sampling method is used Rego and Cunha (2008) survey of Workplace spirituality is used to evaluate work place spirituality and Hersey and Goldsmith (1980) standard questionnaire is used to evaluate employees productivity. To evaluate validity of work place spirituality survey employees productivity, the questionnaires are distributed among University Lecturers to state their opinion regarding the fit of

questions and components with scales. Work place spirituality survey includes 17 questions evaluating work place spirituality in meaning at work, correlation with others and consistency with organization values and Five-item Likert scale is used. Employees productivity survey consists of 27 items and five-item Likert scale is used in it and it evaluates the componets of Team sharing feeling (5question), Consistency of individual and organizational values (5question), Helping the society (3question), Enjoyment of work (2question) And opportunities for inner life(2question). The reliability of questionnaires is calculated by Cronbach's alpha for organizational spirituality as 0.90 and organizational productivity 0.93. The data are analyzed by Pearson correlation coefficient and multi-variate regression by SPSS, version 21 software.

Findings

Of 142 collected questionnaires, the descriptive data are as: Of total respondents there are 75 men (52.8%) and 67 (42.7%) women. Of total respondents, there are 11 people (7.7%) diploma, 34 people(13.4%) associate, 78 people (54.9%) BA and 19 people (13.4%) MA.

Table 1

The mean and standard deviation of organizational spirituality and Employees productivity.

Variable	Mean	SD
Organizational spirituality	52.45	12.69
Employees productivity	76.60	17.36

As shown in Table 1, the mean and standard deviation of organizational spirituality are 52.45,

12.69, respectively and Employees productivity as 76.60 and 17.36, respectively.

Table 2

The mean and standard deviation of organizational spirituality components.

No	organizational spirituality components	Mean	SD
1	Team sharing feeling	15.61	4.43
2	Consistency of individual and organizational values	15.22	4.05
3	Helping the society	9.32	2.47
4	Enjoyment of work	6.22	1.98
5	Some opportunities for internal life	6.06	1.82

As shown in Table 2, the mean and standard deviation in team sharing 15.61, 4.43, respectively

and in consistency of individual and organizational values as 15.22 and 4.05 and in helping the

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

society, 9.32 and 2.47, respectively in work enjoyment as 6.22 and 1.98 and in the component of opportunities for internal life as 6.06 and 1.82, respectively.

First hypothesis: There is a significant relationship between organizational spirituality and productivity of employees.

Table 3

The evaluation of correlation between organizational spirituality and productivity of employees.

Correlation	Correlation coefficient	Significance level	Result
Organizational spirituality-productivity	0.793	0.000	H1 supported

As shown in Table 3, significance level (0.000) is less than 0.05 and it shows that error percent is less than 0.05 and with the confidence interval 0.95, we can say there is a significant relationship between organizational spirituality and employees productivity. Also, the positive correlation coefficient (0.793) shows that with the increase of

spirituality of employees of University, their productivity is increased. Thus, the main hypothesis of study is supported and H0 is rejected.

Second hypothesis: There is a significant relation between organizational spirituality components and Employees productivity.

Table 4

Correlation between organizational spirituality components and productivity of employees.

No	Correlation	Correlation coefficient	Significance level	Result
1	Team sharing feeling	0.725	0.000	H1 supported
2	Consistency of individual and organizational values	0.728	0.000	H1 supported
3	Helping the society	0.629	0.000	H1 supported
4	Enjoyment of work	0.628	0.000	H1 supported
5	Some opportunities for internal life	0.598	0.000	H1 supported

As shown in Table 4, significance level (0.000) is less than 0.05 in all components of organizational spirituality and it shows that error percent is less than 0.05 and with confidence interval 0.95, we can say there is a significant relationship between all components of organizational spirituality with productivity of employees. Also, the positive correlation coefficient shows that with the increase of all components of organizational spirituality of employees of University, their productivity is increased. Thus, the main hypothesis of study is supported and H0 is rejected.

Discussion and Conclusion

The results of the study showed that there was a positive and significant association between organizational spirituality and productivity of employees. Results obtained in this research correspond to the results concluded in the studies of [3,4,13,22,5,6,9,15,14,8]. There are many evidences in which a great change is occurred in the majority of organizations and it is called spirituality movement. The organizations as considered as rational systems focused mostly on creating a space for spirituality. These aspects are less associated with

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

the rules and mostly with meaning, purpose and correlation. Spirituality at work place helps the employees to focus on important issues in life; God, family, other people and the materialistic world. This spirituality enables the employees to have better and exact attitude to the position of God and others in their world [25]. Also [15] stated that organizational spirituality had considerable effect on the welfare of employees, meaning, purpose, commitment and connection to organization and these factors increased productivity and improvement of organizational performance. There was a direct relationship between spirituality in organization and organizational performance. Spirituality leads to performance improvement. Today, many people are feel dissatisfaction and insecurity [23]. Spirituality causes that a person achieves high level of awareness and his intuitional abilities are improved. This intuition is considered valuable guidance and managerial skill leading to one's productivity of productivity of organization.

The results also showed that . there is a positive and significant association Between all the components of organizational spirituality with employees productivity. Results obtained in this research correspond to the results concluded in the studies of [3,18,12,27,11,10,9,15,16]. In a study, Ebadi Azar identified five factors of wage, materialistic and spiritual reward, welfare and service facilities, employees' participation in decision making and education process. Various studies have shown that due to the wide participation in management, not only the quality is increased but also the efficiency is increased considerably and employees mostly focus on development and application of common intellectual capabilities [26]. Also [19] showed that spirituality increased commitment and conscience at work place. The employees who protect the organizational values have high individuality responsibility to the success or failure of organization. The clear spiritual view by fulfillment of individual benefits, provides a strong link between the employees and organization. Thus, motivation, team work and commitment to organizational goals are increased [24]. With the improvement of spiritual climate in organization, the managers can improve organization commitment and individual and organizational performance. This is occurred as people with mental security feel others give value to them and they are competent to have

respectable behavior and under such conditions, the members of organization feel purpose, self-confidence and belonging and satisfaction [21]. Stephan Rob in his study showed that the employees helping others add the efficiency of hospitals and increase the quality of services [27]. In Imam Khomeini, Valiasr and Rasul hospitals, there was a significant relationship between the helping behaviors and productivity of employees (Ibid). Also, motivation was the main factor of behavior of all people and it is a motivating force in motivation and encouraging people. If people enjoy in their work, this increases productivity in their job.

Also, for high productivity of University, the above recommendations are presented: 1-The attitude of managers of different sectors of University and chief of Marine sciences University of Chabहार to spirituality at work can help the improvement of productivity of employees and the performance of university is increased. It is proposed that instead of considering the materialistic needs, the managers consider meeting the social, mental and spiritual demands of employees to provide mental health of employees and achieve the organizational goals. 2. Therefore managers should give serious attention to the subject of spirituality at work and attempt to improve spirituality at work. Managers can, taking measures such as job rotation, job enrichment and empowerment of employees, as well as attention to make work enjoyable, improve employees' perceptions of feeling spirituality at work. 3-one of the components of organizational spirituality is team sharing and it is proposed that by creating a friendly climate based on the collaboration between the employees of University can reduce the stress of employees and create social capital in University and this increases the correlation of employees and this also increases the productivity of employees of University. 4- Survey of employees about values of University and considering health and life conditions of employees can lead to acceptance of goals and values of University values from the employees. If this is done truly, it leads to individual productivity and creates organizational productivity . It is proposed that top managers consider spiritual needs of teachers and attempt to create dynamic and motivating environment. Thus, by these actions, we can hope the employees enjoy their work and this increases their productivity. 5-The manager should communicate with the employees more and make efforts to apply team work among the employees of

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

organization. Creating a space in which the people are encouraged for collaboration can be effective on establishing relationship between aiding behaviors and productivity. Some of the limitations of study are

that the respondents avoid responding the questions due to the fear of risk of their job situation or they respond the questionnaires as conservative.

References:

1. Abedi Jafari, Hassan, Rastegar Abbasali (2007) The emergence of spirituality in organizations, concepts, definitions, conceptual assumption, models. *Journal of Iran management sciences*. Year 2. NO. 5.
2. Azad Marzabadi Esfandiar, Hooshmandja Manije, Pourkhalil Majid (2012) The relationship between Organizational Spirituality and the Variables of Psychological Empowerment, Creativity, Spiritual Intelligence, Job Stress and Job Satisfaction among University Employees, *Iranian Journal of Behavioral Sciences*, Volume 6, No. 2.
3. Amirhosseini Zahra, Ghobadi Shadi (2015) The investigation of spirituality at work place and organizational force productivity in tourism bank. *The journal of administrative management mission*. Year 6/No. 17, 18. P. 95-110.
4. Aliabadi F, Dartoomi M, Yazdanpanah Z (2014) The relationship between organizational spirituality and employee productivity. *International Conference on Humanities and Behavioral Studies*, Tehran, Institute of Directors thinker capital Vieira, http://www.civilica.com/Paper-ICHCONF01-ICHCONF01_292.html
5. Balouch S, Balouch Z, Raisi H (2015) WHAT IS THE IMPACT OF ORGANIZATIONAL SPIRITUALITY ON PRODUCTIVITY OF HUMAN RESOURCES?. *International Scientific Journal Theoretical & Applied Science*, Issue: 03 ,Volume: 23, p.115-121.
6. Balouch S, loghmannia M, Amiri M, raisi A (2014) Investigating the Relationship between Organizational Spirituality With Organizational Citizenship Behavior (OCB) and Productivity Among Middle School Teachers. *MAGNT Research Report* , Vol.3 (1). PP: 1463-1470
7. Beikzadeh Yazdani Hamdollahi (2011) Workplace spirituality and its effect on components of organizational citizenship behavior, *Educational management studies scientific periodical*, 3, No.1.
8. Claude J, Zamore G (2003) Workplace Spirituality and Organizational Performance. *Public Administration Review*, Volume 63, Issue 3, Pages 355–363.
9. Daniel Jose Luis (2010) The effect of workplace spirituality on team effectiveness. *Journal of Management Development*, 29(5):442-456.
10. Ebadiazar Mohammad Taghi (2005) The investigation of effective motivational factors on improving productivity in management of administrative affairs of Tabriz University. MA thesis of administrative management. Institute of education and research of management and planning.
11. Golparvar Mohsen, Rafizade Parvindokht (2009) The model of improving OCB via job attitude, professional growth, leadership support and empowerment. *Journal of vision*. Year 16. NO. 44, p. 27-45.
12. Hamid Najme, Dehghanizade Zahra (2012) The relationship between spirituality, organizational commitment and general health with job performance among the clinical nurses. *Journal of nursing management*. First year. No. 2, p. 20-28.
13. Jamshidi Ghahghari Fateme, Hayati Zahir (2013) Evaluation of the impact of spirituality on human resources productivity in libraries. *Librarian and information research*. 3(1) 50-727.
14. Jurkiewicz Cl, Giacalone RA (2004) A Values Framework for Measuring the Impact of Workplace Spirituality on Organizational Performance. *Journal of Business Ethics*49: 129–142,
15. Karakas Fahri (2010) "Spirituality and Performance in Organizations: A Literature Review", *Journal of Business Ethics* 94: 89–106.
16. Kolodinsky RW, Giacalone RA, Jurkiewicz CL (2008) Workplace Values and Outcomes: Exploring Personal, Organizational, and Interactive Workplace Spirituality. *Journal of Business Ethics*, Volume 81, Issue 2, pp 465–480.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PИИИ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

17. Mahram S (2010) High productivity of work in University system via evaluation of management system.
18. Mayel Afshar M, Rajabzadeh Ghatari A, Memarpour M (2013) "Investigating the relationship between organizational citizenship behavior and labor productivity from the perspective of staff in teaching hospitals of Tehran, Journal of Tehran University of Medical Sciences, Faculty of Allied Health Sciences (Payavarde Salamat) vol. 6, no. 2, pp.157-169.
19. Milliman J, Czaplewski AJ, Ferguson J (2003) Workplace Spirituality and Employee Work Attitudes, An Exploratory Empirical Assessment. Journal of Organizational Change Management. 16(4): 426- 447.
20. Mohammadi Reza, Shariati Sedighe, Mokhtarian Franak, Karamzade Somaye (2008) The trend of change and establishment of performance assessment system in ministry of sciences, research and technology (higher education). Higher education letter. First year, NO. 1. Spring, 2008. Assessment organization publications.
21. Rego Arme ´nio&Cunha, Miguel Pina E (2008) Workplace spirituality and organizational commitment: an empirical study. Journal of Organizational Change Management Vol. 21 No. 1, pp. 53-75.
22. Saneei Mehdi (2012) The model of improving human resources productivity based on spirituality. Scientific-promotion journal of human resources of Naja. Year 7. NO. 27.
23. Salajegheh S, Farahbakhsh S (2011) "Spirituality and organizational commitment, Rahbord magazine, no. 33, pp. 203-220.
24. Taleghani Gholamreza, Mohammad Mostafa, Rostami Hossiein (2012) Effectiveness of Organizational Spirituality in Improving Organizational Citizenship Behavior (A Case Study: City of Zahedan, Iran). Iranian Journal of Organizational Culture Management, Volume XI, No. II, pp. 163-188.
25. Tepper BJ (2003) Organizational citizenship behavior and the spiritual employee. In R. A. Giacalone & C. L. Jurkiewicz (Eds.), Handbook of workplace spirituality and organizational performance (pp. 181–190). Armonk, NY: M. E. Sharpe.
26. Tusi Mohammad Ali (1991) Participation in management and ownership. Tehran. Administrative management education center publications. P. 43-68.
27. Vaezi R, Mayel Afshar M, Memarpour M (2012) "employees' attitude towards organizational citizenship behavior and its relationship to employees' productivity in hospitals of Tehran Medical Sciences Universities, Journal of hospital, vol. 10 I, no. 2, issue no. 37 , pp.1-8 .
28. Yaghubi Normohammad, Raghobi Mahvash, Motathari Zahra (2013) The evaluation of the relationship between organizational spirituality and happiness of employees: A case study in the center of security force of Golestan. Journal of security medicine. 2(2):119-126.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Alexey D. Gavrilov

Master student of Political Science
Department of International Relations,
Political Science and Regional Studies
Volograd State University,
Volograd, Russian Federation

SECTION 22. Policy. Innovations. Theory, practice
and methods.

THE SPECIFICITY OF TECHNOLOGIES FOR FORMING POLITICAL IDENTITY BY NON-STATE ACTORS IN RUSSIA

Abstract: This article is analyzed the features of how non-state actors in Russia can form (or influence on the formation) a political identity. The genesis of approaches to the study of political identity is studied and the formation technologies are analyzed, which used in different historical periods in Russia are analyzed.

Key words: identity, political identity, formation of political identity, political parties, non-profit organizations, Russia.

Language: Russian

Citation: Gavrilov AD (2017) THE SPECIFICITY OF TECHNOLOGIES FOR FORMING POLITICAL IDENTITY BY NON-STATE ACTORS IN RUSSIA. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 107-111.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-13> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.13>

СПЕЦИФИКА ТЕХНОЛОГИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКТОРАМИ В РОССИИ

Аннотация: В данной статье анализируются особенности того, как могут формировать (или влиять на формирование) негосударственные акторы в России политическую идентичность. Изучается генезис подходов к изучению политической идентичности и анализируются технологии формирования, использовавшиеся в разные исторические периоды в России.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, формирование политической идентичности, политические партии, некоммерческие организации, Россия.

Introduction

Понятие политической идентичности имеет множество различных вариаций. Исследование О.В. Поповой показывает, что генезис изучения данного феномена в рамках политической науки на данный момент прошёл следующие стадии:

□ На первом этапе (50-е-70-е гг. XX в.) происходит отождествление политической идентичности с партийной самоидентификацией. «Первопроходцами» были американские учёные, среди которых отдельно выделяю исследователей из т.н. «мичиганского» проекта. Фактически, в тот период времени учёные искали способы привлечения электората через призму их восприятия действующей политики, и использовались в рамках предвыборных кампаний США, а позднее – и в европейских странах,

□ На втором этапе (с середины 70-х-90-е гг. XX в.) происходит смена вектора изучения: помимо партийных предпочтений, которые в тот

период размываются у избирателей, анализируется всё то, что может повлиять на политическую идентичность вообще, и взаимосвязь с другими типами идентичности. Помимо этого, на исследования того периода оказывает влияние процесс глобализации, а также становление информационного общества,

□ «Третья волна» изучения политической идентичности приходится на 1990-е-2000-е гг. В рамках данного этапа учёные всё больше акцентируют внимание на т.н. «политике идентичности»: совокупности действий, которые позволили бы сформировать определённые политические идентичности. Во многом этому способствовало формирование европейской идентичности, а среди изучаемых аспектов актуализируются исследования потомков мигрантов и этнических меньшинств, а также влияние политической идентичности на крайние формы политического поведения [5, с. 14-24].

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Materials and Methods

В рамках отечественной политологии изучение данной тематики начинается в 90-х гг. XX в., как и развитие самой науки в целом, однако фрагментарные работы по отдельным аспектам, которые можно отнести к политической идентичности, появляются уже в 80-х гг. Изначально ряд работ были в русле «первой волны» (сама О.В. Попова отмечает, что это было характерно для стран постсоветского блока, поскольку там только образовывалась партийная система), однако в целом основными объектами исследования можно назвать политические ценности, политическое сознание и самоидентификация индивида. В нулевые годы XXI в. основные тренды в исследованиях примерно совпадают с «третьей волной» [5, с. 24-26].

Таким образом, можно говорить о том, что с позиций генезиса изучения политической идентичности наблюдаются следующие подходы:

- Политическая идентичность ассоциируется с партийной идентичностью,
- Политическая идентичность выступает как одна из идентичностей индивида,
- Политическая идентичность с точки зрения «политики идентичности».

Перейдём к определению политической идентичности. С точки зрения Г. Беста, который проводил исследование, в ходе которого сравнивал национальные идентичности стран Евросоюза по нескольким группам, политическую идентичность можно отнести «к эмоциональному компоненту политического сознания, фиксирующему представление человека о себе только в настоящем. Национальная идентичность имеет два аспекта – этнический и общегражданский – и рассматривается как одна из разновидностей политической идентичности» [3]. Здесь можно заметить, что Бест отдаёт предпочтение национальной идентичности как некоей «основе», а политическая идентичность – лишь эмоциональное восприятие себя и политики в настоящее время.

В свою очередь, российский учёный И.С. Семенов считает, что политическая идентичность – это «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [6, С. 10]. Обращает на себя

внимание то, что определение Семенов относится скорее к коммуникативному подходу, и является, в сравнении с определением Г. Беста, отдельной от национальной, этнической или какой-либо иной идентичности.

Приведём ещё одно определение политической идентичности. И.Н. Тимофеев раскрывает политическую идентичность через три составляющие:

- Совокупность политических принципов, которые служат основанием для ответа на вопрос «Кто мы?», или, другими словами, осознание своей политической общности,
 - Совокупность политических представлений, которые задают у конкретного государства уникальную сущность через его соотнесение с актуальными «Другими» в логике оппозиции «Мы-Они», и через маркирование границ государства,
 - Совокупность представлений о прошлом политического сообщества, исторических событиях, важных для граждан, а также осознание ими политической общности [8, С. 5].
- На базе этого им даются следующие определения политической идентичности, которые соотносятся с каждой из составляющих:

1. Политическая идентичность «как политический проект, самоопределение коллективного политического Я, подчиняющий себе органические основания социального единства сообщества: язык, традиции, этническую культуру»,

2. Политическая идентичность как «механизм определения символических и ментальных границ политического сообщества, определение его уникальной сущности через соотнесение с актуальным Другим, через оппозицию Мы-Они»,

3. Политическая идентичность как комбинация «различных элементов истории и исторической памяти политического сообщества, структурированных в логике политического проекта и задающих содержание концепции коллективного политического Я» [8, С. 74].

Перейдём к технологиям формирования политической идентичности. Широкий спектр данных технологий был представлен в ряде работ Ю.В. Зевако. Он основан на историческом опыте России имперского, советского и постсоветского периодов. Остановимся подробнее на каждой из них.

Для имперского периода учёный выделяет следующие технологии и механизмы:

1. Технология «предписанной идентичности» (механизмы метрификации и

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

«инородческого дискурса»). Она подразумевает градацию населения на основе различных параметров, в результате чего, по некоей совокупности отдельных параметров для индивида (или группы) «определялась» политическая идентичность и проводимая «политика идентичности»,

2. Технология «оптимального администрирования» (механизмы «административной унификации», «целевого управления», «инкорпорации элит» и «инфраструктурного соединения пространства»). Непосредственно связана с конкретными управленческими действиями со стороны государства, которые содействуют на обозначенной территории формированию определённой политической идентичности. Это можно пронаблюдать на примере административно-территориальной реформы времён Петра I, а также выстраивания единой системы чинов и строительство железных дорог в целом по стране (особенно до удалённых от столицы территорий) в XIX веке,

3. Технология «направленной социализации» (механизм русификации / обрусения). Подразумевает под собой непосредственное формирование определённой идентичности. В некотором смысле можно говорить, например, об унификации на заданной территории всей идентичности посредством системы образования, СМИ, культурным и конфессиональным доминированием,

4. Технология «финансово-бюджетного управления/регулирования» (механизмы «позитивной/негативной экономической дискриминации», «круговой поруки», «денежной интеграции»). Позволяет использовать различные экономические ресурсы в виде инвестирования, поощрения, или же конфискации, к примеру, за успехи (или их отсутствие) в формировании политической идентичности. Кроме того, под этим может пониматься введение собственной валюты на обозначенной территории (и ограничение использования других валют, или их исключение) [12, с. 116-120].

В советский период указанные выше технологии и механизмы были дополнены такими, как:

1. Технология «общего дела» (которая включает в себя механизм «народной дипломатии»). Подразумевает под собой совместные действия на определённой территории. Например, это поддержка своих соседей, организация каких-либо локальных торжеств. Благодаря этому создаются связи между людьми на территории их проживания, при этом этническая составляющая постепенно нивелировалась тем самым «общим делом»,

2. Механизм «кадрового распределения» (он работает на стыке «метрификации» в рамках технологии «предписанной идентичности» и механизма «целевого управления» технологии «оптимального администрирования»). Исходит из административной составляющей формирования политической идентичности: профессионал из одной этнической группы «должен» работать в коллективе с представителями других этнических групп.,

3. Механизм «точной секуляризации сознания» технологии «направленной социализации» [10].

Отдельно уделим внимание механизму «точной секуляризации сознания». Под ней понимается выборочное удаление некоторых маркеров идентичности и замена их на другие. Ю.А. Зевако приводится в пример национальное самоопределение татар в постсоветский период. С этнической точки зрения «естественные» маркеры национальности, такие как язык и религия, к примеру, в советский период в целом были либо утрачены, либо в большинстве своём вытеснены в рамках формирования «советского гражданина». Соответственно, с распадом СССР и ростом «националистических дискурсов» встал вопрос о национальном самоопределении татар. Однако представители 30-40-летнего возраста (в период конца 1980-середины 1990-х годов) в большинстве своём не знали татарского языка, а также не были мусульманами. Вследствие этого в обозначенный период времени вставал ряд вопросов: можно ли считать татаринном человека, который не знает татарский язык? Или же если он не является мусульманином [11, С. 150]?

В российский период Ю.В. Зевако и А.А. Вилков не выделяют каких-либо новых технологий формирования политической идентичности. Напротив, происходит использование прежних технологий. Однако это происходит лишь с нулевых годов XXI в., используя технологию «направленной социализации» [9].

На примере представленных выше технологий можно увидеть, что ряд из них в большинстве случаев может быть реализован только государством. И в первую очередь это связано с теми исключительными ресурсами, которые у него имеются. Речь идёт, например, о проведении политики на определённых территориях и её легальности и легитимности, о финансовых и законодательных ресурсах. Вместе с тем, насколько негосударственные акторы в России способны использовать те или иные технологии формирования политической идентичности?

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Здесь важно определиться с тем, что понимается под негосударственными акторами. С одной стороны, под это попадают субъекты гражданского общества. Но можно ли отнести к нему политические партии? С точки зрения «классического» определения можно говорить о том, что они входят в число негосударственных акторов [2, Р. 57]. Соответственно, переходим непосредственно к российской специфике.

На примере некоммерческих организаций в России видно, что любые попытки вести какую-либо «политику идентичности» сводятся к риску быть включёнными в число организаций-«иностранных агентов» или же «нежелательных организаций», поскольку некоммерческие организации не могут заниматься политической деятельностью [1, с. 331-333]. Аналогично можно говорить и про другие общественные объединения. Исследование О.В. Шиняевой и Л.Х. Каюмовой показывает, что россияне склонны не доверять некоммерческим организациям, и как следствие – влияние на население ограничено, и носит скорее локальный характер [7, с. 110-111]. А что касается политических партий, то их роль, в частности, хорошо описывает Симон Кордонский, который говорит, что политических партий фактически в России нет, есть лишь их «сословные имитации»: «А нет групп, чьи интересы можно было бы представлять. Вот этих, которые на площадь вышли? У них нет ничего общего, кроме обиды. Политическая партия — это институт классового общества. Партии представляют интересы богатых и бедных. А у нас нет богатых и бедных,

у нас совсем другая социальная структура. И представительство осуществляется совершенно другим образом. На эту Думу возложены парламентские функции, которые она в принципе не может выполнять. Это еще не сословный собор, но это и не парламент» [4].

Вместе с тем, из представленных технологий в рамках НКО и политических партий возможны реализации каких-либо проектов или ведение совместной работы над чем-либо, что попадает под технологию «общего дела». А с точки зрения возможностей таргетированной рекламы в интернете, – реализация технологии «предписанной идентичности», несмотря на то, что это будет носить локальный характер. Однако это требует дополнительного исследования.

Conclusion

Таким образом, на сегодняшний день в России формированием политической идентичности в массовом порядке может только государство, в силу наличия соответствующих ресурсов и «полномочий». Проведение «политики идентичности» негосударственными акторами возможно лишь в локальном порядке, и применение соответствующих технологий формирования может носить лишь ограниченный характер. Однако с увеличением роли интернета есть вероятность того, что использование данного пространства позволит расширить потенциальную аудиторию для реализации «политики идентичности» в рамках того, как это видят соответствующие акторы.

References:

1. Gavrilov AD (2016) Spetsifika politicheskoy deyatelnosti rossiyskikh NKO: kriticheskiy analiz // Voyennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu okonchaniya Krymskoy voyny 1853-1856 gg.: v 2 chastyakh. FGAOU VO «Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet». Izd-vo: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet (Volgograd). – 2016. – p. 329-335.
2. Goksel D, Gune N, Birden R (2005) The role of NGOs in the European integration process: The Turkish experience // South European Society and Politics. – 2005. – №10. – p. 57-72.
3. (2017) International Elites and the Formation of Political Identity in Post Soviet Space [Elektronnyy istochnik] / Available: https://www.ucl.ac.uk/ceelbas/ceelbas-news/events/workshops/CN09CB1_Lane_Workshop, otkrytyy. Zaglo. s ekrana (Accessed: 08.03.2017).
4. Kak ustroyena Rossiya [Elektronnyy istochnik] Available: <http://rusrep.ru/article/2012/02/29/rossija/comments>, otkrytyy, Zagl. s ekrana (Accessed: 14.06.2017).
5. Popova OV (2011) Razvitiye teorii politicheskoy identichnosti v zarubezhnoy i otechestvennoy politicheskoy nauke // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

- konferentsii (MEMO RAN, 21 - 22 oktyabrya 2010). - M.: MEMO RAN, 2011. - p. 13-29.
6. Semenenko IS (2011) Identichnost' v predmetnom pole politicheskoy nauki // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (MEMO RAN, 21 - 22 oktyabrya 2010 g.). - M.: MEMO RAN, 2011. - p. 8-12.
 7. Shinyayeva OV, Kayumova LK (2015) Rol' nekommercheskikh organizatsiy v ukreplenii sotsial'noy integratsii rossiyan // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. - 2015. - №1. - p. 108-111.
 8. Timofeyev IN (2008) Politicheskaya identichnost' v Rossii v postsovetitskiy period: al'ternativy i tendentsii: monografiya / Mosk. gos. In-t mezhdunar. Otnosheniya (un-t) MID Rossii, kaf. polit. teorii. - M.: MGIMO-Universitet, 2008. - 176 p.
 9. Vilkov AA, Zevako YV (2012) Tekhnologii formirovaniya politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya. - 2012. - №4. - T. 12. - p. 62-71.
 10. Zevako YV (2012) Formirovaniye politicheskoy identichnosti v Sovetskom Soyuze: tekhnologii, mekhanizmy, resursy // Molodozhnaya politicheskaya nauka v Saratove. Yezhegodnik nauchnykh statey po problemam politicheskoy teorii i praktiki studentov i aspirantov saratovskikh vuzov. Saratov, 2012. Vyp. 3. p. 22-32.
 11. Zevako YV (2012) Tekhnologii formirovaniya politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii: mekhanizmy, resursy, effektivnost': diss. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02 / Yuliya Valer'yevna Zevako; [Mesto zashchity: FGBOU VPO Saratovskiy gosudarstvennyy universitet imeni N.G. Chernyshevskogo]. - Saratov, 2012. - 209 p.
 12. Zevako YV (2012) Tekhnologii konstruirovaniya politicheskoy identichnosti v politicheskoy srede Rossiyskoy imperii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. - 2012. - T. 12. - Vypusk 1. - p. 116-120.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Sarvar Inatillayevich Nazarqosimov
Researcher
National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

SECTION 24. Sociological research

MAIN CONCEPTS AND CATEGORIES OF DEVELOPMENT OF SOCIAL SPHERE IN UZBEKISTAN

Abstract: In this article some basic concepts and categories that reflect the dynamics of the social sphere in the example of the Republic of Uzbekistan are considered. The article also highlights the main aspects of the implementation of social policy, which, through the evolutionary path of development, made it possible to achieve high results in the social sphere of the Republic of Uzbekistan.

Key words: Social sphere, society, social policy, market economy, childhood, social protection, labor, unemployment, employment, dynamics.

Language: English

Citation: Nazarqosimov SI (2017) MAIN CONCEPTS AND CATEGORIES OF DEVELOPMENT OF SOCIAL SPHERE IN UZBEKISTAN. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 112-117.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-14> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.14>

Introduction

The concept of "politics" (from the Greek "state") means the sphere of activity of state and public structures for the preparation and implementation of decisions that are fundamental, fundamental in determining the directions and ways of development of society. Any problem becomes political in nature if its solution is related to the interests of people belonging to different social groups. This predetermines a high degree of responsibility in the preparation and adoption of political decisions.

The subject of social policy is the problems of relations between two interrelated groups of citizens, one of which represents the able-bodied part of the population, and the other is incapacitated. Naturally, both these groups should be the sphere of social policy.

Materials and Methods

The state policy in matters of labor, employment, wages, etc. is an integral part of social policy. In literature, it is often referred to as social and labor policy. The social and labor policy and social policy of the state are correlated as part and whole.

One of the main objectives of social policy is the implementation of social programs, but this requires huge resources, the creation of which is the business of the economy, and overcoming the decline

in production, stabilization and economic growth are impossible without skilled, efficient, income-generating labor. Social policy can not be real and complete if it restricts its sphere of influence to only the so-called socially vulnerable groups (children, adolescents, mothers with many children, disabled people and pensioners, and unemployed people), i.e. Is aimed only at those who rightly require constant attention, concern and support from the state.

The core of Uzbekistan's internal policy is the construction of a market economy that is oriented to human interests, with a strong mechanism for motivating labor and protecting the state's socially vulnerable segments of the population. At present, Uzbekistan is implementing a national model of transition to market relations, based on five key principles formulated by the First President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov: the priority of the economy over politics; The leading role of the state in implementing the policy of transformation; law supremacy; Strong social policy, taking into account the demographic specifics; A phased evolutionary transition to a market economy without revolutionary leaps and "shock" measures.

Moreover, unlike the centrally planned and liberal market economy, the national model provides for the formation of a socially oriented market economy, in which the goal of reforms and economic development is the creation of decent conditions for human development, ensuring reliable social

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

guarantees and raising living standards of the population.

At present, the social policy of the state within the framework of the national model of transition to a market economy proceeds from the basic tasks of the current stage of reforms: the completion of the process of denationalization and the formation of a layer of real owners; Strengthening the national currency; Structural reorganization of the national economy - its reorientation to produce final products.

The main objectives of social policy are to raise the level and quality of life of the population, create conditions for better satisfaction of material and spiritual needs for all social groups on the basis of stimulating labor and economic activity of citizens, strengthening social justice, improving the mechanism of social guarantees and social protection.

The basis of the state's social policy at the stage of transition to the market are:

- freedom of economic activity as the basis for improving the well-being of the people;
- increase of labor activity as a condition of maintenance of own well-being and well-being of a family;
- targeted social protection of the population, concentration of state support on really needing strata of the population.

The main directions of the state social policy of Uzbekistan during the transition of the economy to market relations are:

- regulation of incomes of the population;
- social protection of the population and provision of social guarantees;
- addressing employment problems;
- elimination of environmentally harmful production;
- reorganization of financing of public health services, education, culture;
- improvement of the demographic situation in the republic.

Among the most important areas of social policy, labor issues occupy a special place. The role of labor as the basis for the life of society necessitates the development and implementation of state policy in solving problems related to it in cooperation with trade unions and employers (entrepreneurs).

The main directions of state policy in the field of labor include:

- creation of economic and social conditions for strengthening motives and incentives for highly productive work;
- creation of a system for regulating the rates and salaries of employees, regardless of the form of ownership;
- development of state programs to increase productivity and labor efficiency based on the

rational use of labor, material, technical and natural resources;

- improvement of labor legislation, expansion of state guarantees, benefits and compensation in the field of labor and its payment;
- development of the state's social partnership with trade unions and other workers' organizations, employers (employers) in solving labor issues and paying for it, resolving collective labor disputes (conflicts);
- development and implementation of the state employment policy;
- forecasting the development of population, the formation of the labor potential of society, taking into account demographic and socio-economic factors.

The transition to a market economy caused an urgent need to introduce the concept of "social protection of the population."

Social protection of the population is a system of direct targeted state guarantees to the population that ensures normal living conditions.

In other words, the social protection system should be built on the basis of solving problems of ensuring real socio-economic efficiency, and not from narrow considerations of the effectiveness of the market system.

At the same time, social protection is objectively determined on the one hand by the system of economic relations in which it operates, and, on the other hand, by the requirements of the current state of the world economy and the human community as a whole.

In the modern economy, which should be an "economy for man", an effective system of social protection is needed, one that makes it possible to use the labor potential of every person, regardless of its socioeconomic status, or to what socioeconomic group it belongs to. This is how you can achieve effective use of human potential and what is called "confidence in the future." If such protection is not ensured, then it becomes impossible or at least significantly hampered the use of a qualified workforce, which must have the ability to retrain, develop new creativity.

In other words, the existence of an effective system of social protection is an inalienable feature of a modern economy based on the work of a skilled worker. Otherwise, an effective economy at the turn of the XXIst century will simply not be created.

Effective social security means a system of economic relations that ensure to each member of society the guarantees of a certain standard of living, the minimum necessary for the development and use of his abilities (labor, entrepreneurial, personal), and providing him with the loss (absence) of certain abilities (old people, disabled people, Sick, children, etc.).

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

With this approach to the definition of social protection, its terms become the following guarantees:

- work for the able-bodied (protection against unemployment);
- providing benefits to already and still disabled, disabled and other socially vulnerable groups of the population;
- normal standard of living based on income from work or benefits (including consumption of basic material goods, especially food);
- minimum equitable access to housing, health and cultural services;
- obtaining the education necessary for the formation of modern skilled labor.

Accordingly, the state and its structures guarantee the solution of the following tasks.

First, society guarantees the right to work, including guarantees of obtaining a workplace or the necessary resources and payment for work. The state guarantees socially acceptable working conditions, minimum wage conditions, and creates guarantees of equality of subjects in the labor market (insofar as it exists in a mixed economy), guarantees of free choice of a profession, occupation, place of work, sphere and place of application Labor. Such a system presupposes not only the activities of state bodies, but also a developed system for the organization and self-organization of workers in the form of trade unions, associations of labor collectives and other bodies representing the interests of wage workers or workers who are owners of their enterprises.

Secondly, society through the system of state bodies and other social structures guarantees legislative and other social protection of the working day, working week, working year, favorable conditions for maintaining long-term working capacity with high labor efficiency.

Thirdly, the society guarantees the development of the social and cultural sphere with priority consideration of the requirements of social security of the population. In particular, this task is realized on the basis of favorable conditions for daily, weekly and annual rest by developing the necessary system of institutions, recreational infrastructure.

The next direction is the protection of health, the development of education, education and a high level of culture, implying the universality of the values of national and world culture, which are in public ownership.

Social protection of the population is provided by the following types of social assistance:

- pensions;
- benefits;
- benefits, benefits and services;
- one-time (non-systematic) material assistance.

The objects of social protection are:

- persons of retirement age;
- people with disabilities;

- children who have lost their breadwinner;
- children from low-income families;
- unemployed;
- pregnant women and non-working mothers caring for young children;
- temporarily unemployed for sickness;
- studying youth;
- able-bodied unemployed citizens who care for the disabled.

Pensioners are people who have lost their ability to work due to reaching retirement age or disability, as well as children who lost their breadwinners (orphans). Social protection of this circle of people is achieved by the pension system.

Unemployed people are able-bodied people who lost their jobs for various reasons and want to find a job. Social protection of this circle of people is achieved by the system of unemployment benefits.

Children from low-income families are people who have not reached the working age in their families, the aggregate income for each family member is less than the officially established subsistence level.

Social protection of this circle of people is achieved through a system of child allowances.

Social protection of the population is ensured through the system of old-age insurance, loss of ability to work or loss of a bread-winner (pensions, including private pension provision), social payments to low-income families (child support), social support temporarily unemployed (unemployment benefits), benefits and benefits To certain categories of the population, taking into account their material well-being and merit (social assistance in the form of patronage services, provision of products, fuel, etc.), protection of the mother (Provision of antenatal and postnatal leave), health insurance (medical insurance, temporary disability allowance), material support for students studying in the country (scholarships), disability prevention and rehabilitation (rehabilitation of the disabled, prosthetic and orthopedic centers).

The state regulates the level of social protection of the population through the system of legislative and by-laws, determines the level of the subsistence minimum and, taking into account it, sets minimum wages, social payments, insurance contributions and types of social assistance (benefits), coordinates the activities of the services involved in social protection.

However, the most effective role of the state in regulating the level of social protection of the population is to stimulate the creation of additional jobs, including for the disabled, in assisting the population in training, retraining and raising the level of qualifications.

Considering that the social protection system should be aimed at preventing the fall of the standard of living to complete impoverishment, the concept of "poverty" is introduced; the poverty line is defined

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHIQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

and, based on this, the criterion of "need" for social assistance.

Poverty is defined as the standard of living below the established standard prevailing in society as a whole. The poverty line varies depending on time and place. The lower limit of poverty (absolute poverty) is the level beyond which a person can not exist. This limit is not subject to regulation.

The upper limit of poverty (relative poverty) is a level that does not exceed the average standard of living in this particular society as a whole. This limit can be regulated and established by the state.

The difference between absolute and relative poverty determines the degree of social security of the population, that is, the greater this distance, the more prosperous the society, both economically and socially. Consequently, relative poverty is an officially established minimum subsistence level for the state.

Need is the need to meet basic needs. From the point of view of social protection, the need means that it is necessary to bring the income of a particular person from the level of poverty to the level of the subsistence minimum officially established by the state. Satisfaction of need is provided by a combination of different types of social assistance.

The totality of all types of social assistance, taking into account personal incomes, must neither exceed nor be less than the officially established subsistence minimum. Failure to comply with this condition will result in the development of a dependent or discrediting the notion of social protection.

Types of social protection, as well as the amount of material support are set taking into account the environmental situation on the ground, the connection with agriculture and industry. At the same time, the order of delivery and its size should not contribute to the development of dependency.

When forming a system of social protection of the population, prospects for its development and stages of formation, it is necessary to take into account the state and possible changes in the demographic situation. Thus, the peculiarity of the demographic situation in Uzbekistan lies in the fact that about half of its population is incapacitated. However, unlike the countries located in the European part of the former USSR, about 80% of the disabled populations of the republic are children, that is, about 9.5 million people have not reached working age and at the same time high rates of natural population growth remain.

Social protection of the population that has not reached the working age should ensure the normal physical and spiritual development of the individual, which allows them to adapt in the market.

The main principle of social protection is the provision of assistance to each individual or family, depending only on the assessment of their income,

the level of welfare, quality and duration of socially useful work.

The system should support and assist people living below the poverty line, and at the same time encourage the desire of citizens to ensure their social protection in old age and with disability.

The main consumers of social protection in Uzbekistan are the disabled citizens, who in turn are divided into two main groups - persons who have lost the ability to socially useful work, and persons who have not reached the labor age. In this regard, it is expedient to distinguish two main types of social assistance:

- assistance in the form of pensions;
- assistance in the form of benefits.

A key link in the system of social protection for the elderly, disabled people and families who lost their bread-winners is pension provision. It performs several functions, the most important of which is compensation for loss of ability to work.

The development of market relations as a major contributes to the function of pension as a direct result of labor contribution to the development of society, the state, cooperative and private sectors in industry, agriculture, service, trade, etc.

The pension system should stimulate an increase in the retirement age, the desire to rehabilitate disability, reduce injuries and occupational morbidity. The size of pension provision should depend on the duration and intensity of labor.

In Uzbekistan, a number of activities aimed at enhancing the social protection of pensioners have been implemented. In September 1993, the first national law "On State Pension Provision of Citizens" was adopted.

The law strengthened the dependence of the amount of pensions on the amount of contributions to social insurance, and thus significantly brought the pension legislation closer to the standards of developed countries.

In order to create a unified financial basis for the social protection system in Uzbekistan, the Social Insurance Fund has been functioning since 1993. The Fund provides financing for the payment of pensions, temporary disability benefits and social benefits.

An important direction of social protection of pensioners is the determining growth of pensions over the minimum wage.

In 1992-1995 years. The growth of the minimum pension in Uzbekistan outpaced the growth of the minimum wage by almost 3 times, which was accompanied by the given opportunity for the workers to earn significantly more than the minimum.

One of the most vulnerable categories of the population is disabled. The legal basis for rendering assistance to disabled people in the country exists in the form of the Law of the Republic of Uzbekistan

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHIQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

"On Social Protection of the Disabled" and "The State Program for the Rehabilitation of the Disabled". Particular attention in this program is given to creating equal opportunities for disabled people.

Such public organizations as the Uzbek Society of the Disabled, the Uzbek Society of the Blind, the Uzbek Society of the Deaf, etc. are successfully functioning in the country. These societies organize work of disabled people at their enterprises and create an opportunity for them not only to receive additional income, but also to join the labor activity, to feel them necessary to society, which has an invaluable, but real effect. The system of child benefits operates in Uzbekistan in the following order:

1. At the birth of a child, parents receive a one-time benefit in the amount of two minimum wages, which significantly ensures the indexation of this type of benefits with the growth of inflation.

In addition to the childbirth allowance, mothers or persons caring for the child are eligible to receive benefits until they reach the age of two.

2. Unified benefits for families with children under 16 years of age.

They are paid to families depending on the incomes of parents. The amounts of these benefits are small (maximum allowance for a family with four or more children is 150% of the minimum wage). The main goal pursued by the state in the payment of such benefits is to support the financial situation of families with children.

Since the mid-1990s, the targeted form of social protection in Uzbekistan has begun to develop, focused on helping the neediest families. It is paid at the expense of the state budget, and is appointed by the decision of the citizens of the village, kishlak, aul, meeting of representatives of citizens from streets or apartment houses.

The decision is preceded by a test of the applicant's need for financial assistance. The amount of assistance is from 1.5 to 3 minimum wages.

An appeal to the centuries-old traditions of the Uzbek people allowed channeling part of the gross national product in favor of the neediest without any increase in the bureaucratic apparatus, through self-government bodies (mahalla). In 1995, every eighth family of Uzbekistan received material assistance, and in the village - one in five.

According to the estimates of specialists of the international labor organization, such a system operating in Uzbekistan is recognized as "unique", since it has no analogue in any country in the world.

Preferential pension provision for persons employed in jobs with harmful and difficult working conditions should be carried out at the expense of enterprises and employers, with the exception of

those industries whose working conditions can not be improved.

The system of child allowances in Uzbekistan is limited to the following types of benefits:

- a one-time benefit at the birth of a child;
- Monthly allowance for children of low-income families under the age of 16 years (for students who do not receive scholarships, up to 18 years).

The amounts of these benefits are determined by the ratio of the total family income to the officially established subsistence level.

With the organization of the labor market, another group of the population appears, requiring social protection - the unemployed. A distinctive feature of this part of the population is that it is able-bodied and for this reason has no right to help. For this category of population, a social protection mechanism should be developed that does not violate the incentives for work and does not impose an unbearable burden on the budget.

The system of unemployment benefits should prompt for an early employment, raising the level of their qualifications or acquiring a new profession that is in demand in the labor market. In this regard, unemployment benefits are limited both in size and duration of their payments. In addition, the amount of benefits paid varies in time. For example, in the first quarter of the period the amount of the benefit is paid in full, in the second quarter - the amount of the benefit is reduced by 25%, in the third quarter - by 50% and, lastly, the benefit is paid at a rate of 25% of the originally established amount, but in all cases not less than officially established living wage. The largest area of social protection is health protection. It covers the whole population of the republic and for this reason requires considerable funds. The health care system is designed to stimulate a healthy lifestyle and improve the level of medical care, while not contributing to the development of dependency.

The amount of temporary disability allowances must take into account the causes of the onset of the disease. A mechanism is being developed to provide additional care that takes into account the severity of the disease and the costs of its treatment.

Conclusion

The reform of social protection in terms of ensuring health protection is built on the basis of the experience of developed countries and gradually passes to the system of insurance medicine, which is introduced in stages.

The introduction of insurance medicine should not deny the existence of a public health service funded by the state and also providing a full range of medical services. The presence of this service will allow, in some measure, to protect the most disadvantaged segments of the population.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

References:

1. Mirziyoev SM (2016) My vse vmeste postroim svobodnoe, demokraticeskoe i procvetayushchee gosudarstvo i procvetayushchee gosudarstvo Uzbekistan. – Tashkent: «Uzbekistan» NMIU, 2016. – 56 p.
2. Mirziyoev SM (2017) Kriticheskiy analiz, zhyostkaya disciplina i personal'naya otvetstvennost' dolzhny stat' povsednevnoy nomoy v deyatelnosti kazhdogo rukovoditelya. – Tashkent: «Uzbekistan» NMIU, 2017. – 105 p.
3. (2010) Nasha glavnaya zadacha – dal'neyshee razvitie strany i povyshenie blagosostoyaniya naroda. — Doklad Prezidenta Islama Karimova na zasedanii Kabineta Ministrov, posvyashchennom itogam social'no-ekonomicheskogo razvitiya strany v 2009 godu i vazhneyshim prioritetam ekonomicheskoy programmy na 2010 god // Narodnoe slovo, Jan 30, 2010.
4. (2010) Modernizaciya strany i postroenie sil'nogo grazhdanskogo obshchestva – nash glavnyy prioritet. – doklad Prezidenta Islama Karimova na sovmestnom zasedanii Zakonodatel'noy palaty i Senata Oliy Mazhlisa Respubliki Uzbekistan// Narodnoe slovo, Jan 28, 2010.
5. (2009) Konstituciya Uzbekistana – prochnyy fundament nashego prodvizheniya na puti demokraticeskogo razvitiya i formirovaniya grazhdanskogo obshchestva.– doklad Prezidenta Islama Karimova na torzhestvennom sobranii 5 dekabrya 2009 goda po sluchayu 17-letiya Konstitucii Respubliki Uzbekistan// Narodnoe slovo, Dec 6, 2009.
6. (2009) Dal'neyshaya modernizaciya i obnovlenie strany – trebovanie vremeni. Doklad Prezidenta Respubliki Uzbekistan Islama Karimova na zasedanii Kabineta Ministrov, posvyashchennomitogam social'no-ekonomicheskogo razvitiya strany v 2008 godu i vazhneyshim prioritetam ekonomicheskoy programmy na 2009 god // Narodnoe slovo, Feb 14, 2009.
7. Karimov IA (2009) Samyy osnovnoy kriteriy – otrazhenie pravdy zhizni. T.: Uzbekiston, 2009. – 24 p.
8. Karimov IA (2008) Yuksak ma"naviyat – engilmas kuch. Toshkent, Uzbekiston.
9. Nazarov RR (2014) Razvitie social'noy sfery v Uzbekistane v 2014 g. (19.02.2015) / Available: <http://www.biznes-daily.uz/ru/gazeta-birja/26852-razviti-sotsialnoy-sfriuzbkistana-v-2014-godu> (Accessed: 10.06.2017).
10. Azimbetova Saule (2017) V prioritete – social'naya sfera // g. Narodnoe slovo ot 27.01.2017.

**SECTION 17. World history. History of science
and technology.****SOME REFLECTIONS ABOUT CULTURE OF NOMADIC CATTLE-
BREEDERS IN USTRUSHANA**

Abstract: In this article some historical retrospectives of the Middle Ages relations between nomads in Ustrushana are considered. Some historical dates are reconstructed also in this article.

Key words: the Central Asia region, archeological reconstruction, nomads, Ustrushana, Behistun, Sogd, Zeravshan, Djizak.

Language: English

Citation: Tashboev FE (2017) SOME REFLECTIONS ABOUT CULTURE OF NOMADIC CATTLE-BREEDERS IN USTRUSHANA. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 118-121.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-15> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.15>

Introduction

In the history Ustrushana was developed as a contact zone between the farming and sedentary tribes of the Central Asia. However, the settled tribes kept the nomadic type of economy mentioned in the written sources. On the Behistun stele and in the Greek historians' works there are enough data about the nomadic cattle-breeders of the Middle Syr Darya, in particular, the Sakas and the Scythians. The written sources of the 6-4th centuries BCE mention the population of the region basically as about the cattle-breeders, and the next ones (the 4th - 2nd centuries BCE) noted that the Sakas' tribes had the stationary stands and simple houses [1, S. 23]. The Chinese chronicles tell about the Sakas as about founders - of Kang state and residents of wattle and daub houses. These written sources indicate that the nomads lived along with the farming population in this region. It should be noted that this population was strongly influenced by the cattle-breeders like other ancient farming oases of Shash, Fergana and Sogd.

Materials and Methods

It is known that in the 3rd - 2nd centuries BCE the Great migration of peoples resulted in the mass entry and settling of the nomads as new ethnic elements took place. Consequently, the entry of nomads' ethnic groups and transition of some of them into the settled way of life led to the change of types of economy. The cultures of the Andronovo communities of the Bronze Age and the population

of sedentary-agricultural oases stand out much in the history of peoples of the Middle Syr Darya according to the archaeological materials [2, S. 21].

Antiquity of Central Asia is characterised by convergence of the farming and nomadic population's cultures and intensification of processes of the ethnical interaction, although this process started in the late 1st millennium BCE in the lower and middle basins of the Syr Darya River connected to the so-called «steppe culture». At the same time, the nomadic tribes began actively settling in Ustrushana, Fergana and Chach. It is retraced in spheres of material and spiritual culture of all regions. The future fortune of the nomadic Sakas' tribes is linked to the history of the Eurasian nomadic tribes, who invaded the Central Asia and were ethnically similar to this population.

Ustrushana from of old had very important strategic significance for Sogd as «East gate». At their time the nomadic tribes from steppes of Shash and Fergana chose two routes for marches toward Sogd: Djizak-Ilonutti into Zeravshan oasis and Djizak-Nurata into Bukhara and Karmana [3, S. 92].

The presence of samples of the Sogdian material culture in Ustrushana is evidence that these cultures had almost the same source of origin. According to G.A. Brykina's point of view, who researched the border areas of Southwest Fergana and Ustrushana, the nomads were frequently influenced by the highly developed farming cultures. The aforesaid is proved by the ceramic products disclosed during researches of the burial mounds in the local-

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

ity[4, S. 145]. The main part of ceramics was produced on the potter's wheel and ornamented with the red engobe and incised pattern. However, these handicrafts had some qualitative defects such as a crude treatment, dimness of engobe and frailty of firing. All of this gave G.A. Brykina possibility to conclude that these handicrafts were products of the local recently settled craftsmen imitating the imported goods from the Fergana Valley.

The innovation in the ceramic production was the making of ware with imitation of the wooden and metal vessels. Such handicrafts were quite frequently discovered at sites of Ustrushana. However, it is difficult to tell about an influence of the sedentary cultures on the potter's production of the nomads in Northwest Ustrushana as much as in Fergana. The reason is a particle study of about 800 burial grounds and groups of similar sites fixed in Northwest Ustrushana. And on the territory of Syrdarya Province 17 groups or separate burial grounds are fixed[5, 28. S. 73. Ris. 1]. The ceramic materials found in burial grounds of Ustrushana of Antiquity unlike the similar items of the settled tribes were handmade with rough shape, low-quality raw material such as the fire clay with added gravel and fine sand. In general, the majority of vessels is low pottery with even and wide bottom.

Results of researches of sites in Northwest Ustrushana are evidence of more elements of the steppe culture appeared in the ceramics [6, S. 260]. In the burial mounds there are rare handicrafts of high quality produced on the potter's wheel typical for the urban production. The ceramic jugs found in burial grounds of Gulba 2 and 5 were produced on the wheel of rapid rotation with even firing and the dense clay without foreign admixtures. The surface and bottom of vessels were coated with light brown engobe. The inner part is covered with engobe runs. Shoulders are decorated with a convex band. The rim is slightly slanted out. The diameter of rim is bigger than the bottom, what is typical exactly for vessels of the urban population, whereas the nomads' vessels had different proportions. The analogous vessels dated to Kushan period were discovered in burials in Koktepa site in Samarkand Province [7, fig. 8, 2-3; P. 52, fig. 12]. The vessels with cylinder on shoulders are typical for Babashov burial ground [8, S. 154-155.]. As the further evolution of ceramic production of, e.g. the 5-6th centuries is observed, then the items produced on the potter's wheel such as the narrow-necked and big jugs with one handle coated with red engobe and cauldrons with lids originated. Generally, the technique of production and the shape of studied ceramics are closed to the Kaunchin culture.

L. M. Levina identified three stages in development of the Kaunchi and Otrar-Karatag cultures: the first is the 1st - the late 3rd and the early 4th centuries; the second is the 4th-5th centuries and the third is the 6th - the early 8th centuries. For the

third stage of the Kaunchin culture the influence of Sogd and Ustrushana on Tashkent oasis is characteristic; the influence of Sogd is revealed in some architectural elements such as terracotta, stamped decoration, and also in the production of ceramics imitating the metal vessels [9, S. 226-227]. According to N.G.Gorbunova's point of view the culture of Northwest Ustrushana looks very much like the culture of Fergana, because the latter one also originated through the synthesis of agricultural and cattle-breeding population. As a result, till the early Middle Age in Fergana there was no monetary circulation, the wall painting, sculptures (besides the crude terracotta) and different ornaments. This region was much closer to the culture of peoples of the Syr Darya basin, than to the farmers of southern Central Asia [10, S. 105].

However, it does not mean that the Fergana variant of a mixed culture prevailed in Ustrushana in the 3rd - 4th centuries as well. It seems to us that the period of migration of the steppe peoples into the agricultural oases are partially ended by their transition to settled way of life. The latter fact might be explained by special features of the material finds corresponding to the nomads and the sedentary population and location of burial mounds near the farming oases. The military armour such as sword, poniard, knife, bow and arrow, and also the houseware were disclosed near the dead in Gulba burial mounds located in Zaamin region of Djizak Province. These archaeological materials are identical to artifacts of the steppe nomads.

The data on the arms of Ustrushana population of Antiquity and the early Middle Ages are very rare. The lack of researches of this issue might be explained by several reasons. The main reason is, from our point of view, a small number of arms in the archaeological complexes of Ustrushana. As a matter of fact, there are enough bronze and iron arrowheads and the bone pieces of bow. The rest of armour is single. In addition, in Ustrushana there are almost no special works on this issue [11, S. 186-195]. However, there are some publications with collected and interpreted materials of Antiquity.

A complex of arms from Gulba burial ground includes the means of distant fight (arrowheads), infighting (swords, poniards and knives) and defence (armour-clad plates) found only in three burial mounds, but in poor condition. We will describe the arms found in Gulba burial mound below.

The swords (just four specimens) are totally extant, although strongly corroded and deformed. All swords differ a little from each other in shape and method of production. They were placed mainly below the belt crosswise or in parallel to the dead. Such a position of swords is well-known. Swords are straight, iron, double-blade and the crosshair is the widen extension of the blade. The handle is narrow with traces of wooden encasing on some of them.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

The top is formed in the shape of half-arc. The sword is from 64 to 82cm long. The widest part of blade is 2-4cm [12, S. 66-73].

The similar swords were discovered in Tulkhar and Babashev burial grounds of Bishkent Valley dated to the 2nd - 1st centuries BCE, Lyavandak and Akdj atepa burial grounds of Sogd oasis of the 2nd - 1st centuries BCE [13, 2. S. 131. Ris. 8.] and Bishunear burial grounds of South Ural. They are known by finds from Sarmat burials and by arms and armour disclosed at Kanka site of Tashkent oasis. All five specimens of poniard are almost totally extant as well. Traces of wooden encasing and clip-riverts are realed in handles. The straight double-blade poniards are 16-22cm long. The widest part of blade is 2,5-4cm. The analogues of ofponiards were found in Tulkhar burial ground of the Bishkent Valley dated to the 2nd - 1st centuries BCE [14, S. 14-15. TabI. XXXIX], burial grounds of Tashkent oasis, and in Vorukh, Karamazar, Lyavandak, and Ogalik burial grounds of Sogd oasis in the 2nd - 1st centuries BCE [15, S. 19. TabI. 3,1,3.]. The riverts to fasten the wooden handle to an iron part were found in Achamoyl burial ground of Tashekent oasis. The periodisation of above-mentioned finds is from the 2nd - 1st centuries BCE and the 1st century CE.

The knives are generally straight and single-blade, passage from the heft to the blade is smooth. The heft was set symmetrically as extension of the axis of blade. B.A.Litvinskiy attributed such knives to the first section, type I. Our knives are more similar to knives from Vorukh burial ground and Karamazar kurum. The trilobite arrowheads (6 specimens) with heft and straight stings are made of iron. They are 3-5cm long. The spike was coated with a melted material, evidently, during the cremation of the dead. Such finds are commonly dated to the last centuries BCE - the first centuries CE. There are two more arrowheads with heft coated almost totally by the same melted material. All arrows were placed at the belt and a leg. B. A. Litvinskit noted the wide spread of this type of arrowheads from the 3rd century BCE to the 3rd

century CE [16, 2. S. 78-81]. The written sources inform us that the Middle Syr Darya was renowned long since for archers. Indeed, the iron arrowheads prevail in number among other types of arms. Basing on the involved analogues we may preliminarily date them to the 2nd - 1st centuries BCE and the 1st century CE.

The majority of burial mounds in Gulbo is catacombs and related in shape to the so-called Kenkol type such as a catacomb with dromos oriented to the west. There are two versions of origin of the catacomb burials. Yu.A. Zadneprovskiy supposed that the catacomb and similar burials were left by the newcomers, because they were not typical for Central Asia; those tribes lived together with the local population for 600-700 years. According to different point of view it is assumed that they were of local origin[17, S. 39]. The question - whether these sites belonged to the arrived nomads or to the local sedentary population? - is not of less interest⁴⁸. Our materials are evidence that they were left by the nomads, because the material culture had no analogues in the sites of that period.

Conclusion

Thereby, it is possible to state that the migration of nomads in Antiquity into oases of Northwest Ustrushana strongly influenced on the culture of local population. These tribes occupied the convenient for irrigated agriculture oases around towns and settlements. Frequently, fortresses and castles were erected on plains, and the nomadic population mixed with local population and took part more actively in the social and economic life of the region. As a result, a peculiar culture started forming in the late Antiquity and the early Middle Ages. The construction of different buildings in the oasis was intensified at that time. Undoubtedly, the majority of nomads on territories of Northwestern Ustrushana bordering on the steppe led a nomadic way of life. Generally Ustrushana was their retransmitter of cultural and economic links with the ancient states of Central Asia, in particular, with Sogd.

References:

1. Filanovich MI (1983) Tashkent: zarojdeniye i razvitiye goroda igorodskoy kul'tury. Tashkent.
2. Litvinskiy BA (1968) Kangyuysko-sarmatskiy farn. Dushanbe.
3. Gulyamov YG (1961) Kladbishe Kulpi-Sar // IMKU. Vyp. 2. Tashkent.
4. Brykina GA (1982) Yugo-zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery. Moscow.
5. Gritsina AA (1997) Izucheniye kurganov v Syrdar'inskoy oblasti // IMKU. Vyp. 28. Samarkand.
6. Masson VM (1986) Kochevnicheskiye komponenty kushansko-go

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

- arkheologicheskogo kompleksa // Problemy antichnoy kul'tury. Moscow.
7. Rapin C, en Collaboration Avec M.M. Isamiddinov, et Khasanov M (2001) La tombe d'une princesse nomade a Koktepe pres de Samarkand // Academie des inscription & belles - letters. Comptes rendus des Seances de L' Annee. Paris.
 8. Mandel'shtam AM (1975) Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni vSevernoy Baktrii. Leningrad.
 9. Levina LM (1971) Keramika nijney i sredney Syrdar'i v I tisy- acheletii n.e. Moscow.
 10. Gorbunova NG (1984) Nekotorye osobennosti formirovaniya drevnikh kul'tur Fergany. Arkheologicheskij sbornik GE. Vyp. 25. Moscow.
 11. Gritsina AA (2005) Kochevniki v Ustrushane (na prim- ere izucheniya kurganov v Syrdar'inskoy i Djizakskoy oblastiakh) // Tsivilizatsii skotovodov i zemledel'tsev Tsentral'noy Azii. Samarkand-Bishkek: Samarkand.
 12. Toshboyev FE (2013) Ustrushana xalqlarining xarbiy qurollari xaqida dastlabki muloxazalar // O'zbekiston arxeologiyasi. Nashr. 7. Toshkent, 2013.
 13. Obel'chenko OV (1961) Lyavandakskiy mogil'nik // IMKU. Vyp. 2. Tashkent.
 14. Mandel'shtam AM (1966) Kochevniki na puti v Indiyu. Moskva-Leningrad.
 15. Litvinskiy BA (1978) Orudiya truda iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany. Moscow.
 16. Litvinskiy BA (1965) Sredneaziatskiye jeleznye nakonechniki strel // SA. Vyp. 2. Moscow.
 17. Zadneprovskiy YA (1997) Drevniye nomady Tsentral'noy Azii (Sbornik statey). Sankt-Peterburg.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](http://s-o-i.org/1.1/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://dx.doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Sergey Alexandrovich Mishchik

Associate Professor, Candidate of Pedagogical Science,
Academician of International Academy TAS,
Assistant professor Department of Physics,
State Maritime University Admiral Ushakov, Russia,
sergei_mishik@mail.ru

**SECTION 21. Pedagogy. Psychology. Innovation in
Education**

SYSTEMIC WAVE PROBLEMS OF APPLIED PHYSICS MARITIME FLOT OF PEDAGOGOMETRIC ANALYSIS

Abstract: The basic principles of the system of wave problems in applied physics Navy pedagogometric analysis of the formation of mathematical models of learning activities about the nature of achieving the criteria of life, cycling, systemsness and phasing, which form a basic cell of the educational space, as well as prima nenie twelve pointed star Ertsgammy relatively presentation ertsgamming principle which determines the foundations pedagogometric through forming substantive methods of hyper-space professional life, psychological and educational activity theory, psycho-pedagogical system analysis and the theory of the formation of mental actions.

Key words: pedagogometric, vital activity, cyclicity, system, phase, star Erzgammy, sea waves, applied physics, marine fleet.

Language: Russian

Citation: Mishchik SA (2017) SYSTEMIC WAVE PROBLEMS OF APPLIED PHYSICS MARITIME FLOT OF PEDAGOGOMETRIC ANALYSIS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 122-127.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-16> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.16>

УДК 372.851

СИСТЕМНЫЕ ВОЛНОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИКИ МОРСКОГО ФЛОТА ПЕДАГОГОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация: Рассмотрены основные принципы построения системных волновых задач прикладной физики морского флота педагогометрического анализа при формировании математических моделей учебной деятельности относительно характера достижения критериев жизнедеятельности, цикличности, системности и этапности, которые образуют базисную ячейку образовательного пространства, а также применение двенадцати конечной звезды Эрцгаммы относительно представления принципа эрцгаммности, который определит основы педагогометрики через формирование предметными методами гиперпространства профессиональной жизнедеятельности, психолого-педагогической теории деятельности, психолого-педагогического системного анализа и теории формирования умственных действий.

Ключевые слова: педагогометрика, жизнедеятельность, цикличность, системность, этапность, звезда Эрцгаммы, морские волны, прикладная физика, морской флот.

Introduction

Построение системных волновых задач прикладной физики морского флота педагогометрического анализа связывается с решением проблемы формирования математических моделей учебной деятельности через критерии жизнедеятельности, цикличности, системности и этапности. При этом формируется базисная ячейка образовательного пространства, которая отражает структуру двенадцати конечной звезды Эрцгаммы относительно представления принципа эрцгаммности. Установленная

закономерность задаёт основы педагогометрики через представление предметных методов гиперпространства профессиональной жизнедеятельности, психолого-педагогической теории деятельности, психолого-педагогического системного анализа и теории формирования умственных действий [1,2,3].

Данные условия направлены на совершенствование базы предметных прикладных профессиональных задач отражающих целостную профессиональную деятельность на морском флоте. Построенные

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

математические модели учебно-профессиональной деятельности связываются с: базисной звездой Эрцгаммы гиперпространства жизнедеятельности (E1); базисным целостно-системным циклом жизнедеятельности (E2); базисной звездой Эрцгаммы системного анализа (E3); базисным проявлением двенадцати этапов и форм познавательного гиперпространства жизнедеятельности относительно образовательного процесса (E4) [4,5,6].

Проектирование заданной базы предметных педагогических моделей эрцгаммного анализа образовательных объектов с признаком базисно-нормативной эрцгаммности, независимо от целевого назначения, выполняет собственную функцию психолого-математического представления профессионально-значимых объектов через единство признаков смыслообразования учебно-профессионального действия, его принятия, ориентировочно-исполнительно-контрольных признаков и прогноза совершенствования анализа объектов педагогического содержания [7,8,9].

Materials and Methods

Системные волновые задачи прикладной физики морского флота отражают целостно-системное моделирование основных элементов транспортных объектов. При этом возникает ориентация на единство базисных характеристик предметных и исполнительных условий относительно предмета содержания и способа его реализации. Рассматриваются: кинематические и динамические параметры волновых процессов морских волн, морских плавсредств и их элементов при морском волнении и изменяющейся внешней среды с расчётами амплитудных, временных, динамических и кинематических параметров составляющих элементов транспортных морских систем, отражающих функциональную пространственно-временную зависимость управления на морском флоте [10,11,12].

В процессе решения системных волновых задач прикладной физики морского флота необходимо применять основные положения теории деятельности, системного анализа и теории формирования интеллекта [13,14,15].

Системный анализ предполагает выполнение последовательности системных аналитических действий: выделить объект анализа – волновую задачу прикладной физики морского флота (ВЗПФМФ) как систему; установить порождающую среду ВЗПФМФ; определить уровни анализа ВЗПФМФ; представить целостные свойства ВЗПФМФ относительно пространственных, и временных характеристик и их комбинаций; выделить структуру уровня

анализа ВЗПФМФ; установить структурные элементы уровня анализа ВЗПФМФ; определить системообразующие связи данного уровня анализа ВЗПФМФ; представить межуровневые связи анализа ВЗПФМФ; выделить форму организации ВЗПФМФ; установить системные свойства и поведение ВЗПФМФ.

Задача 1

В океанах длина волны достигает 300 метров, а период волны 13,5 секунд. Определить скорость распространения океанских волн.

Ответ: $v = 22,2 \text{ м/с}$.

Задача 2

Ял-6 качается на морских волнах, распространяющихся со скоростью $v = 2,5 \text{ м/с}$. Расстояние между двумя ближайшими гребнями морских волн 8 метров. Определить период колебания Ял-6.

Ответ: $T = 3,2 \text{ с}$.

Задача 3

Вахтенный штурман во время стоянки определил, что расстояние между следующими друг за другом гребнями морских волн равно 8 метров и за 60 секунд мимо него прошло 23 волновых гребня. Определить скорость распространения морской волны.

Ответ: $v = 2,9 \text{ м/с}$.

Задача 4

Расстояние между гребнями волн на море 5 метров. При встречном движении катера волна за одну секунду ударяется о корпус катера 4 раза, а при попутном – 2 раза. Определить скорости морской волны и катера, если скорость катера больше скорости морской волны.

Ответ: $v_k = 15 \text{ м/с}$; $v_e = 5 \text{ м/с}$.

Задача 5

При сбрасывании с судна шлюпки в морском заливе в безветренную погоду от места бросания пошли волны. Матрос, стоящий на берегу, заметил, что волна дошла до него через 50 секунд, расстояние между соседними горбами морских волн 0,5 метра и за 5 секунд было 20 всплесков о берег. Определить расстояние между судном и берегом.

Ответ: $S = 100 \text{ метров}$.

Задача 6

Морской спасатель определил, что за 10 секунд спасательный плот совершил на волнах 20 колебаний, а расстояние между соседними гребнями морских волн равно 1,2 метра. Рассчитать скорость распространения морских волн.

Ответ: $v = 2,4 \text{ м/с}$.

Задача 7

Узкий пучок ультразвуковых волн частотой $\nu_0=50$ кГц направлен от неподвижного локатора к приближающейся подводной лодке. Определить скорость U подводной лодки, если частота ν_1 биений (разность частот колебаний источника и сигнала, отраженного от лодки) равна 250 Гц. Скорость v ультразвука в морской воде принять равной 1,5 км/с.

Ответ: $U = 3,74$ м/с .

Задача 8

Найти уравнение стоячей волны и спектр собственных частот в натянутом швартовном тросе длиной l , один из концов которого закреплен на причальной тумбе, а второй – на морском судне. Плотность швартовного троса ρ , модуль Юнга E

Ответ: $\xi(x, t) = 2a \sin(kx - kl) \sin(\omega t - kl)$;

$$\nu_n = \frac{2n-1}{4l} \sqrt{\frac{E}{\rho}}$$

Задача 9

Найти энергию упругой стоячей волны в натянутом швартовном тросе массой m , один из концов которого закреплен на причальной тумбе, если на втором конце – на морском судне созданы колебания с собственной частотой ν_n и амплитудой a .

Ответ: $W = \rho a^2 \omega_n^2 S l = 4\pi^2 \nu_n a^2 m$

Задача 10

Плоская морская волна $\xi = a \cdot \cos(\omega t - kz)$ распространяется в прибрежной среде плотностью ρ . Определить средний за период колебаний поток энергии плоской волны действующей на часть поверхности в форме полусферы, задаваемой уравнением $z = \sqrt{R^2 - x^2 - y^2}$, отшвартованного морского судна.

Ответ: $\langle \Phi \rangle = \frac{\pi a^2 \omega^3 R^2 \rho}{2k}$

Задача 11

В натянутом швартовном тросе длиной l и массой m установилась стоячая волна вида $\xi = a \cdot \cos(kx) \cdot \cos(\omega t)$. Определить энергию упругих колебаний, заключенную между соседними узлами смещения в натянутом швартовном тросе.

Ответ: $W = \pi m \omega^2 a^2 / (4kl)$.

Задача 12

От носа морского судна, идущего по тихой воде моря со скоростью $V = 20$ узлов (1 узел равен 0,5 м/с), бежит волна, образующая угол $\varphi = 20^\circ$ с направлением движения морского судна. С

какой скоростью v распространяется морская волна?

Ответ: $v = 3,42$ м/с .

Задача 13

Концы морской судовой антенны в виде длинного провода, натянуты силой $F = 400$ Н, закреплены между мачтами на расстоянии $l = 20$ м друг от друга. Поперечное возмущение ветровой нагрузки распространяется от одного закрепленного конца морской судовой антенны до другого за время $t = 0,5$ с. Определить полную массу m морской судовой антенны.

Ответ: $m = 5$ кг.

Задача 14

Плоская волна уравнения вида $\xi = a \cdot \sin(\omega t - kx)$ распространяется в морской среде с плотностью ρ со скоростью V . Определить изменение давления ΔP в морской среде как функцию координаты x и времени t .

Ответ: $\Delta P = \rho V a \cos(\omega t - kx)$.

Задача 15

Швартовный трос свешивается вертикально с борта морского судна и натянут собственным весом. Определите скорость поперечных волн в швартовном тросе как функцию расстояния y от его нижнего конца.

Ответ: $V = \sqrt{gy}$.

Задача 16

Судовой грузовой трос массы m закреплён на палубе с обеих сторон. Под действием ветра в тросе возникают колебания с круговой частотой ω и максимальной амплитудой смещения $a_{\text{макс}}$. Определить максимальную кинетическую энергию и среднюю кинетическую энергию за период колебаний судового грузового троса.

Ответ: $E_{k\text{макс}} = m \omega^2 a_{\text{макс}}^2 / 4$; $\langle E_{k\text{макс}} \rangle = m \omega^2 a_{\text{макс}}^2 / 8$.

Задача 17

В натянутом швартовном тросе плотностью ρ установилась стоячая волна вида $\xi = a \cdot \cos(kx) \cdot \cos(\omega t)$. Определить в натянутом швартовном тросе выражения для объёмной плотности потенциальной и кинетической энергии.

Ответ:
 $\omega_p = (\rho \omega^2 a^2 / 2) \sin^2(kx) \cdot \cos^2(\omega t)$;
 $\omega_k = (\rho \omega^2 a^2 / 2) \cos^2(kx) \cdot \sin^2(\omega t)$

Задача 18

В натянутом швартовном тросе плотностью ρ и площадью поперечного сечения S установилась стоячая волна вида $\xi = a \cdot \sin(kx) \cdot \cos(\omega t)$. Определить в натянутом швартовном тросе полную механическую

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

энергию, заключённую между сечениями швартовного троса, которые проходят через соседние узлы смещения.

Ответ: $E_{\text{max}} = \pi \rho S \omega^2 a^2 / 4k$.

Задача 19

В морской среде распространяется незатухающая плоская гармоническая волна. Определить среднюю объёмную плотность полной энергии колебаний морской волны $\langle \omega \rangle$, если через одну шестую периода колебаний после прохождения максимума смещения морской поверхности в любой точке морской среды объёмная плотность энергии равна ω_0 .

Ответ: $\langle \omega \rangle = 2/3 \omega_0$.

Задача 20

Морское судно движется против волны длиной $\lambda = 100$ метров с курсовым углом $\varphi = 15^\circ$ и скоростью $v_s = 17$ узлов (1 узел равен 0,5 м/с). Определить кажущийся период волнения.

Ответ: $\tau_0 = 4,8$ с.

Задача 21

Морское судно движется по волнению, длина волны которого $\lambda = 149$ метров, с курсовым углом $\varphi = 70^\circ$. Период бортовой качки $\tau_0 = 16$ секунд. Определить скорость движения судна, при которой возможен резонанс бортовой качки.

Ответ: $v = 33,9$ узла (1 узел равен 0,514 м/с).

Задача 22

Определить значение курсового угла к волне φ морского судна, идущего при осадке $T = 3,76$ метра со скоростью $v = 15$ узлов (1 узел равен 0,514 м/с), при котором морское судно будет испытывать резонансную килевую качку на волнах длиной $\lambda = 80$ метров.

Ответ: $\varphi = 46^\circ$.

Задача 23

При каких значениях длины морской волны λ волнение вызовет резонансную бортовую качку

морского судна, идущего против волны со скоростью $v = 9$ узлов (1 узел равен 0,514 м/с), при курсовом угле $\varphi = 150^\circ$? Судно имеет ширину $B = 10$ метров, поперечную метацентрическую высоту $h = 0,48$ метра. Коэффициент класса морского судна равен $C = 0,77$.

Ответ: $\lambda = 188$ метров.

Задача 24

Какие курсовые углы φ благоприятны для танкера шириной $B = 44$ метра, идущего со скоростью $v = 15,5$ узлов (1 узел равен 0,514 м/с), при осадке $T = 17$ метров и поперечной метацентрической высоте $h = 0,48$ метров на волнах длиной $\lambda = 160$ метров? Коэффициент класса морского судна равен $C = 0,82$.

Ответ: против волны $\varphi = 64^\circ \dots 78^\circ$;
по волне $\varphi = 0^\circ \dots 35^\circ$.

Задача 25

Морское судно идёт курсовым углом к волнам зыби $\varphi = 162^\circ$, длина морской волны $\lambda = 50$ метров. При какой скорости морского судна качка прекратится из-за бесконечно большого значения кажущегося периода волны τ_0 .

Ответ: $v = 18,5$ узла (1 узел равен 0,514 м/с).

Задача 26

Определить, при какой длине морской волны λ , морское судно может безопасно лечь в дрейф, если ширина судна $B = 14$ метров и поперечная метацентрическая высота $h = 0,96$ метра.

Ответ: $\lambda < 122$ метра.

Задача 27

Определить дополнительный изгибающий момент в районе миделя судна на вершине и подошве волны, если длина судна $L = 50$ метров, ширина судна $B = 5$ метров, высота волны $h = 0,17 L^{0,75}$ метра, плотность воды $\rho = 1025$ кг/м³, коэффициент полноты ватерлинии $\alpha = 0,8$.

Ответ: $\delta M_\epsilon = 5,6$ кН·м; $\delta M_n = -6,45$ кН·м.

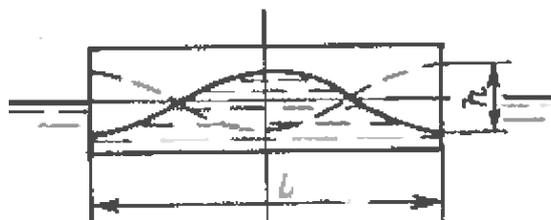

Рисунок 1 – Схема дополнительного изгибающего момента.

Задача 28

Во сколько раз увеличится дополнительный изгибающий момент от действия волны на

миделе морского судна длиной L (метров), если при постоянном водоизмещении увеличить длину судна в 1,2 раза и уменьшить ширину в 1,2 раза.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Коэффициент полноты ватерлинии α остаётся без изменения. Высота волны $h=0,17 L^{0,75}$ метра.

Ответ: в 1,376 раза.

Задача 29

При волнении моря 5 баллов промышленное судно массой $A_0=2800$ тонн на скорости $v = 0,5$ м/с швартуется к борту промышленной базы массой $A_c=12000$ тонн, имеющей крацевую защиту. Определить кинетическую энергию соударяемых судов, энергоёмкость одного кранца и значение контактного давления.

Ответ: $E_k = 383$ кДж; $A = 292$ кДж;

$P_k = 1,97$ кПа .

Задача 30

Определить высоту морской волны, при которой возможна безопасная буксировка стальным буксирным тросом длиной $L=600$ метров, диаметром $d=52$ мм, если горизонтальная составляющая силы натяжения $F_T=98$ кН, сила разрыва $P_{\text{разр}} = 880$ кН. Расстояние между судами на спокойной воде $AB = 595,2$ метра, При этом $F_T = T_0$. Расстояние между судами при рывке $A^*B^* = 599,8$ метра, и $T_0 = 0,5 P_{\text{разр}}$.

Ответ: $h = 6,7$ метра.

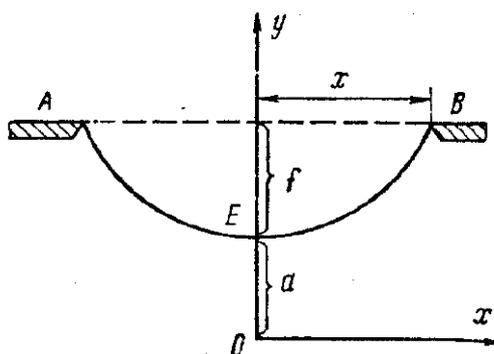

Рисунок 2 – Схема безопасной морской буксировки.

Conclusion

Представленный метод формирования широкопрофильного профессионального мышления связывается с организацией всестороннего развития педагогической эргамности. Выделенные системные волновые задачи прикладной физики морского флота педагогического анализа отражают основные направления развития и совершенствования базы предметных педагогических моделей образовательных объектов относительно педагогического математического моделирования учебного процесса. Это связывается с процессами совершенствования программируемых математических моделей учебной деятельности относительно характера достижения критериев жизнедеятельности, цикличности, системности и этапности. Данные процессы образуют базисную ячейку образовательного пространства, а также

выражают смысл двенадцати конечной звезды Эргаммы относительно представления принципа эргамности. Установленные структуры определяют основы педагогической через формообразование предметными методами гиперпространства профессиональной жизнедеятельности, психолого-педагогической теории деятельности, психолого-педагогического системного анализа и теории формирования умственных действий. Представленные критерии жизнедеятельности, цикличности, системности и этапности, которые образуют базисную ячейку образовательного пространства, порождают условия формирования абсолютного образовательного цикла, отражающего специфическую структуру подготовки широкопрофильно-инновационных специалистов при реализации международных образовательных стандартов алигорамной формы эргаметрического содержания.

References:

1. Mishchik SA (2014) Pedagogometrika and mathematical modeling educational activity.

Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Modern mathematics in science"

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

- 30.06.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(14): 54-56 Caracas, Venezuela. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.06.14.10>
2. Mishchik SA (2014) Simulation training activity methods of mathematical logic. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Science and Education” – 30.07.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(15): 72-74 Marseille, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.07.15.13>
3. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling system integrity-cycle of life activity – first goal pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Applied Sciences” – 30.08.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 7(16): 77-79. Aix-en-Provence, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.08.16.13>
4. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling system integrity-curricular activities – the second problem pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Innovation” – 30.09.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 9(17): 126-128 Martignes, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.09.17.21>
5. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling holistic-systemic communicative activity – the third task pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Scientific Achievements” – 30.10.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 10(18): 45-47 Brighton, UK. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.10.18.11>
6. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling integrity - system performance subject – fourth task pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Science and Technology” – 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 11(19): 51-54 Southampton, UK. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.11.19.10>
7. Mishchik SA (2015) Pedagogometrik - science and academic subject. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Technology in Science” – 28.02.2015. ISJ Theoretical & Applied Science 02 (22): 103-106 Malmö, Sweden. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2015.02.22.17>
8. Svetlickij VA (1994) Zadachi i primery po teorii kolebanij. M.: Izd-vo MGTU im. N.E. Bauma-na, 1994. – p.308.
9. Tokmazov GV (2014) Matematicheskoe modelirovanie v uchebno-professional'noy deyatel'nosti. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Modern mathematics in science» - 30.06.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(14): 44-46. - Caracas, Venezuela. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.06.14.8>
10. Tokmazov GV (2014) Mathematical modeling research skills in educational activity methods of probability theory. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Science and Technology” - 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 11(20): 66-69 Southampton, United Kingdom. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.11.19.13>
11. Mishhik NA (2016) Pravovy'e osnovy' francuzskoj si-stemy' bor'by' s zagryazneniem morya / Nauchny'e issledovaniya: Informaciya, analiz, prognoz [Tekst]: monografiya / [V.E'.Lebedev, A.A.Sviridenko, V.M.Sokolinskij i dr.]; pod obshhej red. prof. O.I.Kirikova – Kniga 51.- Voronezh-Moscow.
12. Mishchik NA (2014) The practice of french justice article 228 of the UN convention on the law of the sea. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “The European Science and Education”- 30.07.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 07 (15): 93-97. - Marseille, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.07.15.19>
13. Mishhik NA, Antonenko GA (2013) Liniya gorizonta kak gradientny'j perepad v fotograficheskix izmereniyax dlya celej morexodnoj astronomii//E'kspluatatsiya morskogo transporta. 2013. № 2 (72). – Novorossiysk, p. 23-28.
14. Mishhik NA (2000) Optimizatsiya metodov morexodnoj astronomii [Tekst]: avto-ref.dis. ... kand. tex. nauk: 05.22.16 / N.A.Mishhik. – Novorossiysk, 2000. – 24 p.
15. Mishhik NA (2000) Optimizatsiya metodov morexodnoj astronomii [Tekst]: dis. ... kand. tex. nauk: 05.22.16 / N.A.Mishhik. – Novorossiysk, 2000. – 188 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Georgy Vasil'evich Tokmazov

Associate professor,
Candidate of Pedagogical Science,
Professor Department of Mathematics,
State Maritime University Admiral Ushakov,
tokmazov@mail.ru

SECTION 21. Pedagogy. Psychology. Innovation in
Education

ORGANIZATION OF EARTH METRIC ANALYSIS STUDENTS TRAINING AND STUDY SKILLS IN THE PROCESS OF STUDYING THE COURSE OF HIGHER MATHEMATICS

Abstract: The main problem of the study of the organization of the erymometric analysis of students' learning and research skills in the course of studying the course of higher mathematics is established by the modern models of organization of production in a basic form that simulates the problem solved through the stages of research: the establishment of a universal scheme for the process of the age- Research skills of students; The definition of a method for modeling the problem of the formation of the ageometric analysis of students' learning and research skills; The establishment of the form of a given result of the urementric analysis of students' learning and research skills, which makes it possible to determine the erymometric analysis of the optimal teaching and research skills for the formation of students' knowledge in the course of studying the course of higher mathematics

Key words: eryonometrics, analysis, educational and research skills, the model of production organization, higher mathematics.

Language: Russian

Citation: Tokmazov GV (2017) ORGANIZATION OF EARTH METRIC ANALYSIS STUDENTS TRAINING AND STUDY SKILLS IN THE PROCESS OF STUDYING THE COURSE OF HIGHER MATHEMATICS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 128-132.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-17> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.17>

УДК 372.851

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭРЕВНОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

Аннотация: Рассмотрены основные проблема исследования организации эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов в процессе изучения курса высшей математики, которые устанавливаются современными моделями организации производства в базисной форме, моделирующей данную проблему, решаемую через этапы исследования: установление всеобщей схемы процесса эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; определение метода моделирования проблемы формирования эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; установление формы заданного результата эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов, что позволяет определить эревнометрический анализ оптимальных учебно-исследовательских умений по формированию знаний студентов в процессе изучения курса высшей математики.

Ключевые слова: эревнометрика, анализ, учебно-исследовательские умения, модель организации производства, высшая математика.

Introduction

Проблема исследования организации эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов в процессе изучения курса высшей математики устанавливается современными моделями

организации производ-ства в базисной форме, которая может моделировать данную проблему. Дальнейшее развитие проблемы формирования учебно-исследовательских умений требует интеграции и концентрации научного потенциала в едином предмете научного исследования,

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

который представляет собой ЭРЕВНОМЕТРИКУ - науку о методологии исследовательской деятельности в процессе изучения математики при непрерывной инженерной подготовке специалистов на базе обобщённых познавательных действий [1,2].

Эревнометрический подход к анализу формирования исследовательских действий требует создания обобщённых схем скоростных исследовательских навыков, которые ориентируются на обобщённые циклы исследовательских умений, интегральные схемы исследовательских процессов, эревнометрический анализ цикла исследовательских действий и соответствующие формообразования исследовательской активности. Это требует единого генетического принципа существования и развития всего эревнометрического подхода на основе принципа алигорамности – обобщённого скоростного принципа исследовательских процессов через дифференциальные адаптивные формы его представления [3,4].

Анализ принципа алигорамности при эревнометрическом анализе образовательных объектов возникает через структурное представление каждой формы образовательных объектов: интериористическая образовательная пара (преподаватель-студент), экстериористическая образовательная пара (студент-преподаватель), самообразование (студент-студент), самоусовершенствование (преподаватель-преподаватель). В каждом случае возникает образовательная ячейка исследовательского умения направлена на формирование смыслообразования, принятия учебного задания, ориентировки в нём, решение исследовательской задачи, организация контроля решения и поиск новых скоростных методов решения исследовательской задачи [5,6].

При этом возникают собственные принципы и методы эревнометрического анализа. При этом задаются следующие этапы исследования: 1) установление всеобщей схемы процесса эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; 2) определение метода моделирования проблемы формирования эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; 3) установление формы заданного результата эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов. Это позволяет определить эревнометрический анализ оптимальных учебно-исследовательских умений по формированию знаний студентов в процессе изучения курса высшей математики [7,8].

Materials and Methods

Исследование организации эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов в процессе изучения курса высшей математики ориентируется на выполнение общего метода реализации обобщённой схемы эревнометризма, отражающей единство предметных и активных форм познавательной деятельности студентов алигорамметрического содержания. На первых занятиях по курсу математики учащимся предъявляются главные направления реализации эревнометрического подхода к изучению предметного содержания. Выделяются ориентировочные теоретические принципы учебно-исследовательской деятельности, реализующей интегративные принципы субъектности, базисной активности, орудийной адекватности, технологической значимости, предметного соответствия, мониторинговое соотношение [9,10].

Это порождает формирование реального эревнометрического процесса, направленного на раскрытие всего цикла исследовательского анализа, который реализуется через последовательное выполнение соответствующих действий направленных на выделение: всеобщего эревнометризма; его порождающего содержания; внешних параметров, отражающих пространственно-временные и базисные социальные параметры; сложность эревнометрического анализа; общая схема, формирующая заданный процесс; структурные элементы, реализующие данную функциональную сложность; функциональное состояние логических процессов; характеристик передаточных функций; порождающие процессы развития сложности относительных параметров; внешнее выражение целевых отношений; внутренний микроскопический анализ математических образов через их сложность, разнообразие и упорядоченность; статическое и динамическое состояние учебного материала относительно временных характеристик учебного процесса; формирование футуристических форм учебно-исследовательских умений в развитии познавательной активности [11,12].

Совершенствование организации эревнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов в процессе изучения курса высшей математики происходит в результате проработки многофазных элементов учебно-исследовательской деятельности, которая зарождается в условиях воспитания смысла прогнозируемой активности через ознакомление с совершенными формами нормативного исследовательского умения с широким диапазоном решаемых учебных задач многопредметного содержания, которые приобретают заданный уровень интереса к

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

проецируемому учебному материалу мотивационной формы [13,14].

Это позволяет совершить переход к началу самостоятельного освоения эвнометрического анализа математических объектов высокой формы алигорамного содержания и формы. Учащимся сообщается учебная информация относительно всеобщих процессов исследовательской активности через последовательность эвнометрических действий, направленных на уяснение особенностей познавательной активности.

Возникающая самостоятельная эвнометрическая деятельность начинается с материальных объектов различного содержания и формы, которые формируют реальную чувствительности происходящих процессов. То есть существует предкомпьютерная форма учебно-исследовательской деятельности, которая регламентирует основы развития оперативного мышления алигорамного содержания [15,16].

Материальные математические эвнометрические объекты позволяют формировать нормативное содержание учебно-исследовательского умения, направленного на воспитание высших форм психолого-педагогического отношения ко всему развитию эвнометрического субъекта алигорамного содержания.

Тезис о единстве мышления и речи позволяет раскрыть основные формы фонетического содержания эвнометрического анализа. При этом формируется особая языковая среда, отражающая возможности организации коммуникативной деятельности, обеспечивающей качественное общение между субъектами учебно-исследовательско-образовательной деятельности. Возникающий язык эвнометрического анализа отражает номинальный фонетический образ обобщенного эвнометрического объекта.

Формирование целостного эвнометрического образа образовательного объекта математического содержания непрерывно связано с графическим представлением логических отношений. Это требует формирования адекватной теории знаковых образов алигорамной направленности.

Множество знаковых образов должно отражать всю логическую последовательность эвнометрической деятельности алигорамного содержания. Каждый знак должен отражать сложную структуру каждого шага учебно-исследовательского умения, как закреплённого образа субъектного содержания.

Можно выделить обобщённые знаки эвнометрического цикла образовательной

деятельности, которые должны иметь смысл математических процессов. К таким знакам можно отнести: знак субъекта математического анализа; образ обобщённого эвнометрического процесса; иконос средств исследовательской деятельности; знак специфического математического алигорамного содержания; образ предметного содержания эвнометрического процесса; иконос процесса тождественности исследовательской деятельности; образ результата эвнометрического процесса. Это позволяет организовать начальный этап организации эвнометрического анализа математических объектов.

Аналогичный подход применяется к множеству действий эвнометрического анализа алигорамного содержания, отражающего единство смыслообразования эвнометрического действия; его принятие; выполнение ориентировочной части; собственное исполнительные действия; проведение контроля выполненного действия; анализ прогноза развития действия алигорамного содержания.

Фазовое развитие эвнометрического анализа математической подготовки учащихся требует выполнение множества логических операций в умственной форме, что является естественным содержанием учебно-исследовательских умений высшего уровня образовательных объектов личностного развития учащихся.

Conclusion

Рассмотренные основные проблемы исследования организации эвнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов в процессе изучения курса высшей математики неразрывно связаны с современными моделями организации производства в базисной форме, моделирующей данную исследовательскую задачу, решаемую через этапы активации процесса познания: установление всеобщей схемы процесса эвнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; определение метода моделирования проблемы формирования эвнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов; установление формы заданного результата эвнометрического анализа учебно-исследовательских умений студентов. Это позволяет определить эвнометрический анализ оптимальных учебно-исследовательских умений по формированию знаний студентов в процессе изучения курса высшей математики алигорамного типа.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHIQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

References:

1. Tokmazov GV (2014) Matematicheskoe modelirovanie v uchebno-professional'noy deyatel'nosti. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Modern mathematics in science» - 30.06.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(14): 44-46. - Caracas, Venezuela. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.06.14.8>
2. Tokmazov GV (2014) Mathematical modeling research skills in educational activity methods of probability theory. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Science and Technology" - 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 11(20): 66-69 Southampton, United Kingdom. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.11.19.13>
3. Tokmazov GV (2014) Matematicheskoe modelirovanie v uchebno-professional'noy deyatel'nosti // Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Modern mathematics in science" - 30.06.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(14): 44-46 Caracas, Venezuela. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.06.14.8>
4. Tokmazov GV (2016) Analysis says study skills in the study of mathematics// Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Science and Education" - 30.07.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 6(14): 72-74 Marseille, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.06.14.9>
5. Tokmazov GV (2014) Mathematical modeling research skills in educational activity methods of probability theory// Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Science and Technology" - 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 11(19): 66-69 Southampton, United Kingdom. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.11.19.13>
6. Tokmazov GV (1994) Zadachi dinamicheskogo xaraktera // Matematika v shkole. - 1994. - № 5.- p.9-12.
7. Tokmazov GV (1999) Ukrupnenie didakticheskix edinic v zadachax po teorii veroyatnostej// Matematika v shkole. - 1999. - № 4.- p.81-85.
8. Tokmazov GV (1999) Model formirovaniya issle-dovatel'skix umenij na osnove tryokomponentnoj strukture umstvennogo dejstviya // Nauchnye trudy Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki. - M.: Prometej, 1999. - p.68-88.
9. Tokmazov GV (2013) Sistematizaciya i differen-cirovannyj podxod pri obuchenii resheniyu zadach nachal teorii veroyatnostej: monografiya. - 2-e izd., dop.i isprav. - Novorossijsk: GMU imeni admirala F.F.Ushakova, 2013. - 176 p. - ISBN 978-5-89426-071-6
10. Tokmazov GV (2014) Opredelenie uslovij podgotovki uchashhixsya k organizacii issledovatel'skix umenij pri obuchenii matematike// Kazanskaya nauka. 2014. № 7. p. 180-185
11. Tokmazov GV (2014) Matematicheskoe modelirova-nie issledovatel'skix umenij metodami setej Petri // Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Science and Technology" - 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 12 (20): 56-59 Birmingham, United Kingdom. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.12.20.13>
12. Tokmazov GV (2015) Bazisnye usloviya modeliro-vaniya issledovatel'skix umenij v processe izucheniya matematiki// Vysshee obrazovanie segodnya. - 2015. - № 7.- p.12-15.
13. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling system integrity-curricular activities - the second problem pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Innovation" - 30.09.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 9(17): 126-128 Martigues, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.09.17.21>
14. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling holistic-systemic communicative activity - the third task pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Scientific Achievements" - 30.10.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 10(18): 45-47 Brighton, UK. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.10.18.11>
15. Mishchik SA (2014) Mathematical modeling integrity - system performance subject - fourth task pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Science and Technology" - 30.11.2014. ISJ Theoretical & Applied Science 11(19): 51-54 Southampton, UK. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.11.19.10>

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHII (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

16. Mishchik SA (2015) Pedagogometrik - science and academic subject. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Technology in Science" –

28.02.2015. ISJ Theoretical & Applied Science 02 (22): 103-106 Malmö, Sweden.

doi:

<http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2015.02.22.17>

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Vladimir Nikolaevich Medvedev

The Teacher Department of Navigation,
The Engineer-mechanic,

State Maritime University Admiral Ushakov, Russia,
medvedevsail@gmail.com

SECTION 21. Pedagogy. Psychology. Innovation in Education

YACHTING - IS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS

Abstract: The basic principles of building an educational system of students engaged in yachting; Reveals the increasing role of students in yachting in the system of maritime vocational education and the lack of development of their practical organizations; The need for modern society in socially active students and the insufficient use of educational opportunities for yachting are analyzed; The need for the development of social activity of young people is shown, without which further economic, political and cultural transformation of the social community is impossible, and the insufficiently developed scientific and methodological support for the basics of practical yachting.

Key words: social activity, students, yachting, professional education, practical organization, marine fleet.

Language: Russian

Citation: Medvedev VN (2017) YACHTING - IS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 133-138.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-18> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.18>

УДК 372.851

ЯХТИНГ - ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация: Рассмотрены основные принципы построения воспитательной системы студентов, занимающихся яхтингом; раскрывается возрастающая роль занятий студентов яхтингом в системе морского профессионального образования и недостаточная разработанность их практических организаций; анализируется потребность современного общества в социально активных студентах и недостаточное использование воспитательных возможностей занятий яхтингом; показывается необходимость развития социальной активности молодежи, без которой невозможно дальнейшее экономическое, политическое и культурное преобразование социального сообщества, и недостаточная разработанность научно-методического обеспечения основ практических занятий яхтингом.

Ключевые слова: социальная активность, студенты, яхтинг, профессиональное образование, практическая организация, морской флот.

Introduction

Ведущие современные педагоги, психологи, философы и социологи считают, что добровольная общественная деятельность молодежи сегодня не только может помочь решить многие социальные проблемы общества, но и способствует развитию социально-значимых качеств личности студентов, формированию у них активной жизненной позиции. Изучение воспитательных возможностей яхтинга приобретают особую актуальность.

Несмотря на существенный интерес к яхтенному движению, аспект развития

социальной активности у студентов, занимающихся яхтингом, не рассматривался. До настоящего времени не исследованы воспитательные возможности занятий яхтингом, не разработана эффективная модель развития социальной активности студентов проявляющих интерес к хождению под парусом.

Таким образом, актуальность исследования определяется сложившимися противоречиями между:

- возрастающей ролью занятий студентов яхтингом в системе морского профессионального

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

образования и недостаточной разработанностью их практических организаций;

- потребностью современного общества в социально активных студентах и недостаточном использовании воспитательных возможностей занятий яхтингом;

- необходимостью развития социальной активности молодежи, без которой невозможно дальнейшее экономическое, политическое и культурное преобразование социального сообщества, и недостаточной разработанностью научно-методического обеспечения основ практических занятий яхтингом.

Materials and Methods

Глобальные социальные, экономические, политические и культурные изменения, происходящие в современном российском обществе, предъявляют новые требования к воспитанию подрастающего поколения. В концепции модернизации Российского образования подчёркивается: развивающему обществу необходимы инициативные люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают чувством ответственности, за ее социально-экономическое процветание. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития социальной активности молодежи.

Необходимо отметить, что вопросы воспитания социальной активности личности всегда были в центре внимания отечественной педагогики. Востребованные сегодня идеи о воспитании общественной активности подрастающих поколений мы находим в трудах Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, С.Т. Шацкого. Современные теоретико-методологические подходы к развитию социальной активности молодежи получили обоснование в работах Б.З. Вульfoва, Р.А. Литвак, М.И. Рожкова.

Изучению специфики воспитания социальной активности у школьников на различных этапах их возрастного развития посвящены исследования В.М. Басовой, Т.В. Дуровой, А.В. Зосимовского, Е.К. Касаткиной, Т.Н. Мальковской, А.П. Шпоны и др. В работах Л.П. Клементьева, И.Н. Орловой, В.А. Ситарова, В.А. Слостенина, Э.Д. Тлеулова, Л.А. Трепоуховой рассматриваются социально-педагогические аспекты развития социальной активности у студентов средних специальных и высших учебных заведений.

В отечественной науке все больше появляется исследований, в которых явление социальной активности личности рассматривается в контексте социализации (А.В.

Волохов, М.В. Демиденко, М.В. Поддубная, Т.Г. Пташко, Л.С. Яковлев и др.), гражданского воспитания (А.В. Беляев, А.С., Гаязов, О.В. Лешер и др.). Причем, их авторы признают, что, несмотря на богатый арсенал средств и методов воспитания социально активной личности, используемых учреждениями образования, особая роль в данном процессе принадлежит детским и молодежным общественным объединениям [1,2].

Вопросам воспитания личности в социально-педагогическом движении детей и молодежи посвящено значительное количество психолого-педагогических исследований. Педагогические и психологические основы деятельности детских и молодежных объединений рассматривались Л.А. Борисовой, С.В. Качалиной, Г.В. Сабитовой, Е.Е. Чепурных и др.; особенности взаимодействия её участников исследовались Т.П. Вернигоровой, А.Ю. Кривокулинским, И.И. Фришман и др.; содержание и методы социального воспитания в общественных объединениях разрабатывались В.А. Дергуновым, Г.В. Ермоленко, С.В. Тетерским, О.Д. Чуговой и др.; педагогические условия самореализации и саморазвития личности в молодежных объединениях изучались М.Г. Квитковым, В.В. Ковровым, Р.Х. Салахутдиновым.

Ведущие современные педагоги, психологи, философы и социологи считают, что добровольная общественная деятельность молодежи сегодня не только могут помочь решить многие социальные проблемы общества, но и способствовать развитию социально-значимых качеств студентов, формированию у них активной жизненной позиции. Изучение воспитательных возможностей яхтинга приобретают особую актуальность [3,4].

Несмотря на существенный интерес к яхтенному движению, аспект развития социальной активности у студентов, занимающихся яхтингом, не рассматривался. До настоящего времени не исследованы воспитательные возможности занятий яхтингом, не разработана эффективная модель развития социальной активности студентов проявляющих интерес к хождению под парусом.

Каковы социально-педагогические условия, обеспечивающие эффективность влияния яхтинга на развитие социальной активности молодежи.

Задача выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность социально-педагогических условий развития социальной активности молодежи в яхтенном движении.

Объект исследования – занятия яхтингом в системе профессионального образования.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Предмет исследования - социально-педагогические условия развития социальной активности молодежи в системе профессионального образования.

Ход исследования определялся следующей гипотезой: занятия яхтингом в системе профессионального образования являются фактором развития социальной активности студентов при реализации следующих социально-педагогических условий:

- использование личностно-ориентированных технологий развития социальной активности студентов;
- свободный выбор студентами видов и форм социально значимой деятельности;
- педагогическая поддержка перехода процесса развития социальной активности в режим саморазвития за счет актуализации мотивационной сферы студентов и их выхода в рефлексивную позицию.

В соответствии с целью и гипотезой в исследовании ставились следующие задачи:

- Выявить и обосновать зависимость развития молодежной социальной активности студентов от её участия в занятиях яхтингом.
- Уточнить сущность понятия «занятия яхтингом» и определить его воспитательные возможности в развитии социальной активности студентов, функции и принципы.
- Выявить и экспериментально проверить социально-педагогические условия развития социальной активности студентов.
- Разработать структурно-функциональный модуль развития социальной активности студентов - участников яхтенного движения.

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутой гипотезы использовались следующие методы исследования. Теоретические методы: анализ нормативных документов в сфере образования, историко-педагогический анализ, теоретико-методологический анализ, понятийно-терминологический анализ, системный анализ. Эмпирические методы: исследование и обобщение эффективного опыта студенческих общественных объединений, констатирующий эксперимент, формирующий эксперимент, наблюдение, анкетирование, тестирование, экспертное оценивание, статистические методы обработки данных и проверки выдвигаемой гипотезы.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- доказана взаимозависимость уровня развития социальной активности студентов от участия в занятиях яхтингом;
- разработан модуль развития социальной активности студентов, представляющий собой логически завершённую последовательность этапов личностного роста студентов, целостность

которого обеспечена единством структурных (цель, принципы, содержание, технологии) и функциональных (аксиологическая, адаптирующая, передача культурного наследия, компенсаторная, регулятивная) компонентов.

- определены критерии и уровни развития социальной активности студентов занимающихся яхтингом.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что:

- расширены научные представления о занятиях яхтингом и его воспитательных возможностях в развитии социальной активности студентов;
- уточнена характеристика понятия «занятия яхтингом»;
- определены принципы реализации модуля развития социальной активности студентов при занятиях яхтингом, обеспечивающие её результативность.

В ходе исследований были выявлены следующие положения:

1. Студенческий яхтинг - это добровольная форма объединения для мобилизации социальной инициативы, достижения общественно значимых целей, совместного решения общих проблем, способствующая личностному росту его участников и развитию социальной активности студентов.

2. Возможности занятий яхтингом в развитии социальной активности студентов обусловлены реализацией принципов: добровольностью включения студентов в различные виды социально-ценной деятельности; правом выбора средств достижения целей при совместном решении проблем; признанием равенства личных и общественных потребностей; осознанием собственной социальной защищённости студентов при готовности защищать интересы других; сочетанием самоуправления с последовательным развитием демократических начал в управлении; неформальностью, нестандартностью содержания деятельности; разновозрастным составом участников; целенаправленным использованием обучения и воспитания как средства достижения социально значимых целей и личностного роста студентов.

3. Модуль развития социальной активности студентов, представляет собой логически завершённую последовательность этапов личностного роста студентов, целостность которого обеспечена единством структурных (цель, принципы, содержание, технологии) и функциональных (аксиологическая, адаптирующая, передача культурного наследия, компенсаторная, регулятивная) компонентов. Данный модуль реализуется с учетом принципов добровольности, самоактуализации,

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

индивидуальности, субъектности, творчества и поддержки.

4. Эффективность развития социальной активности студентов определяется социально-педагогическими условиями:

- использование личностно-ориентированных технологий развития социальной активности студентов;
- свободный выбор студентами видов и форм социально значимой деятельности;
- педагогическая поддержка перехода процесса развития социальной активности в режим саморазвития за счет актуализации мотивационной сферы студентов и их выхода в рефлексивную позицию.

Изучение современного состояния проблемы развития социальной активности студентов, анализ психолого-педагогической литературы, опыт работы в волонтерском движении, проведенное нами исследование показали, что добровольная общественная деятельность студентов сегодня не только может помочь решению многих социальных проблем общества, но и способствовать развитию социально-значимых качеств юношей и девушек, формированию у них активной жизненной позиции [5,6].

Отправной точкой исследования явилось уточнение понятия «занятия яхтингом», которое было соотнесено с такими понятиями, как «парус – как образ жизни», «студенческий яхтинг», и определено как добровольная форма объединения для мобилизации социальной инициативы студентов, достижения общественно значимых целей, совместного решения общих проблем, способствующая личностному росту его участников и развитию социальной активности у студентов. Проанализировав сущность занятий яхтингом, было установлено, что его воспитательные возможности в развитии социальной активности студентов обусловлены: добровольностью включения студентов в различные виды социально - ценностной деятельности; правом выбора средств достижения цели при совместном решении проблем; признанием равенства личных и общественных потребностей; осознанием собственной социальной защищенности студентов в их готовности защищать интересы других; сочетанием самоуправления с последовательным развитием демократических начал в управлении; неформальностью, нестандартностью содержания деятельности; целенаправленным использованием обучения и воспитания как средства достижения социально значимых целей и личностного роста студентов [7,8].

Исходя из воспитательных возможностей занятий яхтингом, на основе системного и

лично – деятельностного подходов был разработан структурно - функциональный модуль развития социальной активности студентов – участников занятий яхтингом. Он характеризуется наличием пяти этапов личностного роста (выбора и самопознания, самосовершенствования, самоопределения, самореализации, творческого роста). Целостность модуля обеспечена единством структурных (цель, содержание, принципы, технологии) и функциональных (аксиологический, адаптирующий, передачи культурного наследия, компенсаторный, креативный, регулятивный) компонентов [9,10].

Проведенное исследование показало, что данный модуль эффективно функционирует в определенных социально-педагогических условиях, к которым относятся: использование личностно-ориентированных технологий развития социальной активности молодежи; свободный выбор студентами видов и форм социально значимой деятельности; педагогическая поддержка перехода процесса развития социальной активности в режим саморазвития за счет актуализации мотивационной сферы студентов и их выхода в рефлексивную позицию.

Для получения объективной информации об уровне развития социальной активности молодежи - участников занятий яхтингом – нами была выделена система взаимосвязанных критериев и показателей, включающая: мотивационный критерий, показателями которого выступают сформированность социально значимых мотивов, потребность в социально – ценностной деятельности, направленность на достижение результатов в социальной деятельности; когнитивный критерий, показателями которого являются наличие знаний о различных типах социальных отношений, особенностях социального общения, наличие практических знаний и умений, необходимых для проявления активности в той или иной деятельности; деятельностный критерий, показателями которого служат характер включения в социально значимую деятельность, проявление инициативы, самостоятельности и ответственности в деятельности, способность к преодолению трудностей.

В исследовании были получены данные, научная новизна и теоретическая значимость которых заключается в том, что расширены научные представления о занятиях яхтингом и их воспитательных возможностях в развитии социальной активности студентов; уточнена характеристика понятия «занятия яхтингом»; разработан модуль развития социальной активности молодежи, определены принципы

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

самореализации студентов; определены критерии и уровни развития социальной активности студентов в студенческом яхтенном движении. Основной целью опытно-экспериментальной работы явилась проверка эффективности социально-педагогических условий развития социальной активности студентов в студенческом яхтенном движении.

Conclusion

Проведённое теоретическое и экспериментальное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило сделать следующие выводы:

1. Студенческий яхтинг - это добровольная форма объединения для мобилизации социальной инициативы, достижения общественно значимых целей, совместного решения общих проблем, способствующая личностному росту его участников и развитию социальной активности студентов.

2. Структурно – функциональный модуль развития социальной активности студентов в занятии яхтингом, построенный на положениях системного и личностно –деятельностного подходов, представляет собой логически завершённую последовательность этапов личностного роста (выбора и самопознания, самосовершенствования, самоопределения, самореализации, творческого роста). Целостность модуля обеспечена единством структурных (цель, содержание, принципы, технологии) и функциональных (аксиологический, адаптирующий, передачи культурного наследия, компенсаторный, креативный, регулятивный) компонентов.

3. Воспитательные возможности занятий яхтингом в развитии социальной активности студентов обусловлены следующими принципами: добровольностью включения студентов в различные виды социально-ценностной деятельности; правом выбора средств достижения целей при совместном решении

проблем; признанием равенства личных и общественных потребностей; осознанием собственной социальной защищённости студентов при готовности защищать интересы других; сочетанием самоуправления с последовательным развитием демократических начал в управлении; неформальностью, нестандартностью содержания деятельности; целенаправленным использованием обучения и воспитания как средства достижения социально значимых целей и личностного роста студентов.

4. Социально-педагогические условия (использование личностно-ориентированных технологий развития социальной активности студентов; свободный выбор студентами видов и форм социально значимой деятельности; педагогическая поддержка перехода процесса развития социальной активности в режим саморазвития за счёт актуализации мотивационной сферы студентов и их выхода в рефлексивную позицию) обеспечивают эффективное развитие социальной активности молодежи в студенческом яхтинге.

5. Обоснованные критерии (мотивационный, когнитивный, деятельностный) обеспечили возможность количественно и качественно измерить произошедшие изменения в уровне развития социальной активности студентов - участников занятий яхтингом. Проведённые эксперименты показали существенное повышение социальной активности студентов во всех экспериментальных группах. Наиболее высокие результаты наблюдались в группе, где модуль реализовывался на фоне комплекса условий.

Данное исследование не исчерпывает содержания рассматриваемой проблемы. Перспективными направлениями её дальнейшего развития могут стать: использование вариативно-программного подхода в подготовке студентов; развитие творческого потенциала личности в результате занятий яхтингом.

References:

1. Ananov BG (1969) Chelovek kak predmet poznaniya. JL: Izd-vo LGU, 1969. - 339 p.
2. Andreeva GM (1988) Socialnaya psixologiya. M.: Izd-vo MGU, 1988. - 415 p.
3. Andrienko EV (2000) Socialnaya psixologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Akademiya, 2000. - 264 p.
4. Blauberg IV, Yudin EG (1973) Stanovlenie i sushhnost sistemnogo podxoda. -M.: Nauka, 1973. -270 p.
5. Vulfov BZ (1994) Sem paradoksov vospitaniya. -M.: Novaya shkola, 1994.-78 p.
6. Vygot'skij JC (2000) Psixologiya. M.: Eksmo-Press, 2000. - 386 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

7. Kagan MS (1974) Chelovecheskaya deyatelnost: opyt sistemnogo analiza. M.: Politizdat, 1974. - 328 p.
8. Rubinshtejn SJ (1976) Problemy obshhej psixologii. 2-e izd. - M.: Pedagogika, 1976. - 416 p.
9. Suxomlinskij VA (1981) Metodika vospitaniya kollektiva. M.: Prosveshhenie, 1981.-192 p.
1. Mishchik SA (2015) Pedagogometrik - science and academic subject. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "European Technology in Science" – 28.02.2015. ISJ Theoretical & Applied Science 02 (22): 103-106 Malmö, Sweden. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2015.02.22.17>

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Ilgar Alakbar Agayev

Candidate of Legal Sciences,
Doctoral student of Department of
“Economic Security and Management of Social and
Economic Processes”,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Russian Federation
nauka-xxi@mail.ru

**SECTION 31. Economic research, finance,
innovation, risk management.**

THE IMPORTANCE OF STRENGTHENING THE ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN ENSURING AZERBAIJAN'S ECONOMIC SECURITY IN THE FACE OF GROWING GLOBAL THREATS

Abstract: The importance of strengthening the activity of law enforcement bodies in ensuring Azerbaijan's economic security in the face of growing global threats are studied in the article. Important elements and criteria for ensuring the country's economic security, taking into account internal and external factors, features of the national economy, and the level of economic crime are analyzed. The importance and role of law enforcement bodies in ensuring economic security of the country's economy is considered. The actual and modern aspects of the elements of strengthening economic security are studied through the implementation of preventive measures, the organization of preventive works with state and private structures on the issues of transparency of the national economy, accounting and reporting in business entities and commercial organizations. The level of criminality in the economic spheres of Azerbaijan and appropriate conclusions are drawn on reducing the number of economic crimes is considered. The necessity of strengthening the material and technical base of the subdivisions of the internal affairs bodies to counteract economic crimes in the Azerbaijan Republic under the current conditions is substantiated.

A number of recommendations and proposals on the importance of strengthening the activities of law enforcement bodies in ensuring Azerbaijan's economic security in the face of growing global threats are given at the end of the article.

Key words: Azerbaijan, economic security, law enforcement agencies, property protection, economic crimes, material and technical base of internal affairs bodies, global threats.

Language: Russian

Citation: Agayev IA (2017) THE IMPORTANCE OF STRENGTHENING THE ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN ENSURING AZERBAIJAN'S ECONOMIC SECURITY IN THE FACE OF GROWING GLOBAL THREATS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 139-144.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-19> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.19>

ВАЖНОСТЬ УСИЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В УСЛОВИЯХ РОСТА ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

Аннотация: В статье исследована важность усиления деятельности органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности Азербайджана в условиях роста глобальных угроз. Анализированы важные элементы и критерии обеспечения экономической безопасности страны с учётом внутренних и внешних факторов, особенностей национальной экономики, уровня экономической преступности. Рассмотрены важность и роль органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности экономики страны. Изучены актуальные и современные аспекты элементов усиления экономической безопасности путём проведения превентивных мер, организации профилактических работ с государственными и частными структурами по вопросам прозрачности национальной экономики, ведения учёта и отчётности в предпринимательских субъектах и коммерческих организациях. Рассмотрен уровень преступности в экономических сферах Азербайджана и сделаны соответствующие выводы по уменьшению числа экономических преступлений. Обоснована необходимость усиления материально-технической базы

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

подразделений органов внутренних дел по противодействию экономическим преступлениям в Азербайджанской Республике в нынешних условиях.

В конце статьи дан ряд рекомендаций и предложений по важности усиления деятельности органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности Азербайджана в условиях роста глобальных угроз.

Ключевые слова: Азербайджан, экономическая безопасность, органы внутренних дел, защита собственности, экономические преступления, материально-техническая база органов внутренних дел, глобальные угрозы.

Introduction

В современных условиях экономическая безопасность рассматривается исходя из статического подхода, при этом статичность не предполагает рассмотрение объекта в застывшем состоянии. Данной системе характерно движение, при котором система воспроизводится в своем неизменном виде. Эти процессы наблюдаются и в некоторых постсоветских странах, в том числе, в Азербайджане, где углубляются социально-экономические реформы, которые являются составляющей частью комплексных мер по обеспечению экономической безопасности страны. Дело в том, что в этих условиях воспроизводственная модель экономики развивается по аналогу наименее развитых стран и эти факторы выступают в качестве значимого показателя в оценке системы экономической безопасности. В условиях решения обеспечения динамичного и устойчивого развития национальной экономики, повышения ее конкурентоспособности, существующая модель развития может препятствовать ускоренному вхождению страны в число развитых стран и интеграцию ее в мирохозяйственную систему. Другими словами, страна с такой экономической моделью и тенденциями будет сопровождена так называемой моделью «догоняющей» экономики.

Materials and Methods

Исследователь Е.Кузнецова выделил важность повышения конкурентоспособности национальной экономики в международной конкурентной борьбе. В современных условиях конкурентоспособность страны может быть надежно обеспечена конкурентными преимуществами. При этом в современных условиях главную роль играют не только наличие в распоряжении страны достаточных природных ресурсов, но и в гораздо большей степени конкурентоспособность зависит от способности всей совокупности производственного потенциала страны. Однако и это является недостаточным условием в достижении экономической безопасности страны[1]. Соглашаясь с автором, можно отметить сырьевую направленность экономики Азербайджана в современных условиях и принятие комплексных

мер по развитию ненефтяных секторов экономики страны, в том числе, с учетом развития регионов, отделенных территориальных структур и прочих. Очевидна зависимость темпов роста экономики Азербайджана от нефтегазовых ресурсов и их реализация на экспорт требуют расширения диверсификации национальной экономики страны, совершенствование эффективности деятельности исполнительных, правоохранительных органов и усиления их роли в процессах обеспечения экономической безопасности в контексте национальной безопасности. Стоит отметить мнение ряда авторов, которые склоняются к определению сущности экономической безопасности как состоянию экономики и государства, где обеспечивается стабильность общественной безопасности и охраны национальных ценностей, в целом защита национальных интересов. При наличии мощного ресурсного потенциала во всех сферах, в том числе внутри и вне экономики страны, обеспечиваются интересы народа и в целом, страны[2]. В данном механизме сконцентрированы элементы, которые дадут возможность формированию более эффективной системы безопасности государства. Кроме того, подобные системы экономической безопасности страны требуют более четкие аргументированные факторы и подходы по прочности системы безопасности в условиях глобальных угроз как внутри страны так и внешне. Дело в том что, в условиях углубления рыночной экономики требуются те механизмы действия, которые способствуют устойчивому развитию национальной экономики и комплексному решению в социально-экономических проблемах общества. Поэтому, для устойчивости системы экономической безопасности страны необходимо разработать и осуществить действенные меры по пресечению и минимизации экономических угроз. Изучая проблемы методической основы мониторинга факторов, определяющих возникновение угроз экономической безопасности, исследователь А.Мику отмечает, что для обеспечения экономической безопасности как важнейшего элемента национальной безопасности необходима систематическая работа

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

по выявлению и предупреждению угроз, по нейтрализации последствий уже возникших неблагоприятных ситуаций[3]. Другой исследователь М.Квитчук, изучая проблемы методов мониторинга масштабов теневой экономики как угрозы экономической безопасности государства, указывает, что структура теневой экономики как источника угроз формируется двумя сегментами – производительным и непроизводительным. Основу первого сегмента составляет предпринимательская деятельность, которая может осуществляться в производственной, коммерческой, финансовой и других подсистемах экономической системы государства. Второй сегмент состоит из двух компонентов: социально-деструктивного и государственно-деструктивного. В результате социально-деструктивной деятельности разрушается человеческий капитал, что подрывает сами основы экономического роста. Следствием государственно-деструктивной деятельности становится, возрастание транзакционных издержек, неэффективное распределение прав собственности[4]. В.Шкварок, исследуя теоретические основы и классификацию угроз экономической безопасности страны, выделил следующие сферы: энергетическая, демографическая, социально-культурная, информационная, военная, промышленная, научно-техническая, политическая, продовольственная, финансовая сферы теневой экономики, глобализация и прочие[5]. Несмотря на приведенную автором группу мер по противодействию угрозам экономической преступности, элементов и почвы, способствующей разного характера угрозам, но даже наиболее оптимальная система превентивных мер не сможет предвидеть, а тем более ликвидировать спонтанно возникающие нестандартные угрозы, способные причинить существенный ущерб экономике страны.

Отметим, что при формировании оптимального распределения полномочий и функциональных задач государственных органов, в том числе правоохранительных органов, по обеспечению экономической безопасности страны, необходимо учитывать ряд факторов и специфических особенностей:

- информационное обеспечение национальной экономики должно реально характеризовать положение в экономике;
- экономическая безопасность должна быть реализована на базе разработки проектов социально-экономического развития и государственного бюджета;

- цели и задачи государственных структур, в том числе, правоохранительных органов в вопросах экономической безопасности необходимо четко конкретизировать;
- сформировать ряд предприятий, продукция которых необходима для обеспечения государственных потребностей;
- определить ряд конкретных предприятий и осуществить государственную поддержку для повышения их конкурентоспособности;
- выделить экономические субъекты, в которых контрольный пакет акций закрепляется за государством для воздействия на решения, принимаемые этими субъектами;
- государству необходимо осуществлять контроль над стабильным функционированием предприятий жизненно важной деятельности населения и базовой сети инфраструктуры и т.д.

Стоит отметить, что в обеспечении экономической безопасности Азербайджана значительная роль отводится правоохранительным органам и, преимущественно, подразделениям МВД. Задачи, реализуемые органами внутренних дел и осуществляемые ими функции, определяют организационную структуру органов внутренних дел, которая состоит из отраслевых и функциональных служб. Отметим, что работа органов МВД серьезно влияет на реализацию экономической безопасности государства. Например, при охране собственности и в процессе реализации концепции экономической безопасности:

- обеспечение общественного порядка, который считается важным элементом организации экономической безопасности страны;
- формирование условий для организации труда и отдыха граждан;
- создание обстановки безопасности и спокойствия в общественных местах;
- обеспечение непрерывной деятельности организаций и учреждений;
- усиление борьбы с беспорядками, терроризмом и противодействие кибербезопасности;
- формирование необходимой среды по улучшению климата в области экономической безопасности государства;
- раскрытие преступлений и пресечение причинения материального ущерба государству и пр.

Как известно, в составе органов внутренних дел имеется ряд подразделений, которые занимаются выполнением круга задач по

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

укреплению экономической безопасности страны. В данной работе из числа отличавшихся организаций можно отметить деятельность Государственной Дорожной Полиции и Налоговую Полицию при Министерстве Налогов Азербайджанской Республики[6]. Эти службы в своей деятельности проводят определённые работы профилактического и аналитического характера экономических преступлений. Кроме того, по мере наличности преступных элементов они проводят соответствующие оперативные меры по пресечению преступных действий, или же задержания нарушителей законности. Имея ряд полномочий по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию экономических преступлений эти организации способствуют защите граждан страны, которые являются основными потребителями и участниками экономических процессов, где совершается преимущественная часть экономических преступлений[7; 8; 9]. Более того, с развитием предпринимательской деятельности и бизнес-структур в стране требуется расширение географии правовых-организационных мер по пресечению экономических преступлений, права и обязанности сотрудников структур обеспечивающие экономическую безопасность страны в нынешних условиях. Исходя из характера и особенности, работники правоохранительных органов нуждаются в осмотре того или иного помещения, территории и пр. Более того, им необходимо соответствующие полномочия и они нуждаются в обладании права для проведения следственных мероприятий и розыскных работ в разных промышленных и торговых структурах, конкретно требуемых объектах, административных помещениях и ангарных постройках. Подобная необходимость вызвана рассмотрением и изъятием нужных документов и материальных ценностей, которые требуются для следственного разбирательства, проведения специальных денежных и финансовых операций, уточнения наличности остатка товара и ценностей в складских помещениях, чёткого и достоверного учёта продукции, товаров, инвентаря, материальных ценностей, денежных ресурсов и других активов проверяемого субъекта. Каждое из этих действий правоохранительных органов должно сопровождаться определёнными инструкциями, нормативами и законодательными актами, которые добавляют уверенности в действия, и в

целом, обеспечивают эффективность деятельности органам внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями, ликвидации преступных группировок и уменьшению случаев коррупции[10]. Более того, сотрудники органов внутренних дел в ходе работы по выявлению экономических преступлений и коррупционных фактов имеют право получить необходимую информацию и соответствующие объяснения от должностных лиц и ответственных людей за материальные ценности. И при необходимости они имеют право печатывать и на определённый период закрывать деятельность складских помещений, где хранится продукция, служебные комнаты, и прочие служебные административные помещения, в которых находятся документы, компьютерная техника, денежные кассы, специальные склады и ангары. То есть, работники органов внутренних дел в процессах выполнения должностных обязанностей и поставленных задач по обеспечению экономической безопасности государства должны иметь достаточные полномочия и права по эффективному выполнению своей работы. Только в этом случае увеличатся реальные возможности повышения рациональности общей деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономическими нарушениями и преступлениями, минимизации фактов коррупции и деятельности преступных группировок. Кроме того, подразделения органов внутренних дел должны иметь достаточные материальные средства и ресурсы, элементы материально-технической базы для плодотворной деятельности противодействия экономическим преступлениям. Отметим, что в Азербайджане уделяется пристальное внимание на эти проблемы и примерный проект распределения расходов на развитие, сохранение и укрепление материально-технической базы органов внутренних дел Азербайджанской Республики в рамках проекта Государственной Программы «О совершенствовании деятельности органов полиции в Азербайджанской Республике в 2016-2020 гг.» отражен на Рисунке 1.

В современных условиях необходимо увеличить средства, выделенные на развитие материально-технического обеспечения и обеспечения информационными технологиями, которые позволят увеличить эффективность мероприятий по укреплению экономической безопасности Азербайджанской Республики в современных условиях.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

Рисунок 1 - Распределение расходов на развитие, сохранение и укрепление материально-технической базы органов внутренних дел Азербайджанской Республики в рамках проекта Государственной Программы «О совершенствовании деятельности органов полиции в Азербайджанской Республике в 2016-2020 гг.», в % (разработано автором).

Conclusion

Таким образом, исходя из совокупности деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности страны с целью поднятия эффективности их реализации, можно отметить следующие проблемы:

- несовершенство существующего законодательства и нормативных актов;
- недостаточное применение передового мирового опыта и эффективных механизмов предупреждения преступлений и противоправной деятельности в экономических сферах;
- слабые профессиональные навыки сотрудников органов внутренних дел и их неэффективная работа в обстановке

хаотично формирующихся договорных отношений, полной независимости экономических субъектов и свободы субъектов бизнеса;

- отсутствие оперативности и четкой стратегии в организации и реализации ревизий финансовой деятельности и проверок документов предприятий экономических субъектов;
- низкий уровень социальной защищенности работников органов внутренних дел, необходимость принятия дополнительных мероприятий по укреплению материально-технической базы органов внутренних дел по противодействию экономическим преступлениям и т.д.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

References:

1. Kuznetsova YI (2010) Metodologiya formirovaniya ekonomicheskoy strategii gosudarstva: ekonomicheskaya bezopasnost' i konkurentosposobnost'. Diss. d-ra ekon. nauk, Moskva, 2010.-350 p.
2. Senchagov VK (2007) Byudzhetnaya politika i yeye rol' v obespechenii ekonomicheskogo rosta//Voprosy ekonomiki. 2007. № 5.-p. 32-44.
3. Miku AA (2009) Metodicheskiye osnovy monitoringa faktorov, opredelyayushchikh vzniknoveniye ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. Diss. kand. ekon. nauk, Sankt-Peterburg, 2009.-164 p.
4. Kvitchuk MA (2009) Metody monitoringa masshtabov tenevoy ekonomiki kak ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva. Diss. kand. ekon. nauk, Sankt-Peterburg, 2009.-125 p.
5. Shkvarok VM (2009) Teoreticheskiye osnovy i klassifikatsiya ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti strany. Diss. kand. ekon. nauk, Sankt-Peterburg, 2009.-185 p.
6. (2017) Ministerstvo Nalogov Azerbaydzhanskoj Respubliki - <http://www.taxes.gov.az>.
7. Skvortsova VA, Fomina AS (2012) Teoretiko-metodologicheskikh osnov issledovaniya ekonomicheskoy sostavlyayushchey v sisteme natsional'noy bezopasnosti otmechayut prioritetnost' ekonomicheskoy bezopasnosti // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. 2012. № 28. – p. 562-565.
8. Slizkaya VP (2009) Ekonomicheskaya bezopasnost' kommercheskoj organizatsii i rol' organov vnutrennikh del v yeye obespechenii. Diss. kand. ekon. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. – 214 p.
9. Tarasov YA (2013) Rol' i mesto MVD Rossii kak sub"yekta i ob"yekta gosudarstvennogo kontrolya v sisteme preduprezhdeniya prestupleniy// Rossiyskiy issledovatel', № 20, 2013.
10. Shugurova VP (2013) Zarubezhnyy opyt organizatsii gosudarstvennogo finansovogo kontrolya / V. P. Shugurova, M. F. Zheltova // Molodoy uchenyy. 2013, №1.- p. 209-212.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Malakhat Soltan Huseynova

Doctor of Philosophy in Economics,
Associate Professor of the Department
"Organization of business and management",
Sumgayit State University,
Azerbaijan Republic
nauka-xxi@mail.ru

**SECTION 19. Management. Marketing. Public
administration.**

THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF AGROPROCESSING MARKET MANAGEMENT IN CONDITIONS OF DEEPENING OF MARKET RELATIONS

Abstract: The issues of development and improvement of agroprocessing market management in conditions of deepening market relations are explored in the article. The processes of development of the agrarian sector and the agroprocessing market, the potential for an increase in the volume of production to expand the agro-processing market are analyzed. The main indicators of enterprises engaged in the production of agricultural products in the Republic of Azerbaijan are considered. Indicators of the level of non-self-sufficiency of a number of products in the Republic of Azerbaijan are studied and the necessity of expanding their production and processing for activating the agroprocessing market is justified. The level of dependence of imports on the provision of basic types of industrial products of agroprocessing in the Republic of Azerbaijan is given and the directions and priority tasks for minimizing the level of import dependence on agroprocessing products are examined. Important indicators of the main types of enterprise's products in kind, engaged in the production of agricultural products in the Republic of Azerbaijan, were analyzed and their most important tasks in conditions of deepening market mechanisms are considered.

The results of the development and improvement of the agroprocessing market management in the conditions of deepening market relations are summarized at the end of the article.

Key words: Azerbaijan, agrarian sector, agrarian industry, agroprocessing market development, improvement of agroprocessing market management, efficiency, food security.

Language: Russian

Citation: Huseynova MS (2017) THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF AGROPROCESSING MARKET MANAGEMENT IN CONDITIONS OF DEEPENING OF MARKET RELATIONS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 145-151.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-20> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.20>

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЕМ РЫНКА АГРОПЕРЕРАБОТКИ В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЕНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В статье исследованы вопросы развития и совершенствования управлением рынка агропереработки в условиях углубления рыночных отношений. Анализированы процессы развития аграрного сектора и рынка агропереработки, потенциал увеличения объёма производства по расширению рынка агропереработки. Рассмотрены основные показатели предприятий занятых производством аграрной продукции в Азербайджанской Республике. Изучены показатели уровня не самообеспеченности ряда продукции в Азербайджанской Республике и обоснована необходимость расширения их производства и переработки для активизации рынка агропереработки. Даны уровень зависимости импорта по обеспечению основными видами промышленной продукции агропереработки в Азербайджанской Республике и рассмотрены направления, приоритетные задачи по минимизации уровня зависимости импорта по продукциям агропереработки. Анализированы важные показатели основных видов продукции предприятия в натуре, занятых производством аграрных продукции в Азербайджанской Республике и рассмотрены их важнейшие задачи в условиях углубления рыночных механизмов.

В конце статьи обобщены итоги по вопросам развития и совершенствования управлением рынка агропереработки в условиях углубления рыночных отношений.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Ключевые слова: Азербайджан, аграрный сектор, аграрный промышленность, развитие рынка агропереработки, совершенствование управления рынка агропереработки, эффективность, продовольственный безопасность.

Introduction

Азербайджан, после восстановления независимости, должен был решить ряд стратегических задач по созданию новой экономической системы в свете требований рыночных механизмов и рыночных отношений. Среди сложных отраслей национальной экономики особо отличились специфические механизмы, системы деятельности рынка агропереработки, который нуждался практически в создании совершенно нового механизма управления и практичных инструментарий. Дело в том, что при бытности в составе бывшего СССР во всех республиках, в том числе в Азербайджане вопросы регулирования системы управления по рынку агропереработки решались централизованно в Москве, а на местах потребовались чёткое выполнение тех или иных конкретных задач по разнарядкам, планам или отдельным поручениям. Продукции агропереработки могли поступить по указанным потребителям и адресантам из Москвы во всех 15 республиках бывшего СССР и не потребовались дополнительные усилия, работы или формирование специальных структур, механизмов для развития и управления рынка агропереработки. Как известно, в те времена существовала так называемая система кооперативной торговли, которая всюду и во всех регионах республики производила закупки и реализацию всех ассортиментов предприятий агропереработки и практически рынок агропереработки управлялся так называемыми «копторгами» и его центральным управлением, который реализовал функции осуществления государственной политики и разработку практичных механизмов данной сферы. Однако всё это осталось в прошлом, хотя разные подразделения данной системы до сих пор остались действовать, но их деятельность практически потеряла свою значимость и эффективность в условиях новых экономических систем, то есть в системе рыночных отношений. В числе приоритетных задач и проблем по развитию и совершенствованию управлением рынка агропереработки в условиях углубления рыночных отношений в Азербайджане можно выделить следующее:

- в связи с проведением аграрной реформы и земельной реформы в Азербайджане, в стране образовались десятки тысяч частных предпринимателей, фермерских хозяйств, семейных хозяйств и прочих структур в сельских местах, которые в основном занимаются

выращиванием и реализацией сельскохозяйственной продукции;

- в регионах страны, в рамках реализации государственных программ по решению социально-экономических проблем и развитию регионов, в основном завершены строительства и ввод в эксплуатацию инфраструктура объектов, другими словами стабильное обеспечение электрической энергией, природным газом, водой, сельскохозяйственной техникой, минеральными удобрениями, транспортными узлами, современной дорожной инфраструктурой и прочим, которые создают благоприятные условия для развития и совершенствования управлением рынка агропереработки для активного выхода на внешний рынок;

- государство активно поддерживает и стимулирует развитие расширения агроперерабатывающей отрасли, создание прочной материально-технической базы для её развития, построены крупные объекты и заводы по агропереработке сельскохозяйственной продукции – овощей и фруктов, мясомолочных изделий, минеральных вод, соков, вин и прочих;

- в нынешних условиях особые меры принимаются в восстановлении традиционных рынков агропереработки в регионах, в том числе в бывших республиках СССР, особенно в Российской Федерации и его субъектах, где традиционно торговались продукцией агропереработки из Азербайджана и спрос на них всегда был на высоком уровне и продолжает оставаться по сегодняшний день;

- государство в последние годы особое внимание уделяет развитию транспортных узлов и системе логистики, расширению складских помещений, созданию логистического центра в портах Каспийского моря, в том числе в портах традиционных и стратегических партнёров – стран по приёму, хранению, транспортировке и реализации продукции переработки, однако все эти работы находятся в стадии развития и пока интенсификация данного процесса требует немало времени, вложение инвестиционных ресурсов, реагирования множественных организационных и управленческих вопросов;

- в международном морском порту, в Каспийском море, в посёлке Алят создаётся Свободная Торговая Зона, которая будет способствовать расширению логистической возможности страны по движению продукции агропереработки производителей Азербайджана не только на региональном рынке, но и откроет большие перспективы по выходу на внешние

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

зарубежные – международные рынки агропереработки.

Materials and Methods

Следует подчеркнуть, что вопросы и проблемы развития аграрной переработки и его рынка эффективность системы управления рассмотрены в трудах многих учёных и исследователей. Должны отметить, что эта проблема в нынешних условиях особо настораживает пространство бывшего СССР, так как создание более эффективных методов и системы управления и механизмы развития рынка агропереработки является государственной важной задачей для всех республик выходцев бывшего СССР, в том числе и для Азербайджана, России и прочих. Много учёных и специалистов, да и государственных структур рассматривают целесообразность усиления совместной деятельности этих республик по развитию рынка агропереработки, так как имелись традиционные кооперационные и хозяйственные связи, рынки агропереработки и в современных условиях развития рынка переработки исходя из национальных интересов по обеспечению продовольственной безопасности своих стран. Например, считается, что Агропром Азербайджана может сыграть особую роль в стратегии Российского импротозамещения и сможет способствовать в смягчении антироссийского торгового эмбарго Западного мира. Речь, как о краткосрочном периоде, так и на долгосрочной, учитывая, что созданные в предстоящий период логистической связи между

бизнесов двух стран сформируют новые агропромышленные отношения[1]. Более того, в последние годы руководство и правительство Азербайджана последовательно и настойчиво принимает комплексные меры, оказывает государственную поддержку по развитию и совершенствованию управлением рынка агропереработки с дальнейшим выходом национальной продукции на мировые рынки, главным смыслом, которого является брендинг национальных продуктов во всех пространства рынка переработки. А.Караваяев подчёркивает, что развитие Азербайджанского агробизнеса как раз движется в данном направлении. Еврокомиссия вместе с партнёрами из Минсельхоза Азербайджана начали проект технической помощи «Поддержка электронного сельского хозяйства в Азербайджане». Помимо прочих задач, проект призван разработать регистр хозяйств и ассортимент их продукции[2]. Дело в том, что в Азербайджане за последние годы объем производства сельхозпродукции и особенно продукции агропереработки заметно растёт, производится качественная продукция, предприятия агропереработки оснащаются современными зарубежными оборудованьями, применяются новые методы управления и развивается рынок переработки в стране, создаются прочные базы и почва для активизации выхода на внешний рынок отечественных производителей, компании и фирм. В Таблице 1 даны основные показатели предприятий занятых производством аграрной продукции в Азербайджанской Республике.

Таблица 1
Основные показатели предприятий занятых производством аграрной продукции в Азербайджанской Республике, %

п/н	Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Число функционирующих предприятий, в том числе:	409	396	427	439	389	382
	государственные	14	16	17	17	18	18
	негосударственные	395	380	410	422	371	364
2	Число частных предпринимателей, зарегистрировавших производство промышленным способом	1925	2108	2575	2516	2597	2547
3	Доля сферы в общем объёме промышленной продукции произведённой в стране, в %	1,5	1,5	1,5	1,7	2,0	2,5
4	Доля сферы в общем объёме промышленной продукции, производимой негосударственным сектором, в %	8,6	7,5	9,3	9,1	10,2	12,6
5	Инвестиции в основной капитал, млн. манат	27,1	46,5	75,3	160,8	92,4	87,9
6	Доля сферы в общей инвестиции, вложенной в промышленный сектор страны, в %	0,63	0,87	1,2	2,1	1,2	1,0

Примечание: Таблица 1 подготовлено автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Если проанализировать Таблицу 1, то можно увидеть, что за 2014-2015 годы уменьшилось число функционирующих предприятий, занятых производством аграрной продукции. Доля сферы, в общем объёме произведённой в стране по итогам 2015 года составляет 2,5 %. К сожалению, доля сферы в общей инвестиции, вложенной в промышленный сектор страны, тоже находится в тенденции снижении и в 2015 году составил лишь 1 %.

Отметим, что в Азербайджане степень самообеспеченности по большинству

наименований сельхозпродукции колеблется в пределах 76-98 %. Государство скупает готовые продукции хозяйство по ценам, выше рыночной, а затем продаёт её своим же азербайджанским перерабатывающим компаниям по субсидируемой цене. Это позволяет, во-первых, найти аграриям средств для расширения производства, а во-вторых, развиваться сектору переработки и сопутствующим сферам. В Таблице 2 отражены показатели уровня не самообеспеченности ряд продуктов в Азербайджанской Республике.

Таблица 2
Уровень самообеспеченности ряд продуктов в Азербайджанской Республике, %

п/н	Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Крупы всех видов	11,3	1,4	16,6	19,3	18,2	17,9
2	Мука всех видов	95,1	84,1	94,1	93,8	94,8	95,1
3	Макаронные изделия	72,7	63,6	70,2	52,6	58,0	53,2
4	Растительные масла	74,3	62,3	64,8	74,9	67,0	60,5
5	Сливочные масла	50,0	50,2	50,4	50,5	51,9	69,2
6	Сыр всех видов	85,7	86,5	88,2	80,5	80,4	84,2
7	Чай	63,2	62,1	65,6	54,7	50,7	40,2
8	Овощные и фруктовые консервы	91,8	87,4	90,7	90,7	91,4	87,6

Примечание: Таблица 2 подготовлено автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>

Исходя из Таблицы 2 можно сделать вывод о том, что в Азербайджане требуется расширение сети переработки аграрных продуктов и их рынков по продукциям крупы всех видов, растительные и сливочные масла, чай и другие. Как известно, современная агропереработка – сложная многослойная сеть, сочетающая разные компоненты – от инфраструктуры до конкретных субъектов деятельности[3]. В одной из крупных агроцентров Азербайджана – в Западном регионе страны создаются Шамкирский агропарк. В самое ближайшее время там будут открыты сразу несколько перерабатывающих предприятий, причём большая часть инвестиций – 80 % иностранные[4]. С одной стороны государственные поддержки с созданием одновременно благоприятных условий, в том числе налоговых и прочих льгот по развитию рынка агропереработки, его инфраструктуры, логистической сети будут способствовать интенсификации развития в самой системе агропереработки в последующем его рынке, тем самым будут обуславливать совершенствование управления рынками агропереработки исходя из современных тенденций мировых рынков агропереработки и глобальных изменений в мире. Профессора М.Лешева и Е.Гангалю считают, что уровень и приоритетные направления государственной поддержки отрасли

определяются финансовыми возможностями и текущими задачами аграрных политик разных стран, при этом выделяются некоторые общие характерные черты. Учёт современных тенденций и позитивного опыта государственного регулирования сельского хозяйства и экономически развитых зарубежных странах необходим для совершенствования отечественного механизма государственного регулирования отрасли в условиях политики импортозамещения и наращивания собственного производства сельскохозяйственной продукции[5]. Более того, обеспечение благоприятной условия реализации сельскохозяйственной продукции и в целом продукции агропереработки способствуют расширения их рынков и повышения экспортного потенциала. Реализация потенциальных возможностей экспорта требует формирования соответствующего организационного – экономического механизма, способствующего повышению эффективности логистических функций, совершенствования, инфраструктурного обеспечения хозяйственной деятельности в данном направлении[6]. Отметим, что последние годы усиливается тенденция огосударствления сферы агропереработки и в связи с этим нуждается в новых методах и механизмах развитие данной отрасли.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

Необходимо выбрать приоритеты аграрной политики на основе анализа показателей обеспечения и самообеспечения, как критериев достижения генеральной цели[7]. Необходимо устранить такие негативные тенденции, как неустойчивости производственно-хозяйственных связей, ослабление внутреннего продовольственного рынка и серьёзная угроза продовольственной безопасности страны[8]. Более того, требуется расширение инфраструктуры и совершенствование механизма рынков агропереработки. Для обеспечения участников аграрного рынка оперативными и достоверными сведениями необходим

соответствующий набор институтов информационной инфраструктуры[9].

Следует подчеркнуть, что в Азербайджане усиливается тенденции по улучшению основных показателей самообеспечения важными видами продукции агропереработки и развитие его рынков. Повышается уровень качества и эффективности деятельности предприятий агропереработки[10]. Проводимые работы по развитию агропереработки и его рынков должны интенсифицироваться в сторону, где необходимо снизить уровень зависимости импорта по обеспечения основными видами промышленной продукции агропереработки в Азербайджанской Республике(см. Таблица 3).

Таблица 3

Уровень зависимости импорта по обеспечения основными видами промышленной продукции агропереработки в Азербайджанской Республике, %

	Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Растительные масла	91,1	82,4	87,3	86,1	81,2	73,3
2	Фруктовые и овощные соки	48,8	35,4	30,2	19,7	19,8	22,8
3	Фруктовые и овощные консервы	14,5	21,7	14,2	15,9	12,4	14,4
4	Сливочные масла	50,0	49,8	49,6	49,9	48,2	31,5
5	Сахар	42,7	40,5	34,8	29,9	27,2	37,2
6	Чай	83,9	80,6	77,6	100,7	83,6	87,6
7	Сыр всех видов	14,3	13,5	11,8	19,9	19,6	15,8
8	Крупа всех видов	88,7	98,6	83,5	80,8	81,9	82,1
9	Очищенный рис	87,0	86,8	87,3	85,5	91,7	90,5
10	Сырье для производства сахара	97,6	95,9	96,9	95,5	96,0	94,4

Примечание: Таблица 3 подготовлена автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>.

Как видно из Таблицы 3, Азербайджан, по итогам 2015 года, зависит от импорта по обеспечению основного вида промышленной продукции агропереработки по производству растительных масел – на 73,3 %, чая – на 87,6 %, крупы всех видов – на 82,1%, сырья для производства сахара – на 94,4 %, очищенного риса – на 90,5 % и т.д. Стоит обратить внимание на то, что для развития производства и рынка агропереработки по таким продукциям как растительные масла, чай, и сахар в самом Азербайджане имеется огромный неиспользованный потенциал. А выращивание чая и его переработка считается одной из традиционных сфер деятельности в Азербайджане. В связи с определением новейшей задачи и стратегической цели развития аграрного сектора и рынка агропереработки необходимо

учитывать возможность развития данной сферы. Профессор Э.Гулиев отмечает, что аграрное развитие и развитие его рынков в Азербайджане перешло на новый этап и превратилось в одно из приоритетных направлений ненефтяного сектора страны[11]. Кроме того, развитие аграрной сферы и агрорынков, рост потенциала её переработки рассматривается, как одно из эффективных направлений диверсификации национальной экономики[12]. Расширение ассортимента экспортноориентировочной продукции агропереработки создало благоприятные условия для развития рынка агропереработки[13]. В Таблице 4 даны показатели основных видов продукции предприятий в натуре, занятых производством аграрных продуктов в Азербайджанской Республике.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Таблица 4

Показатели основных видов продукции предприятий, занятых производством аграрных продукции в Азербайджанской Республике, в натуре

п/н	Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Мясо – всего, тыс. тонн	243,2	253,4	272,8	273,8	278,1	285,6
2	Колбасные изделия, тонн	2123	2361	4029	6030	6637	4970
3	Молоко(уровень жирности 1-3 %), тыс. тонн	812,8	813,5	820,0	830,2	840,1	857,4
4	Молоко(уровень жирности 6-29 %), тонн	4230	4357	4460	4559	4671	5132
5	Сыр и творог, тонн	43340	44293	45142	47316	48046	48494
6	Сливочные масла, тыс. тонн	20,9	21,1	21,8	21,9	23,4	23,9
7	Растительные масла, тыс. тонн	88,7	80,0	99,8	100,2	106,9	106,7
8	Сахар, тыс. тонн	335,5	334,7	355,7	423,1	410,10	335,6
9	Мука, тыс. тонн	1320	1328	1381	1438	1476	1507
10	Натуральный чай, тыс. тонн.	10,9	11,0	10,7	7,5	8,0	6,2

Примечание: Таблица 4 подготовлено автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>

Анализ Таблицы 4 даёт основания отметить, что за последние 10 лет объём производства мяса и молока особо не увеличился, а объём производства колбасных изделий в 2015 году по отношению к 2014 году снизился. Объём производства сливочных масел за последние 10 лет практически находится на одинаковом уровне, с не большим ростом 2014-2015 годах и прочее.

Conclusion

В итоге, можно резюмировать, что развитие аграрного сектора и рынка переработки в Азербайджане, в условиях углубления рыночных отношений находится в процессе разработки и осуществления новейших механизмов с целью достижения максимального совершенствования управления рынком агропереработки в ближайшей перспективе и т.д.

References:

- (2017) Agroprom Azerbaydzhana v strategii rossiyskogo improtozameshcheniya. Informatsionno-Analiticheskiy Tsent. Available: <http://www.ia-centr.ru>. (Accessed: 10.06.2017).
- Aleksandr Karavayev (2017) Azerbaydzhanskiye brendy gotovyatsya k vykhodu na mirovoy rynok. Available: <http://www.1news.az>. (Accessed: 10.06.2017).
- (2017) Uspekh novoy politiki v sel'skom proizvodstve zavisit ot sochetaniya neskol'kikh komponentov. «Sdelano v Azerbaydzhane» ili AzeriSunrise. Available: <http://www.caspianagro.az>. (Accessed: 10.06.2017).
- (2017) Azerbaydzhan pochti izbavilsya ot produktovoy zavisimosti. Available: <http://www.casp-news.ru>. (Accessed: 10.06.2017).
- Lesheva MG, Gangalo YV (2016) Gosudarstvennoye regulirovaniye agrarnogo sektora ekonomiki: opyt zarubezhnykh stran//Zhurnal «Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii», vypusk12, №16, 2016.- p. 90-96.
- Alpatov A, Osipov A, Sidorenko O, Zavgorodneva O, Fedyushin D (2017) Rossiyskiy eksport zerna i yego infrastrukturnoye obespecheniye//Zhurnal «Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii», vypusk1, №4, 2017.- p. 18-25.
- Zhogoleva YY (1997) Razrabotka prioritetov agrarnoy politik Rossii. Diss. d-ra ekon. nauk. Moskva, 1997.-254 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

8. Serdyukova LV (2002) Formirovaniye i razvitiye rynka agrarnykh produktov na regional'nom urovne: Na primere Kurskoy oblasti. Diss. kand. ekon. nauk. Yekaterenburg, 2002.-212 p.
9. Shumakova OV (2004) Formirovaniye informatsionnoy infrastruktury rynka agrarnoy produktsii: Na materialakh Omskoy oblasti. Diss. kand. ekon. nauk. Omsk, 2004.-196 p.
10. Fikretzade F, Abbasov E (2014) Voprosy povysheniya konkurentosposobnosti pererabatyvayushchey sfery i sovershenstvovaniye yeyo integratsii s sel'skokhozyaystvennym proizvodstvom v Azerbaydzhane//Azerbaijan Journal of Economics and Social Studies. Number 1, Volume 1, 2014.-P. 34-45.
11. Guliyev E (2017) Agrarnoye razvitiye perekhodit na novyy etap. Available: <http://www.azerbaijan-news.az>. (Accessed: 10.06.2017).
12. (2017) Razvitiye agrarnogo sektora i prodovol'stvennoy bezopasnosti. Available: <http://www.azerbaijans.com>. (Accessed: 10.06.2017).
13. (2015) Spravka po agrarnoy promyshlennosti. Ministerstvo ekonomiki i promyshlennosti Azerbaydzhanskoy Respubliki. Baku, 2015. Available: <http://www.senaye.gov.az>. (Accessed: 10.06.2017).

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Lyudmila Famil Ismailova

Senior lecturer of the Department
"Organization of business and management",
Sumgait State University,
Azerbaijan Republic
nauka-xxi@mail.ru

SECTION 19. Management. Marketing. Public
administration.

THE IMPORTANT ASPECTS OF ENTREPRENEURSHIP IN THE DEVELOPMENT OF THE NON-OIL SECTOR OF AZERBAIJAN'S ECONOMY IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF STRATEGIC ROAD MAPS

Abstract: *The important aspects of entrepreneurship in the development of the non-oil sector of the economy in the context of the implementation of strategic road maps in Azerbaijan are examined in the article. The main directions and priorities of the development of the non-oil sector of the country's economy, the essence of the state policy of Azerbaijan in the sphere of entrepreneurship of the non-oil sector are analyzed. The activity of the structure of the market economy in the country, its effectiveness, the main indicators of entrepreneurs in small and medium businesses, joint ventures, foreign companies in Azerbaijan are considered. The problems are revealed and the importance of intensifying the development of entrepreneurship in the non-oil sectors of the economy under the current conditions is substantiated. The rationality of entrepreneurship development to create new jobs, increase employment and solve social and economic problems is studied.*

A number of recommendations on important aspects and problems of entrepreneurship in the development of the non-oil sector of the economy in the context of the implementation of strategic road maps in Azerbaijan are compiled and given at the end of the article.

Key words: Azerbaijan, important aspects of entrepreneurship, development of the non-oil sector, strategic road maps, intensification of business development, development of small and medium-sized businesses, increasing activity of private entrepreneurs.

Language: Russian

Citation: Ismailova LF (2017) THE IMPORTANT ASPECTS OF ENTREPRENEURSHIP IN THE DEVELOPMENT OF THE NON-OIL SECTOR OF AZERBAIJAN'S ECONOMY IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF STRATEGIC ROAD MAPS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 152-157.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-21> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.21>

ВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ НЕНЕФТЯНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОРОЖНЫХ КАРТ

Аннотация: *В статье исследованы важные аспекты предпринимательства в развитии нефтегазового сектора экономики в условиях реализации стратегических дорожных карт в Азербайджане. Анализированы основные направления и приоритеты развития нефтегазового сектора экономики страны, сущность государственной политики Азербайджана в сфере предпринимательства нефтегазового сектора. Рассмотрена деятельность структуры рыночной экономики в стране, её эффективность, основные показатели работы предпринимателей в субъектах малого и среднего бизнеса, в совместных предприятиях, иностранных компаниях в Азербайджане. Раскрыты проблемы и обоснована важность интенсификации развития предпринимательства в нефтегазовых секторах экономики в нынешних условиях. Изучены рациональность развития предпринимательства по созданию новых рабочих мест, повышению занятости и в решении социально-экономических проблем.*

В конце статьи обобщены и дан ряд рекомендаций по важным аспектам и проблемам предпринимательства в развитии нефтегазового сектора экономики в условиях реализации стратегических дорожных карт в Азербайджане.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Ключевые слова: *Азербайджан, важные аспекты предпринимательства, развитие нефтегазового сектора, стратегические дорожные карты, интенсификация развития предпринимательства, развитие малого и среднего предпринимательства, повышение активности частных предпринимателей.*

Introduction

Вопросы и проблемы развития экономики страны считаются одними из главных направлений формирования и реализации государственной политики в современных условиях. Однако проблемы развития национальной экономики, эффективное использование её ресурсного потенциала, развитие производства, совершенствование процесса воспроизводства во все времена считались актуальными и находились в центре внимания правителей, правительств, государств и т.д.

Materials and Methods

В период интенсификации развития капиталистических подходов, развитие воспроизводства и повышение рациональности ресурсов развития экономики нуждались в особом внимании, которые считались очень важными с точки зрения обеспечения взаимосвязи и взаимодействия ресурсов с вложенным капиталом[1]. Кроме того, в период развития процессов индустриализации, особый акцент был сделан на оптимальность выбора развития промышленных предприятий и в целом промышленности с учётом их эффективности и перспективного развития. Важным считалось обеспечение развития промышленности с учётом специфики национальной экономики и близкого расположения к тем местам, где больше всего сконцентрированы природные ресурсы и прочий ресурсный потенциал, способствующий более эффективной организации деятельности промышленности в целом[2]. Отметим, что данный подход и в современный период также рассматривается, как один из главных критериев в процессах развития промышленности с учётом рационального использования его ресурсного потенциала. Если рассмотреть спецификацию и прочие принципы развития промышленности, особенно её нефтегазовый сектор экономики, то можно заметить, что основные крупные промышленные предприятия находятся вблизи её ресурсных источников. Например, Сумгайытский промышленный центр, где сконцентрированы основные предприятия и комплексы нефтегазовых секторов экономики – предприятия химических, нефтехимических, металлургических. Основным источником сырья здесь служат побочные продукты и полуфабрикаты, перерабатываемые из нефти и газа. Или развитие современного металлургического комплекса вблизи другого крупного промышленного центра Азербайджана – в Гяндже связано с близостью железных руд в

Дашкесенском районе. В целом, для эффективного развития нефтегазовых секторов экономики в Азербайджане характерен аналогичный принцип, однако требуется комплексный подход и более адекватные механизмы формирования конкурентоспособности нефтегазового сектора экономики страны в условиях роста глобальных угроз, углубления рыночных отношений и деформации мирохозяйственных процессов. В связи с продолжением влияния негативных последствий финансового кризиса в мире и плюс к этому с падением цен на нефть, которая является главным источником валютных доходов и финансовых ресурсов Азербайджана требуется повышение рационального использования имеющегося ресурсного потенциала страны и в том числе финансового ресурса. Вопросы обеспечения рациональности формирования и движения финансовых ресурсов, их использование должны основываться на более продуктивном и надёжном механизме национальной экономики[3]. В период замедления притоков финансовых ресурсов становится проблематичным реализация проектов инфраструктурного характера или создание производственных мощностей разных секторов национальной экономики, в которых в нынешних условиях особо наблюдается процесс развития нефтегазовых секторов экономики Азербайджана. Дело в том, что за последние десятилетия со стороны государства вложены огромные финансовые ресурсы в развитие инфраструктуры во всех областях, в том числе в экономику и социальные сферы. Государство активно помогает развитию предпринимательства, выделяет льготные кредиты, безвозмездно отдаёт субсидии, компенсирует расходы на минеральные удобрения, сельскохозяйственную технику, то есть создаёт удобства и благоприятную среду для интенсификации процессов роста уровня предпринимательской деятельности и бизнес-среды в стране. Подобные мероприятия способствуют постепенному росту объёма и влияния нефтегазовых секторов экономики страны в структуре национальной экономики, тем самым создают реальную почву для минимизации зависимости экономики страны от нефтяных факторов. Пожалуй, эта задача и проблема являются самыми важными по диверсификации структуры национальной экономики, повышению её конкурентоспособности и укреплению в международном разделении труда, обеспечению экономической активности регионов страны и

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

использованию производственных сил, улучшению жизненного состояния населения страны. В случае реализации этих факторов и задач Азербайджан получит исторический шанс по укреплению своего места в среде конкурентоспособных стран мира и сможет модернизировать, и в то же время совершенствовать свои модели экономического развития в контексте глобальных изменений и глобальных угроз. В процессах развития отдельных секторов экономики страны, одной из важных проблем является привлечение иностранных инвестиций и крупного капитала в ту или иную отрасль с сопровождением применения передового опыта управления[4]. Государство должно заботиться не только о стимулировании иностранных инвестиций, но и должно обеспечить эффективные практические механизмы по их реализации и развитию отдельных секторов экономики страны адекватных её ресурсному потенциалу[5]. Азербайджан, после приобретения независимости, в первую очередь, особо воспользовался преимущественным фактором национальной экономики для выхода на мировые рынки и сразу взялся за интенсификацию развития главного сектора – добывающей отрасли нефти и газа. Начиная с середины 1990-х годов, был заложен фундамент для развития нефтяного сектора и должны отметить, что это оправдало себя. Уже, в начале XXI века, Азербайджан занимал не только лидирующую позицию среди государств региона, но одновременно выступал инициатором и финансовым источником реализации крупных энергетических проектов, которые способствовали активному выходу на мировые рынки и укреплению международного имиджа страны. Как было отмечено ранее, в связи с падением цен на нефть оказалось, что одной нефтью и газом обеспечить конкурентоспособность национальной экономики невозможно, и образовалась острая необходимость интенсификации развития ненефтяного сектора экономики Азербайджана. В числе механизмов и приоритетных направлений развития экономической модели в Азербайджане в современных условиях особое значение отводится развитию предпринимательства в ненефтяных секторах экономики страны. Аналогичный подход стал одним из приоритетных и стратегических направлений для развития экономики страны в нынешних условиях. Профессор Р.Гулиев отмечает, что помимо развития нефтяной промышленности в стране был принят курс на диверсификацию экономики – развитию ненефтяного сектора[6, с. 34]. Более того, этот курс является стратегическим и развитием ненефтяного сектора

в экономической политики Азербайджана, прежде всего, осуществляется в первую очередь за счёт интенсификации и расширения предпринимательской деятельности в стране. Профессор Ш.Садыгов подчёркивает, что за прошедшие 14 лет для развития предпринимательской деятельности в аграрном секторе экономики большое внимание уделялось строительству новых и наращиванию действующих объектов мелиорации и ирригации, так за этот период их бюджетное финансирование увеличилось в 8,7 раза... Вопрос ресурсной поддержки предпринимательства всегда оставался приоритетным направлением финансово-кредитной политики. Сейчас страна обладает современной, адекватной своей экономике, устойчивой бюджетной и гибкорегулируемой банковской системами. Это позволяет обеспечить макроэкономическую стабильность, задействовать потенциал стимулирования и финансирования предпринимательского сектора, активизировав, тем самым, его участие в развитии экономики страны[7, с. 97]. Кроме того, развитие ненефтяного сектора и одновременно активизация предпринимательской деятельности способствует совершенствованию и развитию эффективности модели экономического развития страны. Во многом это объясняется традиционной популярностью предпринимательства и склонности азербайджанцев. Предпринимательство не является новшеством и феноменом для суверенного Азербайджана. В принципе, азербайджанцы возвращаются в профессиональную сферу, исторически присущую менталитету и образу мышления нации. Азербайджан испокон веков – страна богатых предпринимательских и купеческих традиций, поэтому предпринимательство можно считать потенциалом нашего национального умения и способности. Сегодня же созданы необходимые правовая база для претворения в жизнь свободной предпринимательской деятельности. Так, принят ряд законов, создающих условия для формирования предпринимательства. В числе этих пакетов документов – законы «О предпринимательской деятельности», «Об акционерных обществах», «О земельной реформе», «Об антимонопольной деятельности», «О товарной бирже», «О ценных бумагах» и т.д[8]. Более того, для развития предпринимательской деятельности, особенно малого предпринимательства на два года отменены все виды внешних контрольных проверок со стороны государственных органов с целью уменьшения вмешательства в их деятельность. Неслучайно, сегодня Азербайджанская экономика вступает в новый

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

этап развития... Большая половина ВВП формируется нефтяным сектором, и в ближайшее время зависимость от нефти исчезнет совсем[9, с. 100].

Отметим, что развитие малого и среднего предпринимательства в Азербайджанской Республике особо сказывается на развитии регионов, на снижении бедности, повышении занятости и экономической активности населения страны. В последние пятнадцать лет обеспечение развития малого и среднего предпринимательства в Азербайджанской Республике являлось приоритетом осуществляемым со стороны государственной социально-экономической политики[10, с. 44]. Социальные аспекты предпринимательской деятельности приводят в конечном счёте к росту благосостояния народа и всестороннему развитию личности каждого

человека[11, с. 122]. Результаты деятельности рыночной экономики и работы малого предпринимательства в Азербайджана показывают, что развитие предпринимательства и её интенсификации государственной поддержки способствуют экономической активности и проявлению предпринимательской предприимчивости граждан страны, в целом усилению занятости и участия малых предпринимателей, физических лиц – частных предпринимателей, которые вносят немалые вклады в развитие экономики страны и расширение перечня продукции, которые способствуют росту общего национального продукта. В Таблице 1 отражены показатели деятельности структуры рыночной экономики в Азербайджанской Республике.

Таблица 1
Показатели деятельности структуры рыночной экономики в Азербайджанской Республике.

п/н	Показатели	2005	2010	2012	2013	2014	2015
1	Число функционирующих малых предприятий, единица	11982	14532	13658	14461	14981	17847
2	Число функционирующих иностранных и совместных предприятий, единица	796	1091	1083	1193	1270	1235
3	Списочное число работающих в малых предприятиях, человек	73447	93205	95503	108976	115035	87626
4	Списочное число работающих в иностранных и совместных предприятиях, человек	58413	55936	76651	84946	91753	93002
5	Объём выпускаемой продукции в малых предприятиях, млн. манат	657,5	1776,9	2404,4	3139,8	2547,2	959,0
6	Объём выпускаемой продукции в иностранных и совместных предприятиях, млн. манат	7081,4	24011,9	29439,5	30130,0	27590,1	23423,1

Примечание: Таблица 1 подготовлена автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>

Анализ Таблицы 1 показывает, что число функционирующих малых предприятий постоянно растёт и в 2015 году составило 17,8 тысяч единиц, в которых работают 87,6 тысяч человек, а в 1235 иностранных и совместных

предприятиях трудятся свыше 93 тысяч человек. Показатели субъектов малого предпринимательства в Азербайджанской Республике даны в Таблице 2.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.234
 ESJI (KZ) = 3.860
 SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260

Таблица 2

Показатели субъектов малого предпринимательства в Азербайджанской Республике.

	Показатели	2005	2010	2013	2014	2015
1	Число субъектов малых предпринимателей, всего: из них	177722	207120	16527 7	186898	18327 1
	физические лица – частные предприниматели: в том числе:	166558	192588	15081 6	171917	16542 4
2	сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	4000	3953	3997	3410	3193
	физические лица – частные предприниматели	2681	2618	2334	1624	1534
3	промышленность	3824	4616	6173	6418	4551
	физические лица – частные предприниматели	1824	2643	3369	4697	3310
4	строительство	1723	1534	1936	2335	2340
	физические лица – частные предприниматели	248	560	924	1007	895
5	торговля; ремонт транспортных средств	124268	133803	87446	91690	96731
	физические лица – частные предприниматели	120086	127501	81041	85338	89950
6	транспорт и складское хозяйство	18029	22148	27862	28178	28443
	физические лица – частные предприниматели	17792	21908	27576	27877	28131
7	размещение туристов и общественное питание	9166	13455	9406	12863	14162
	физические лица – частные предприниматели	8951	13127	9157	12511	13638

Примечание: Таблица 2 подготовлена автором на основе материалов Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. <http://www.azstat.gov.az>.

На основе Таблицы 2 можно отметить, что число субъектов малых предпринимателей тоже отличается динамичным ростом за 2005-2014 годы, хотя в 2015 году наблюдалось снижение, связанное с негативными последствиями падения цен на нефть на мировом рынке, которые пока имеет существенное влияние на экономические процессы в стране. Частные предприниматели больше всего сконцентрированы в торговле, транспорте, общественном питании и туристическом секторе.

Следует подчеркнуть, что в ближайшей перспективе рассматривается осуществление стратегических задач в развитии экономики страны в основном за счёт расширения нефтегазового сектора и активизации предпринимательской деятельности, чтобы преобразовать существующие экономические механизмы в контексте требований глобальных вызовов и негативных последствий мировых экономических процессов. Президент Азербайджана, Ильхам Алиев, в статье «Экономические приоритеты Азербайджана на 2017 год», размещённой на официальном сайте Давосского экономического форума отмечает, что: «Наряду с достигнутыми реальными

успехами, мы столкнулись и с вызовами. Процессы глобального экономического кризиса отразились и на экономике Азербайджана, сократились доходы, за минувший год национальная валюта подешевела в 10,1 процента... Я уверен, что в 2017 год станет годом развития экономики Азербайджана. Мы продолжим осуществление эффективных экономических реформ»[12]. А для реализации стратегических целей и задач определены важные направления развития экономики страны, в том числе «Стратегические дорожные карты относительно производству потребительских товаров на уровне малого и среднего предпринимательства в Азербайджанской Республике» в рамках стратегических дорожных карт, утверждённой Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 года[13].

Conclusion

Таким образом, в условиях роста глобальных угроз ожидается пристальное внимание руководства страны на развитие предпринимательства, особенно малого и среднего предпринимательства в разных секторах

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

экономики с повышением их эффективности, продуктивности, которые будут существенно влиять на интенсификацию расширения предпринимательской деятельности и в целом на

развитие ненефтяного сектора экономики Азербайджана в условиях реализации стратегических дорожных карт и т.д.

References:

1. Alfred Marshall (1891) Principles of Economics, 1890-1891.
2. Alfred Weber (1909) Über den Standort der Industrie. Bd. 1: Reine Theorie des Standorts. 1909.
3. Gerard T, Darragh F, Stephen M (2014) A Needs and Resources Assessment of Fiscal Equalisation in the Irish Local Government System// The Economic and Social Review, by Thomson Reuters, Web of Science Impact Factor (2014): 0,522. Vol. 46, No. 3, Autumn, 2015, p. 459-484.
4. (1196) World Conservation Strategy. Living Resource Conservation for Sustainable Development. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources. 1196 Gland, Switzerland.-76 p.
5. Sachs D Jeffre (2017) Economics of sustainable development. Available: [Http://www.inosmi.ru](http://www.inosmi.ru). (Accessed: 10.06.2017).
6. Guliyev R (2015) Modern economic models and Azerbaijan // EKONOMIKA, 6 (171), 2015.- p. 31-35.
7. Sadygov SM (2014) Priority development of the non-oil sector in the economic policy of Azerbaijan // Investitsii: Practice ta dosvid, No. 15 / 2014.-p. 94-99.
8. Mamedli I (2017) A successful model of an independent economy. Available: [Http://www.inosmi.ru](http://www.inosmi.ru). (Accessed: 10.06.2017).
9. Huseynov SR (2014) Non-profit sector as a competitive factor of Azerbaijan's economic development // Journal of Russian Entrepreneurship, No. 13 (259), 2014.- p. 93-101.
10. Hajiyeva ST (2016) The Current State and Prospects for the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Republic of Azerbaijan // Innovation: Practice and Information, No. 14 / 2016.-P. 44-48.
11. Babayev KM (2013) Social Aspects of Entrepreneurial Activity in the Conditions of Market Relations // Economics and Management, 2 (99), 2013.- p. 119-122.
12. (2017) The official website of the Davos Economic Forum featured an article by Ilham Aliyev entitled "Azerbaijan's Economic Priorities for 2017". Official website of the President of the Republic of Azerbaijan. Available: [Http://www.ru.president.az](http://www.ru.president.az). (Accessed: 10.06.2017).
13. (2016) Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the approval of strategic road maps for the national economy and the main sectors of the economy. December 06, 2016 Baku. Official website of the President of the Republic of Azerbaijan. Official web site Available: <http://www.ru.president.az>. (Accessed: 10.06.2017).

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Agil Kadir Kerimov
Doctoral student of the
Azerbaijan University,
Azerbaijan Republic
nauka-xxi@mail.ru

**SECTION 31. Economic research, finance,
innovation, risk management.**

THE ROLE OF RISK MANAGEMENT IN THE PROVISION OF THE SUSTAINABILITY OF THE COMMERCIAL BANK

Abstract: The role of risk management in ensuring the sustainability of a commercial bank is explored in the article. The main problems of managing banking risks, factors affecting the occurrence of risk management are analyzed. The effectiveness of methods and mechanisms for managing banking risks in the context of global challenges and financial instability is considered. The problems of improving the role of management risk in the stable operation of commercial banks are disclosed. The factors that have serious influence on the organization and conduct of the risk management policy of commercial banks have been studied and systematized. The classification of risks by different criteria including, for reasons of origin, for the time of occurrence, depending on the type of commercial bank, depending on the bank's customers, depending on the distribution of risk over time, depending on the nature of the manifestation and depending on the nature risk accounting is considered.

A number of recommendations to improve the role of management risk in ensuring the sustainability of a commercial bank in the current environment were compiled and given at the end of the article.

Key words: risk management, commercial banks, ensuring the stability of commercial banks, the effectiveness of risk management, improving risk management.

Language: Russian

Citation: Kerimov AK (2017) THE ROLE OF RISK MANAGEMENT IN THE PROVISION OF THE SUSTAINABILITY OF THE COMMERCIAL BANK. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 158-161.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-22> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.22>

РОЛЬ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Аннотация: В статье исследована роль риска менеджмента в обеспечении устойчивости коммерческого банка. Анализированы основные проблемы управления банковских рисков, факторы, влияющие на возникновение риск-менеджмента. Рассмотрена эффективность методов и механизмов управления банковскими рисками в условиях глобальных вызовов и финансовой неустойчивости. Раскрыты проблемы совершенствования роли риска менеджмента в стабильной деятельности коммерческих банков. Изучены и систематизированы факторы, оказывающие серьезные влияния на организацию и проведение политики управления рисками коммерческих банков. Рассмотрена классификация рисков по разным критериям, в том числе, по причинам возникновения, по времени возникновения, в зависимости от вида коммерческого банка, в зависимости от клиентов банка, в зависимости от распределения риска во времени, в зависимости от характера проявления и в зависимости от характера учёта риска.

В конце статьи обобщен и дан ряд рекомендаций по совершенствованию роли риска менеджмента в обеспечении устойчивости коммерческого банка в нынешних условиях.

Ключевые слова: риск-менеджмент, коммерческие банки, обеспечение устойчивости коммерческих банков, эффективность управления рисками, совершенствование риск-менеджмента.

Introduction

Отметим, что проблемы управления рисками сегодня представляют огромную важность для всех субъектов рыночной экономики и в особенности банков. Так, как в условиях

динамично меняющейся внешней и внутренней среды, усиления тенденций глобализации и влияния мировых кризисных явлений на национальную экономику, любая экономическая деятельность, особенно в финансовой сфере,

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

подвержена множеству рисков. Данные риски различны по месту и времени возникновения, внешними и внутренними факторами, генерирующими их, уровню, методами их выявления, измерения, анализа, управления и предотвращения. Риск несёт в себе факторы неопределённости. Эти факторы могут быть судьбоносными в хозяйственной деятельности любого экономического субъекта. Банки также подвержены множеству видов риска. Следует отметить, что ни один из этих рисков не может быть полностью преодолен. П.Воеводская отмечает, что банковский риск характеризуется такими свойствами, как неопределённость, альтернативность. Разделение единого процесса реализации риска на факторные и результативные компоненты имеет не только теоретическую ценность, так как, компоненты взаимосвязаны и любое изменение в поведении управляемого процесса контролирования уровня риска неизбежно приведет к изменению его результата[1, с.15]. В условиях рыночных отношений вопросы оценки и учёта банковских рисков приобретают особую актуальность. Эти проблемы также приобретают особое, самостоятельное теоретическое и прикладное значение, как важная составная часть теории и практики финансового и риск менеджмента. Принятие рисков других экономических субъектов является неотъемлемой частью деятельности коммерческих банков. Они могут вести успешную деятельность только в том случае, когда принимаемые ими на себя риски разумны, находятся в пределах их финансовых и ресурсных возможностей. В условиях развитой экономики возрастает сложность финансовой системы, при этом роль риск -менеджмента неуклонно повышается. Основная задача управления рисками состоит в выявлении и предотвращении возможных неблагоприятных событий, выявления источников и причин их возникновения[2]. Активы коммерческих банков должны быть достаточно ликвидными для покрытия любых видов оттока финансовых ресурсов, расходов и убытков, а также обеспечить хотя бы средний уровень прибыли для акционеров. Чтобы достичь данных целей коммерческие банки должны найти непростой баланс между способностью к рискованным операциям и стремлением к ним. Как отмечает З.Мамедов: «Сегодня фундаментальная проблема банковских рисков состоит в том, что корреляция между различными типами риска, как в рамках отдельного банка, так и в масштабах всей банковской системы, возросла и стала более сложной. Интернационализация и глобализация повысили вероятность «заражения»...»[3, с.180]. К вышесказанному хотим добавить и свое мнение относительно «заражения». Так,

ипотечный кризис в США 2008 году стал одним из основных причин глобального финансового кризиса. А недавние колебания цен на нефть на мировом рынке оказали огромное влияние на экономику многих стран и в особенности стран, экспортирующих нефтепродукты. Экономика Азербайджана тоже не осталась в стороне от этих процессов. Негативное влияние, прежде всего, ощутили на себе финансовая и банковская сфера. В деятельности коммерческих банков особенно возросли уровни кредитных и валютных рисков.

Materials and Methods

Для изучения особенностей и методов эффективного управления банковскими рисками в условиях финансовых кризисов и разработки мер по их минимизации в деятельности коммерческих банков следует выполнить нижеследующие задачи:

- провести глубокий анализ современного состояния методов управления рисками с целью определения принципов эффективного риск-менеджмента в коммерческих банках;
- определить современный уровень развития рынка банковских услуг Азербайджанской Республики, степень его доходности, ликвидности и устойчивости;
- изучить зарубежный опыт управления банковскими рисками и выявить возможности его применения в Азербайджане;
- проанализировать факторы, оказывающие влияние на формирование и развитие политики управления рисками кредитно-банковских организаций;
- разработать рекомендации по оценке уровня банковских рисков и его снижению.

Реализация этих задач позволит улучшить структуру балансов коммерческих банков, повысить качество управления банковскими ресурсами и степень устойчивости банков, обеспечить оптимизацию процесса управления банковскими рисками.

Как известно, все виды рисков взаимосвязаны и взаимосвязаны между собой и обычно они в совокупности влияют на деятельность коммерческих банков. Поэтому именно коммерческие банки несут наибольшие риски по сравнению с другими финансово-кредитными институтами. Это, прежде всего, обусловлено их посреднической функцией между экономическими субъектами. Именно реализация этой функции приводит к дополнительным рискам в банковской деятельности. В этом процессе, в отличие от финансовых корпораций, инвестиционных фондов и компаний, небанковских кредитных учреждений, универсальные коммерческие банки проводят намного более широкий спектр операций. Соответственно этим операциям также

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

сопутствует более широкий спектр рисков. М.Печалова подчёркивает, что современные коммерческие банки сталкиваются в процессе своей деятельности со многими видами рисков, однако не все риски поддаются банковскому контролю. В исследовании риска целесообразно разграничить два ключевых направления - распознавание и оценка уровня риска и принятие решений в области риска[4]. Следует отметить, что банки подвержены рискам по балансовым и не балансовым статьям. Это, прежде всего, связано с колебанием рыночных цен. По правилам ведения бухгалтерского учета такие риски, как правило, обнаруживаются при проведении банком операций на рынке. И здесь не имеет значение, связаны ли эти операции с долговыми инструментами или с собственными акциями банка; с валютными операциями или позициями и т.д.

Одним из важных элементов рыночного риска является валютный риск. В банковской деятельности уровни рыночных рисков очень возрастают в период острых колебаний на валютных рынках. На данный момент такая ситуация наблюдается в сфере деятельности азербайджанских банков. Причиной тому послужили резкое удорожание курса доллара США по отношению к национальной валюте страны. Начиная с февраля 2014-го года, реальный курс азербайджанского маната по отношению к доллару США снизился почти в 3,5 раза. Череды, финансово-банковских кризисов последних лет, включая глобальный экономический кризис 2008-2010 гг. свидетельствуют о том, что чрезмерный риск банковских активов всё чаще стал перерастать в системную нестабильность банковских и экономических систем, а частота, продолжительность и затраты на антикризисные мероприятия потребовали переосмысления теоретических и прикладных знаний в области риск-менеджмента на микро- и макро уровне[5, с.10]. Поэтому особое значение имеет оптимальное классификации совокупности банковских рисков. Анализ, систематизация и обобщение отечественный и зарубежной научной литературы по вопросам классификации рисков, возникающих в процессе деятельности коммерческих банков, показывает, что в настоящее время не существует единой классификации этих рисков. Сложность классификации рисков объясняется, прежде всего, многообразием рисков и возникновением их новых видов по мере развития рыночных отношений, с ростом их взаимосвязанности[6; 7]. Также не существуют научно обоснованные рекомендации по определению приемлемости конкретного уровня риска в конкретной ситуации. По нашему мнению, из всех

существующих классификаций банковских рисков наиболее конкретным является разделение их на виды по следующим критериям: по причинам возникновения: а) субъективные; б) объективные; по уровню возникновения: а) уровень отдельного работника; б) уровень управленческого звена; в) внешний уровень; по времени возникновения: а) ретроспективные; б) текущие; в) перспективные; в зависимости от степени риска: а) низкие; б) умеренные; в) высокие; в зависимости от вида коммерческого банка: а) риски инноваций; б) риски по вкладам и депозитным операциям; в) риски изменения стоимости активов и пассивов из-за изменения курсов валют и др. В зависимости от вида клиентов банка: а) корпоративный клиент; б) банк; в) частное лицо; в зависимости от метода расчета банка: а) масштабная оценка; б) вероятностная оценка; в зависимости от распределения риска во времени: а) постоянные; б) периодические; в) кратковременные; в зависимости от наличия возможности и средств управления банковскими рисками: а) управляемые; б) малоуправляемые; в) неуправляемые; в зависимости от характера проявления: а) риск неполучения прибыли; б) риск возникновения убытков; в зависимости от характера учета риска: а) риск балансовых операций; б) внебалансовый; в) риск по срочным сделкам и т.д.

В настоящее время вопросы развития и внедрения передовых методов управления рисками занимают важное место в деятельности коммерческих банков страны[8; 9]. Подтверждением этому служит детальная проработка нормативных документов банков, относительно вопросов управления рисками, кредитования, обеспечения текущей, краткосрочной и долгосрочной ликвидности. Но вместе с тем пока рано говорить о том, что методология оценки рисков и управления ими в коммерческих банках нашей страны находится на должном уровне. Как нормативная база, так и процедуры управления рисками часто не эффективны в реальных условиях и это создает препятствия на пути создания действенного механизма управления банка в целом.

В настоящее время перед коммерческими банками Азербайджана остро стоит проблема обеспечения ликвидности. В банковской сфере катастрофически не хватает длинных денег. Следует отметить, что вопросы обеспечения ликвидности банка очень тесно взаимосвязаны с управлением кредитного и валютного риска. Банки по сравнению с другими экономическими субъектами напрямую связаны с рисками, которые принимают на себя или несут их клиенты. Это проблема более остро проявляется в данное время в нашей стране, что

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

еще раз доказывает существование тесной взаимосвязи между риском ликвидности банка и кредитным, валютным риском. Поэтому, своевременное выявление и предотвращение, постоянный мониторинг и контроль рисков в банковской деятельности имеет большое значение. На сегодня в банковской системе нашей страны актуальны проблемы банковского надзора за рисками коммерческих банков. Как отмечает С.Мамедов: «В каждой стране существуют свои специфические особенности проведения банковского контроля, и все они служат защите банков от банкротства, обеспечению их стабильного рабочего процесса, предотвращению аккумуляции капитала и рисков в некоторых кредитных организациях...» [10, с.72].

Conclusion

Таким образом, понятие «банковский риск» появилось в деятельности азербайджанских банковской системы в начале 90-х гг. прошлого века в связи с переходом на развитие рыночных отношений в стране. Однако, даже сейчас во

многих учебниках по «Банковскому делу» отсутствуют вопросы управления банковскими рисками, несмотря на крайнюю важность этой проблемы. Но также следует отметить, что многие западные методы управления рисками, рассчитанные на управление классическими параметрами ведения деятельности хозяйствующих субъектов не эффективны в условиях нашей страны. Здесь также остро стоит проблема отсутствия подготовленных кадров и общий очень низкий уровень применения и культуры риск-менеджмента в кредитных организациях. Конечно, нельзя сказать, что понятие управления рисками чуждо управленческой деятельности наших коммерческих банков. Есть системы мониторинга и оценки рисков и методики Центрального Банка Азербайджана по оценке рисков в банковской деятельности. Но они не приведены к единому знаменателю, который служить базой создания технологии управления рисками и т.д.

References:

1. Voyevodskaya PO (2014) Regulirovaniye bankovskikh riskov v usloviyakh nestabil'nosti Rossiyskoy ekonomiki. Diss. kand. ekon. nauk. Moskva, 2014.- 159 p.
2. Smirnov AV (2007) Rol' risk – menedzhmenta v obespechenii finansovoy ustoychivosti bankovskikh uchrezhdeniy, 2007. Available: <http://fin-lib.com>. (Accessed: 10.06.2017).
3. Mamedov ZF (2008) «Den'gi, kredit, banki». Izdatel'stvo «Nurlar». Baku.
4. Pechalova MY (2001) Organizatsiya risk – menedzhmenta v kommercheskom banke// Zhurnal «Menedzhment v Rossii za rubezhom», №, 2001. Available: <http://www.mevriz.ru> (Accessed: 10.06.2017).
5. (2016) Risk – menedzhmenta v kommercheskom banke: monografiya/ kollektiv avtorov; pod red. I.V.Larionovoy.- M.: KNORUS, 2016.- 456 p.
6. (2017) Sistema upravleniya riskami v kommercheskom banke. Available: <http://www.nctbpu.org.ua>. (Accessed: 10.06.2017).
7. Khvedelidze MZ (2010) Razvitiye strategii otsenki i upravleniya riskami kommercheskogo banka // Vestnik KazNPU, Almaty.
8. Demchuk IN (2008) Kreditnyy risk-menedzhment i nadezhnost' kommercheskogo banka // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. № 313, 2008.- p.160-165.
9. Aliyev BK, Sultanov GS, Salmanov SI (2015) Upravleniye riskami kak element sistemy vnutrennego kontrolya banka // Zhurnal Fundamental'nyye issledovaniya. – 2015. – № 2 (chast' 15) – p. 3341-3345.
10. Mamedov S (2005) “Bankovskoye delo”. Baku.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Tim Rasimovich Ross
Doctoral student of the
Azerbaijan University,
Azerbaijan Republic
nauka-xxi@mail.ru

SECTION 19. Management. Marketing. Public
administration.

THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF WORLD EXPERIENCE INSTITUTIONAL REFORMS

Abstract: The methodological analysis of the world experience of institutional reforms is studied in the article. Various aspects of institutional changes and elements of reforms, the diversity of methods adopted are analyzed. Theoretical approaches and criteria for conducting institutional reforms with consideration of practical approaches were studied. Some forms of approaches to the processes of transformation and implementation of institutional reforms are justified. The features of the Chinese approach on the formation of methods and mechanisms for institutional reforms are revealed. Historical and practical aspects and mechanisms for institutional reforms, including post-socialist and post-soviet countries, are considered. Different opinions and thoughts of Western scholars and other foreign researchers on the issues of deepening institutional reforms is studied. The adaptability of different approaches to the organization and implementation of institutional reforms and the transformation of the country's economy is analyzed.

A number of recommendations on methodological analyzes of the world experience of institutional reforms in the current conditions were summarized and given at the end of the article.

Key words: methodological analysis, institutional reforms, world experience, theoretical approaches to institutional reforms, institutional changes, institutional environment, the effectiveness of institutional reforms.

Language: Russian

Citation: Ross TR (2017) THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF WORLD EXPERIENCE INSTITUTIONAL REFORMS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 162-166.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-23> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.23>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Аннотация: В статье исследован методологический анализ мирового опыта институциональных реформ. Анализируются разные аспекты институциональных изменений и элементы реформ, разнообразие принимаемых методов. Изучены теоретические подходы и критерии по проведению институциональных реформ с рассмотрением практических подходов. Обоснованы те или иные формы подходов к процессам трансформации и реализации институциональных реформ. Раскрыты особенности китайского подхода по формированию методов и механизмов для проведения институциональных реформ. Рассмотрены исторические и практические аспекты и механизмы по проведению институциональных реформ, в том числе в постсоциалистических и постсоветских странах. Изучены разные мнения и мысли западных учёных и прочих иностранных исследователей по вопросам углубления институциональных реформ. Анализируется адаптивность разных подходов по организации и проведению институциональных реформ и трансформации экономики страны.

В конце статьи обобщен и дан ряд рекомендаций по методологическим анализам мирового опыта институциональных реформ в нынешних условиях.

Ключевые слова: методологический анализ, институциональные реформы, мировой опыт, теоретические подходы по институциональным реформам, институциональные изменения, институциональная среда, эффективность институциональных реформ.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Introduction

Политические, экономические и социальные преобразования, вызванные трансформационными процессами в бывших социалистических странах, затронули почти все сферы мировой хозяйственной системы и заняли особое место в историческом развитии общественно-экономических отношений. Выводы исследователей об институциональных реформах переходных стран весьма противоречивы и дискуссионны. Институциональные изменения – это сложный процесс, начало которого может быть следствием изменений неофициальных ограничений, характера и эффективности выполнения правил[1]. Многоуровневый и углубленный анализ результатов институциональных преобразований показывает, что существует необходимость дальнейшей разработки методологии исследования трансформационного процесса, особенно таких важных его аспектов, как определения характеристик исходной точки трансформации, влияние национальных и международных факторов на проводимые реформы, разработка критериев, определяющих завершенность переходного периода и т.д.

Materials and Methods

Теоретические подходы к процессу трансформации и критериям ее завершенности можно разделить на следующие основные группы:

- разработанная российскими учеными методология многоуровневого анализа рыночных трансформаций[2];

- телеологический подход, который рассматривает процесс создание новой экономической системы как ускоренный переход общества и экономики от одного состояния к другому, при этом новое состояние общества и экономики должно соответствовать стандартам определенной идеальной модели;

- реализованный западными странами за весь исторический период формирования рыночной экономики - абсолютизированный эволюционизм;

- генетический подход, который представлен многочисленными научными концепциями. Таким как, «концепция постепенной, поэтапной социальной инженерии»[3];

- подход, базирующийся на учёте тенденций развития при формировании целей и в процессе разработки плановых заданий и т.д.;

- подход, основанный на заимствовании институтов развитых западных стран с целью обеспечения догоняющей модернизации.

Из указанных подходов только генетический подход был применен в Китае. Однако, Китай, осуществляя институциональные реформы, не

стал кого-то копировать, создал полностью самостоятельную теорию и концепцию реформ. Китай устоял от упорных попыток со стороны Международного Валютного Фонда и Мирового Банка навязать ему неолиберальную модель реформ, и умело используют глобализацию и регионализацию своей экономики в качестве определённого источника своей научно-технической модернизации[4]. Подход, основанный на заимствовании институтов развитых западных стран с целью обеспечения догоняющей модернизации, широко применялся в процессе трансформаций социально-экономической систем бывших социалистических стран. В частности, он практически в чистом виде был осуществлен странами Центрально-Восточной Европы в процессе подготовки вступления в Европейский Союз. Также этот подход был применен с очень неоднозначными результатами во многих странах (часто с непродуманными элементами «шоковой терапии»), некогда входящих в состав СССР (в том числе в Азербайджане). Профессор Г.Быстров отмечает, что институциональные реформы требуют соблюдения множественных условий по глубокому реформированию отдельных секторов экономики страны с учётом интенсификации в мировую экономику. Высококачественная институциональная среда обеспечивает стабильные условия для деятельности производителей и инвесторов, предотвращает погоню за рентой и экономит ресурсы[5, с.76]. Нельзя не согласиться с мнением самих же западных ученых о том, что западный путь развития сам по себе уникален, и он никогда не будет универсальным общечеловеческим путем развития[6]. Подтверждением этому могут служить результаты применения подхода, базирующегося на заимствовании западных институтов в ходе трансформации в ряде стран, которые часто были очень плачевными. Например, попытки быстрого преодоления отсталости стран “третьего мира” на основе кейнсианских теорий; результаты развития многих латиноамериканских стран, применявших подход, который базировался на неоклассических теориях перехода на рыночные отношения нерыночного сектора экономики; опыт трансформации в странах Центрально-Восточной Европы.

Политика реформ, направленная на догоняющее развитие стран Центрально-Восточной Европы создаёт предпосылки для развития этих стран по трём строго регламентированным направлениям: институциональная адаптация; экономическая интеграция и финансовая помощь от Европейского Союза. Направления институциональной адаптации и экономической

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

интеграции определили контуры модели экономического развития стран Центрально-Восточной Европы. Эти страны перешли от административно-командной системы к рыночной экономике на основе заимствования рыночных институтов развитых стран Европейского Союза. Достижение цели вступления страны в Европейский Союз любой ценой стала основным внешним фактором, определившим характер институциональных реформ, строго регулируемых руководящими органами Европейского Сообщества. В ряде исследований приводятся факты о том, что совершенствование институтов может иметь мультипликативный эффект. Так, например, политическая стабильность, низкий уровень коррупции в стране; умелое государственное управление, власть и главенства закона; создание условий для эффективных механизмов самоуправления и т.д. в контексте экономического роста и повышения благосостояния граждан приносят позитивные долгосрочные результаты. Следует отметить, что измерить совокупный экономический эффект институциональных преобразований почти невозможно. Законодательная база Европейского Союза, да и многих западных стран также не идеальны и постоянно трансформируются с учетом происходящих изменений в жизни общества. Они не состоят из оптимальных регулирующих институтов пригодных для переходных стран, которые отстают по уровню развития от европейских и западных стран и слепое копирование их правовой базы часто оборачиваются для них проблемами в экономической и социальной сфере. Конечно, правовые нормы ЕС адаптируются в бывших социалистических странах. Но, несмотря на это в Европейском Союзе до сих пор не удалось создать единое правовое пространство, что подтверждается результатами анализа развития институциональной среды этих стран. По определенным показателям ежегодно проводимого Всемирным Банком исследования, характеризующих разницу между практикой регулирования предпринимательской сферы в конкретной стране и передовым рубежом развитых стран, отрыв бывших социалистических стран от рубежа стран ЕС составляет 31-21 баллов. Показатель защиты прав инвесторов и собственности, в некоторых странах составляет 50 баллов. Существует высокая дифференциация по налогообложению, обеспечения выполнения условий контрактов, платежей. Влияние ЕС на неформальные институты бывших социалистических стран также существенно. По уровню индекса восприятия коррупции новые и старые члены ЕС существенно отстают друг от друга. Наиболее подверженными коррупции в

Европейском Союзе оказываются такие страны как Греция, Италия, Болгария и Румыния. Как видно и старые и новые члены ЕС подвержены коррупции. Хотя проведение институциональных реформ в переходных странах Европы было детально продумано, результаты институциональных преобразований оказались во многом не эффективными.

Отметим, что формирование основного рыночного института-собственности и ее различных форм в этих странах путем заимствования рыночных институтов развитых стран не привело к развитию производственного потенциала. Большинство предприятий-экспортёров являются сборочными. Но главным стимулом для инвесторов участвующих в приватизации стало предоставления им права неограниченного участия в этом процессе. Зарубежные инвесторы скупили в странах Центрально-Восточной Европы большинство крупных и средних предприятий, телекоммуникационные системы, крупные торговые объекты и почти все банки. Почти треть вложенных в этот регион инвестиций, были связаны с приватизационными актами. Предприятия с контрольным пакетом акций, принадлежащих иностранным инвесторам, обеспечивают в странах Центрально-Восточной Европы почти 20 % занятости. На их долю приходится более 30 % валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. Эти инвестиции выступали движущей силой экономического роста и внесли весомый вклад в накопление основного капитала. Что привело к повышению эффективности производственных факторов на предприятиях прямого инвестирования за счёт переноса современных технологий и оборудования. Без широкомасштабного притока инвестиционных средств начиная с 2000 г. и вплоть до мирового финансового кризиса рост ВВП Центрально-Восточной Европы были бы в 3-4 раза ниже. Иностранные инвестиции в виде доходов от приватизации государственной собственности и рентных платежей в начале рыночных реформ обеспечивали крупномасштабные поступления в государственный бюджет. Именно иностранные инвесторы создавали новые рабочие места, особенно в случае приобретения предприятий в процессе приватизации. Хотя, на практике, часто происходит обратное: сокращение работников новыми учредителями. Но прямые иностранные инвестиции в странах Центрально-Восточной Европы имели не только положительный эффект. Они увеличили уровень долгосрочного риска неустойчивости развития. Крупные зарубежные компании, являющимися лидерами на мировом рынке вытесняли внутренних производителей из многих отраслей экономики. В результате

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

экономический рост стал зависимым от деятельности лидирующих на рынке дочерних предприятий крупных ТНК. ТНК фактически вынудили страны Центрально-Восточной Европы перейти на узкую производственную специализацию. Иностранные банки, действующие в этих странах, широко расширили финансовый сектор за счет проведения кредитной экспансии, используя при этом краткосрочные средства материнских структур ТНК. Это привело к сильной зависимости платёжного баланса стран от деятельности иностранных инвесторов по использованию прибыли. Приток иностранных инвестиций в секторе услуг по сравнению с внутренним предложением больше стимулировал внутренний спрос. Это привело к росту объема импорта. Этому также способствовало деятельность производственных предприятий с участием иностранного капитала. По сравнению с отечественными производителями эти предприятия используют импортные материалы, оборудование и комплектующие изделия больше. Как было отмечено в теории интернационализации: - «ТНК, обладают финансовыми технологиями, которые позволяют сократить платежи в госбюджеты принимающих стран»[7]. Влияние этого фактора привело к тому, что параллельно с низкими налоговыми ставками, государственные бюджеты многих стран Центрально Восточной Европы даже при условии наличия высоких темпов экономического роста не получали доходы, которые позволяли бы снизить уровень

хронических дефицитов бюджета. Также приток иностранных инвестиций привел к острым структурным проблемам на рынке труда. Предприятия с участием иностранного капитала сформировывали персонал из высоко и среднеквалифицированных работников[8]. В результате, в отечественных предприятиях возникал дефицит квалифицированной рабочей силы. Из-за сворачивания многих трудоёмких производств, в большинстве странах Центрально Восточной Европы проблема увеличения уровня безработицы среди неквалифицированных работников сильно обострилась[9; 10].

Conclusion

Таким образом, анализируя роль иностранных инвестиций в процессе технологической модернизации промышленности стран Центрально Восточной Европы можно отметить, что существенное превосходство в технологиях наблюдается, в тех предприятиях, которые ТНК основали сами. А в предприятиях, приобретённых в ходе приватизации и совместных предприятиях, перевод и внедрение технологий происходил очень медленно, затягивался годами или же вовсе отсутствовал. Преимущества и риски “интеграционной” модели экономического развития имели неоднозначные результаты в после и докризисные периоды. Поэтому при применении зарубежного опыта следует разработать эффективные механизмы их внедрения в национальную экономику Азербайджана и т.д.

References:

1. Lazarenko OA (2005) *Institutsional'nyye faktory ekonomicheskogo razvitiya tranzitivnoy ekonomiki*. Diss. kand. ekon. nauk. Orel, 2005.-163 p.
2. Glinkina SP, Kulikova NV (2013) «Metodologiya mnogourovnevnogo analiza postkommunisticheskikh transformatsiy». – M.: IE RAN.
3. Samuyel P Khangtington (2006) «Stolknoveniye tsivilizatsiy», perevod: T.Velimeyev, Moscow.
4. Syaomin Chzhan (2004) *Institutsional'naya reforma kak vazhneyshiy faktor razvitiya narodnogo khozyaystva: na primere Kitaya*. Diss. kand. ekon. nauk. Moskva. 2004.-160 p.
5. Bystrov GM (2012) *Analiz mezhdunarodnogo opyata institutsional'nykh preobrazovaniy sfery uslug v kontekste vstupleniya Rossii v VTO*. Diss. kand. ekon. nauk//Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava, №3, 2012. -p. 73-77.
6. Popper K (1992) «Otkrytoye obshchestvo i yego vragi», (v 2 tomakh), perevod V.N. Sadovskogo. – M.: Feniks.
7. Buckley PI, Casson MC (1976) “The Future of the Multinational Enterprise”; London: Macmillan.
8. Kondrat'yev ND (2015) “Strany Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy: yevrointegratsiya i ekonomicheskyy rost”; Nauchnyy doklad, predstavlenyy na uchonom sovete IE RAN 17.02.2015, M.: IE RAN.
9. Kalugina MV (2013) *Institutsional'nyye preobrazovaniya, opredelyayushchiye razvitiye*

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

- innovatsionnogo kompleksa regiona // Voprosy regulirovaniya ekonomiki, tom 4, №3.
10. Perfil'yev SV, Gorbova OY, Kuznetsova OI, Protasova NV, Beyev AP (2014)

Institutsional'nyye reformy i grazhdanskoye obshchestvo: monografiya / pod obshch. red. S.V. Perfil'yeva. Ryazan': RGRU, 2014.-88 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Teyub Arik Guliyev

Baku Slavic University (BSU)

Associate professor of the chair of Turkology,

Philosophy doctor on philology

turkologiya@mail.ru

SECTION 29. Literature. Folklore. Translation Studies.

AZERBAIJANI LANGUAGE AND NOSTRATIC THEORY

Abstract: The article is devoted to the genetic relationship between the Azerbaijani language and languages of the world. It is shown that the Azerbaijani language along with other Turkic languages included in the group of East Nostratic languages. Thus, as a member of the Altaic language family, the Azerbaijani language belongs to the Eastern Nostratic languages and has a genetic relationship with Uralskiy and Dravidian language families. In this regard, the evolutionary history of development of the Azerbaijani language has commonality with the East Nostratic languages. The genetic relationship between Azerbaijan and Nostratic languages in the light of comparison of particles is explained in the article.

Key words: Azerbaijani language, genetic relationship, particle comparisons, Altaic language family.

Language: English

Citation: Guliyev TA (2017) AZERBAIJANI LANGUAGE AND NOSTRATIC THEORY. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 167-172.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-24> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.24>

Introduction

The matter of formation of languages from one ancient root is not a new problem for linguistics. But although studies conducted in this area in different countries (especially Russia, the US, Israel, Germany, and others), enough information collected about the typology of the vast majority of the world's languages, its vocabulary composition, habitat, the relationship with other languages, yet it was impossible to say the final word on the solution of the issue. In generalized form a few reasons of its can be shown: 1) the only linguistic method, which study the language affinity- comparative-historical method cannot not fully justify in comparing of different typology languages. Therefore, there is a sharp need in the re-development of the method in this direction, definition of the oldest and large-scale and at the same time application ways of the rich language facts. We think that credible results can be achieved in this area when a comparative-historical method to be applied properly. Rather, the application of the comparison on language coordinates both horizontally and vertically to be conducted in compliance with the law. To determine the affinity of languages, in principle, does not so depend on the reasons and time of the division of languages.

Materials and Methods

One of the most difficult problems facing comparing in monogenesis issue is that in far relationship issues (it is natural, because the more ancient compliances gradually decrease) the discovery of very few compliances casts doubt on this relationship; 2) the diversity of languages in their spreading habitat even had created sharp differences in relative languages; 3) although the study of general trends in the evolution of languages (means universals) becomes urgent but the number of researches in this field cannot be accepted as sufficient; 4) like in other areas of science (especially in social and humanities), as well as the European centrism dominating in linguistics has been a clear hassle in conduction of this type of researches and it is obvious even now; 5) in addition to this type of studies, the advantage of the achievements of linguistics, history, ethnography, genetics, archeology, anthropology, geography and so on sciences are needed to use, but these kind of scientific integration are not yet at the required level. It is clear any historical achievement of any science gave an impetus to the development of other sciences, the formation of adjacent areas and directions.

There are elementary knowledge about the monogenesis of the language in both mythological sources in pre-science period (for example, on the legends on Babylon Tower, Oedipus riddles of the

Impact Factor:

ISRA (India)	= 1.344	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PPIII (Russia)	= 0.234	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 3.860	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 2.031		

ancient Greeks, in the ancient Sumerians etc.), as well as in religious sources. Even in XVII century in connection with Biblical traditions there was an idea in Europe that the ancient Jewish language is older and other world's languages were derived from this language. Later as the reading of the texts in ancient languages became possible, this theory had lost its scientific importance.

A new era of the monogenesis theory started with in early XX century by Italian linguist A. Trombetti. Namely A. Trombetti for the first time not only sufficed with combining of certain families, but even proposed to compare the lexics of these languages. According to him, such comparison may provide a lot of material in favor of monogenesis theory. But A. Trombetti could not group macro family of languages according to this theory.

A new option that proposes consideration of application of comparative and historical method, which slightly got closer to theory of A. Trombetti and which had caused difficulty for each family of language and in general, for language macrofamily, put forward by the American linguist M. Svodesh in the 50-es of the XX century. Matching the languages of old and the new world Svodesh had put forward an idea of existing of big macro families of languages and relations between them. M. Svodesh, who founded the glottochronology method, also emphasized the difficulty of justification of monogenesis theory scientifically. He compared the language families and estimated that they were separated from proto language 10 thousand years ago. According to the researchers, despite the passage of such a long time, it is possible to compare these languages. [12, pp.308-309].

Let's tell beforehand that the studies in the field of monogenesis of languages () is of great importance in study of history of separate languages (of course, it includes languages from so called

macro-language family as the "nostratic" (V.M. Illich-Svitich), "boreal" (S. Starostin) or "Indo-Pacific Languages" (J. Gronberg) etc.).

Because all theories about monogenesis of the language predicts the study of period of proto language (about 8-10 thousand years ago) the division after it (formation of first dialects and beginning of historical migration of languages)

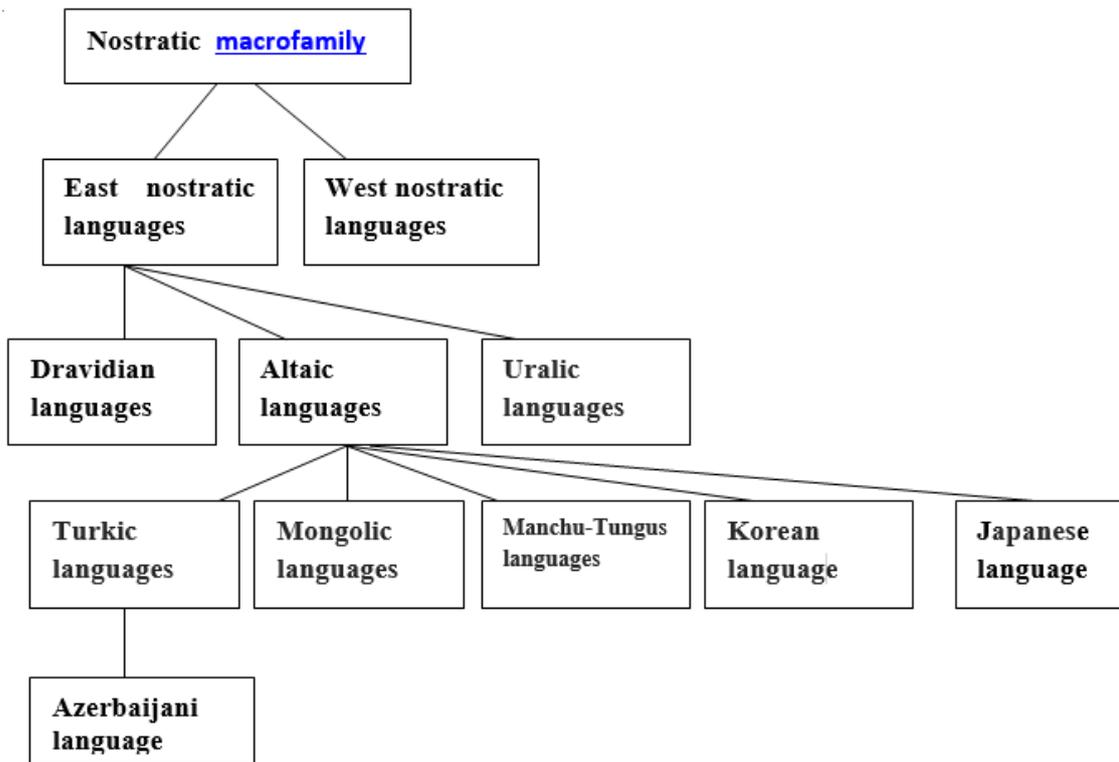
With this simple logic the comparison of any language, though hypothetical, with the restored protolanguage at different language levels opens wide horizons before history of this language, provides valuable information about its proto language period, differentiation from the proto language, formation and others. We are also acting on this principle, will try to clarify in our work the place of Azerbaijani language in nostratic language family, the relation to proto language based on our initial observations. By the way, let's note that we are determined to further expand research in this area.

According to nostratic division the world languages are mainly divided into two main groups: 1) east nostratic languages (Dravid, Ural and Altai languages); 2) western nostratic languages (Eurasia or Semitic-Hemitic, Indo-European, Kartvel languages). According to researchers, this division is carried out for the moment of using of vowels at the beginning of the word. Thus, the eastern nostratic languages are languages which keep the vowels sounds at beginning of word root stable. Western nostratic languages are languages in which root of word (especially at the beginning of root of the word) the ablaut was developed [19, p. 338].

Azerbaijani language together with other Turkic languages includes in the eastern nostratic group of languages. Schematically, this link can be shown as follows:

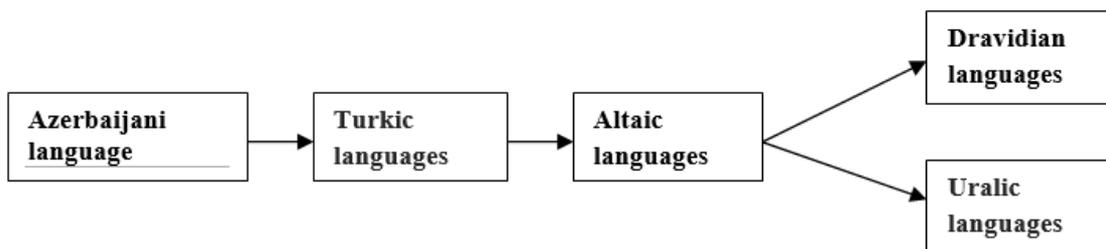
Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

So, as a member of the Altai language family, Azerbaijani language has closer genetic relationship with Dravidic languages (Tamil, Telugu, Malayalam, Kannada, Brahui languages) which belong to the East nostratic languages and Ural (Finnish, and Samodi and Ugric language group) language families. In other words, the evolutionary way passed by the Azerbaijani language makes common with the history of the development of the eastern nostratic

languages and the compliance among them in this regard must be more compared to western nostratic languages (Euroasia, Kartvel and Indo-European languages). Another result: in Azerbaijani language (or in protoAzerbaijani language) for the restoration of pra-forms and checking of compliance of obtained results with proto language, first of all, the raw of large-scale comparison should be carried out in this direction.

Belonging of almost all of eastern nostratic languages to type of agglutinative language assures us a bit that we came to the right conclusion. Just after the end of the comparison in this area the final result should be compared with western nostratic languages and to be matched with proto-language. However, the conclusion achieved as a result of our

observations is that in Azerbaijani language a lot of compliances may be found with the western nostratic languages. It will be clear from the below given comparison.

Now, however, in particular let's compare the materials (particle) of two languages. We notice beforehand that the implementation of comparison at

grammatical level is not accidental. Because, we also agree with the provision that the comparison of the grammatical forms is most reliable and unavoidable fact for kinship.

1. Protostratic: *ma–negation particle

Research shows that particles is structure with grammatical function belonging to very ancient layer of language. According to T.M.Nikolayevthe richness of particles distinguishesthe archaic structure of languages [16, p. 580]. Almost in world languages a large part of particles was formed from independent words and became stabilize. This trend is clearly felt in the Turkish languages. Thus, an important part of particles when connected with words with independent lexical meaning as suffixes are subjected to assimilation under the effect of the law of harmony and thus lost its phonetic independence. [15, p. 504]. Prof. G.Kazimov is about the same opinion about particles of Azerbaijani language: "Some of the important part of particles in Azerbaijani language formed in our language historically just like particles and stabilized as particle. Despite they were formed from main parts of speech, but had lost its connection with the origin and to define from which part of speech it was isolated requires a special study." [6, p.413].

It should be noted beforehand that we call the negation particle the *mä part for nostratic languages according to generally accepted terminology. It is known that -ma \\ -mә in modern grammar books of Azerbaijani language is given as negation suffix. However, in other Turkic languages -ma\\-mә referred to the group of negation particles. But challenging it prof. F.Zeynalov rightly says that "...-ma, mә suffixes cannot be considered as particles. So, first of all, they belong to the category of negation suffixes. In Turkic languages, none of particles has such change of word content as suffix -ma, -me. The words with -ma, -me suffixes in structure are new forms that distinguished from previous words. If we consider -ma, -me suffixes that deny the action in these types of words as particle, then we have to consider -sız, -siz, -suz, -süz suffix inherent to adjective as particles, too" [11, p. 210].

-ma\\-mә negation particle had been used in Azerbaijani language since ancient times. Prof H.Mirzazade notes the wide use in historical grammar -man\\-mәn (-mam\\-mәm), -maz\\-mәz, -mar\\-mәr forms while talking about -man\\-mәn suffixes wrote that "According to actual materials of our language, we do not doubt on the fact that this prefix is original and ancient for Azerbaijani language" [7, p. 158].

-ma\\-mә negationsuffixes manifest itself with richer form of diversity in Azerbaijani dialects -ma\\-mә\\-m; -ḥa\\-ḥә\\-ḥ. In addition, the following versions of this prefix were noted: mo\\-mō (Kazakh dialect, Ayrim accent, sometimes Guba, Shamakhi,

Baku and dialects), -mm (Guba, Baku, Shamakhi dialects, Ismayilli, Maraza, Mugan accents), -mma\\mmә (dialect of Sheki, Zagatala-Gakh accent; Karabakh, Gazakh, Ganja, Nakhchivan, Ordubad, Tabriz and Yerevan dialects and accents), -ēlmә\\-ēlmә\\-ilmә (Shusha, Gulabli, Abdal, Novkhany, Guzdak, Ulajali, Kovlar, Akhtaj accents). [8, p. 188-189].

-ma\\-mә negation particle was stabilized and spread in other Turkic languages, too:

Prototurk. * -ma: Ancient Turkic. -ma; Qaraxan. -ma; T.Turk. -ma; Azer. -ma(-mә-); Turkmen. - ma; Gag. -ma; Salar. mi; Khalkh-ma; Mid Turkic- ma; Uzb. -ma; Uygur- ma; Karaim. -ma; Tatar. -ma; Bashk. -ma; Kyrg.-ma- (-ba-\\-be-\\-bo-\\-bö-\\-pa ~ -ba); Kazakh. ~ ma, -pa ~ -ba; Karachai-Balk. -ma; Karakalp. -ma; Kumyk. - ma; Nogai- ma; Yellow uyg.-ma; Khakass. -ma, me (-ba-\\-be- vә -pa-\\-pe-); Short.- ma; Oyrot. -ma; Tuva. ma(-ba-, -be-\\-pa ~ -ba ~ -va (-βa)); Tofalar. - ma; Chuv. -ma(-me-\\-m-); Yak-ma-, -pa ~ -ba, -ama ~ -ima [4, p. 893; 3, p. 1407; 17, p. 97].

Observations show that -ma\\-mә -negation particle are used widely not only in Turkic languages but tin general in Altay language family:

Protomongol.*bū: Central mongbū., mong-written buu, dagurbū., xalxa mongbū., buryat. bi, mogol. bi. [13, p. 57].

Prototungus. *-me: Manchuria. ume; Manchurian spoken language. eme"no"; Cjurcjenume; Nanay. em; Oroc. em.

Proto-Japanese. *ma dubitative (epistemic impossibility or doubt expressing form of verb) . suffix: ancient Japanese -ma; Mid Japanese. -ma; Tokyo-ma-i. .

Proto Korean.. *mō-t- adverb with negation content; bad, evil (adverb); Mid. Korea. mōt, mōtir; modern Korea. mōt [mōs], mōžil-. mozil. [4, p. 893].

Now let's us look at *ma-negation particle in world language macro family:

Semithic-hemitic language family: * m (j): Arabic. ma –negation particle "no", Harari. meʔ, ancient Egyptian. m, Coptic. me, Barber group: Silha. amia "no objection", ayer. ma, rendil. ma-; Kushit group. hamir -m, saho. afar mā-. Somalia. mā-, iraku. m-, elmolo.ma - \\ - m and so on. [13, p. 56; 5, p. 955; 3, p. 1407].

Kartvel language family: *ma-, mā\\mō: Chan. mo (t), Svan. mā, mō, mād(e), mōd (e), mām(a), māma., Laskhuri (dialect). mā ~ mo, Upper Bal (dialect). mād, laz.mo (t). [13, p. 56; 5, p. 955; 3, p. 1407].

Indo-European language family: *mē: ancient Indian., Avesta. mā, Sanskrit. mā. The ancient Persian. mā. khtan sac., ossetian. ma, armen. mi, greek. μῆ\\μᾶ, alban. mos, tokhar A\\B mā [13, p. 57; 5, p. 955; 3, p. 1407].

2. Protonostratic**da* (d'e`Ha) strengthening and conjunctive particles

\da\da act in Azerbaijani language both as particle and conjunction. *da\da* morpheme is used in Turkic languages, almost in all of them with very small phonetic difference and about in the same content:

Prototurk:**tā* **tā* :in the ancient Turkic *da* /*dā* / *ta* / *tā*, in Turkey's Turkish. *da* /*de*(+*do*-*dö*)/*ta* /*te*., in Turkmen.-*dā* /-*dē*, in Kazakh.*da* / *de*, kumyk., nogay *da* / *de* / *ta* / *te*, Volga Tatars.*da* /*dā* /*ta*, Bashkir. *da\ dā\ dā\ ta\ tā* "also, always, and uzb. *da*, Altay. *da* / *de* / *t* / *te*, Khakasia., Tuva. *daa* - *dā*, and Uighur *da*"and" [3, p. 540-541; 18, p. 109].

In Turkish languages, along with the *da\da* morpheme *dāxi\|dahi* particles approximately having the same grammatical functionality have also been observed [11, p. 192]. Professor H. Mirzazade noted that *dāxi* particle used in sentence to form the emotional meaning refinement, any strength being used after any word had been used historically in Azerbaijani language in more advantageous position than *da\da* particle. Further the researcher wrote, "words typical for Turkic languages like *dak\dah\dax* or *daki\dahi\dax* as a rule were used in Azerbaijani language in the form of *daxi*, *dāxi* and in terms of meaning was slightly different from the meaning of *da*, *dā* particles with simple form..." [7, p. 212-213].

dāxi particle is widespread in Turkic languages: *daği\da:ği\taği* - turkmen., gum., kyr., kkalp., uyg., gaz., nogay., tat.; *daxi\daxi\dayi\dāxi* -T.turk.,Az and in their dialects, *taxi*-bash. dial., *texi*-uyg.dial.and so on. [18, p. 122]. There are different opinions on *dāxi* particle in turkology: K. Brokelman supposed that *taḳı* and "also", "as well" particle serves first of all for moving of word coming after it to front and only later served for combination of words. According to G.Klouson, *taḳı* is used mostly as adverb and conjunction [18, p. 123].

It should be noted that some researchers have linked *t dāxi* particle with *da\da* particle from the etymological point of view \|. [18, p. 123]. For example, such a scheme has T.Takin had shown the phonetic evolution of *dāxi* particle in following scheme:

*aḳı>dak>*dah>da\de* [9, p276-277; 10, 560-562], but nevertheless, there are those who challenge the unity of the roots of these particles. One of them, according to M.Adamovich*dA* and *mA* (the matter is strengthening *mA* particle which are noted in Uygur civilized texts and the first Islamic-Turkish texts) particles formed with falling of *yıta* and *yeme* particles' first syllables which used in ancient Turkic writing texts in a row in balanced form [1, p. 175-181]. It can be expressed as: (*yi*)*ta*-*dA*; (*ye*)*me*-*mA*.

But M.Ergin supposed that *dA*particle was derived from *mA* partilce [2, p. 104].

Protomongol: **da* mong. wrtitten text*da\ de*, *xalxa. dā\de*, *baolan.de*, *buryat dā*. and the others.

Prototungus:**da*Nanaian., Udeg.-*da\-dā\do*, even. (Lamut), *-dā\-dē\-tā\-tē* and others.

Korea: *-to \-do*;

Semithic-hemitic language family **d*(H): Berber language group ancient Libyan, Eastern Numidia *d* "and together" Tuareg Ahaqqar., eastern taullemmet., tayret., *d*, *əd*, *dā* *d*, qhadamesd, *əd*, *silha*. and *b. d* "and, together"; *∴* Kusit group beca-t, bilin.dembya., *kuara-di* "together (postpositive)," in somalian *-da* strengthening particle; *∴* Chad group, Hausa *da*" together " and" etc., *kulere. tu*; *bade dā*; *tera. ndə*; *gidar. di*; *mokulu. ti*; *kanakuru dā*. *agav. -di*, *angas* "as well" and others. [13, p. 214; 5, p. 169-170; 3, p. 540-541].

Kartvel language family:**da* Georgianda,can., megrel., laz. *do* "joining conjunction" [13, p. 214; 5, p. 169; 3, p. 541].

The Indo-European language family:**da*. Het *ta* "and" ancient Slavic., the ancient Russian., Ukr., Polish *da*, Belarus*di*, Bulgarian. *da~ ta*, Serbo-Croatiandá. [13, p. 214; 3, p. 541].

According to American researcher A. Bomhard particle *da* is used as suffix in other Indo-European languages and by expanding its function even performs the function of dative-locative cases: Proto-Indo-European: **-d^he*, **-d^hi* the suffixedparticle: Sanskrit *sa-ha* (Veda. *sa-dha*) "together", *i-ha* " here" (Prakriti-*dha*), *ku-ha* "Where?", *a-dhi* "at"; Avesta. *da* "here", *kuda* "where?"; Greeklocative affix. *-θι*, "da\da", *oiko-θι* "oiko-θι" "at home", *πό-θι* "Where?"; The ancient Slavic. language. *kv-de* "Where?", *sv-de* "here" [5, p. 169].

Conclusion

Both comparisons indicate that (the number of comparisons can be increased in dozens), the facts in the Azerbaijani language make significant compliance not just in eastern nostratic languages, but in the western nostratic languages. Given that the researchers refer the splitting of protonostratic language, more precisely, in the initial dialects to 8-10 thousand years ago, then presence of this kind of appropriate facts in our language during thousands of years makes it important to involve to extensive research in the terms of monogenesis theory of Azerbaijani language. We believe that the achievements in this sphere would once again prove that Azerbaijani language is the direct heir to the proto language and its age is measured in thousands of years.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

References:

1. Adamovic M (2006) "Source of Da / De Interpretation", Turkish Language, Language and Literature Magazine, February 2006, C: XCI, p: 650, Ankara.p. 175-181.
2. Agca F (2013) On the basis of dA editing and the origin of editions in the historical Turkish language fields. Yalın Rock Fracture. Osman Fikri Sertkaya Gifts, Ed. Hatice Şirin User - Bülent Gül, Turkish Culture Research Institute, Ankara, 2013, p. 99-107.
3. Aharon Dolgopolsky (2012) Nostratic Dictionary, McDonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, Third Edition, 2012, 3659 p.
4. (2003) An Etymological Dictionary of Altaic Languages. (S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak), Brill, 2003, 2096 p.
5. Bomhard Allan R (2015) A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics, Vol. 2-3, Charleston, SC, 2015, 1146 p.
6. Kazimov G (2010) The modern Azerbaijani language. Morphology. "Science and Education". Baku, 2010, 448 p.
7. Mirzazadeh H (1990) Historical Grammar of Azerbaijani Language. Baku, Azerbaijan University Publishing House, 1990, 376 p.
8. Shiraliev M (2008) Fundamentals of Azerbaijani Dialectology. Baku, "East-West", 2008, 416 p.
9. Tekinn T (1958) de / da Connector. Turkish Language Volume 7, Number 78, 1958, p. 276 – 277
10. Tekin T (1958) Daha Zarfı ve Da/De Edatı Hakkında. Türk Dili Cilt.7 , Sayı.83, 1958, p.560 – 562.
11. Zeynalov F (1971) Auxiliary speech parts in modern Turkish languages. Baku, Maarif, 1971, 310 p.
12. Ivanov Vyach (1990) All Monogenesis theory. Linguistic encyclopedic dictionary. - M., 1990. - p. 308-309
13. Illich-Swittick VM (1976) Comparative dictionary (1-3). Writers / Podcast B. A. Hell. M .: "Nauka, 1976, p. 156.
14. (1990) Linguistic encyclopedic dictionary. - M.. - p. 308-309
15. (1988) Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology M .: Hayka, 1988, 560 p.
16. (1990) Chanties // Linguistic encyclopedic dictionary. M., 709 p.
17. Sherbak AM (1981) Lectures on comparative morphology of Turkic languages. Glaciers. Leningrad. "Science", 181 p.
18. (1980) Etymological dictionary of Turkic languages: General and intermediate foundations of the B, W, G, and D; / ANC USSR., NNNauka. 395 p.
19. (1998) Linguistic The Big Encyclopedic Dictionary. M .: The Great Russian Encyclopedia. - 685 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИИ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

Bazartai Alimbayevich Alimbayev

doctor of technical sciences,
Professor of the department «Building materials and
constructions»
M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Bauyrzhan Zharkynbekovich Manapbayev

Candidate of technical sciences,
associate professor of the Department of «Oil and
gas engineering»
M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Erkegali Nurgaliuly Amanbayev

PhD student,
M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

SECTION 6. Metallurgy and energy.

COLLOIDAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF CORROSION OF STEEL IN METAL STRUCTURES OF HYDRAULIC STRUCTURE

Abstract: The ways of development of corrosion are examined in steel metallic constructions. One of variants of mechanism of development of corrosion offers in elements steel to the construction, taking into account their ferromagnetic properties.

Key words: corrosion, steel pipe, micelle, Lorentz's force.

Language: Russian

Citation: Alimbayev BA, Manapbayev BZ, Amanbayev EN (2017) COLLOIDAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF CORROSION OF STEEL IN METAL STRUCTURES OF HYDRAULIC STRUCTURE. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 173-176.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-25> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.25>

КОЛЛОИДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ РАЗВИТИИ КОРРОЗИИ В СТАЛЬНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИИ

Аннотация: Рассматриваются пути развития коррозии в стальных металлических конструкциях. Предложен один из вариантов механизма развития коррозии в элементах стальных конструкции, с учетом их ферромагнитных свойств.

Ключевые слова: коррозия, стальные конструкции, мицелла, сила Лоренца.

Introduction

Возможность развития коррозии в стальных конструкциях, находящихся длительное время в воде зависит от многих факторов. Причины коррозии стальных конструкций находящихся длительное время в водной среде полностью не определены. Природа сил, воздействующих на коррозию сталей в водной среде полностью не исследованы [1-4].

Здесь отражены наши исследования [5], которые были проведены в стальных конструкциях гидротехнических сооружений с учетом их ферромагнитных свойств. Как известно [6], в сталях постоянно существуют ферромагнитные свойства, которые влияют на их работу. Именно на эти свойства должным образом не было обращено внимание исследователями процесса коррозии.

С учетом последних исследований [7,8] нами предлагается один из механизмов развития

коррозии. Для проверки предложенного механизма развития коррозии нами проводятся эксперименты по изучению скорости развития коррозии [7], где была разработана установка для определения коррозии металла в стальных трубах под воздействием раствор поваренной соли NaCl 3%. Раствор поваренной соли (NaCl 3%) был использован для получения результата, т.е. убыстрения скорости развития коррозии. Результаты этих исследований показали интересные факты.

Materials and Methods

При коррозии стали необходимо учесть ферромагнитные свойства стали. Основной причиной активного протекания процесса коррозии заключается в том, что у стальных конструкций находящихся в воде на ее поверхности уменьшается число атомов, что влияет на процесс коррозии. Из-за чего на

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

поверхности стальных конструкции за счет наносимых извне ударов и различных нагрузок начинают появляться трещины [9]. В свою очередь образовавшиеся трещины влияют на ферромагнитные свойства стали и разрушают доменные структуры [6] в них, изменяют

магнитные свойства стали. Когда разрушается доменная структура стали, домены делятся на части, на конечных концах трещины образуются магнитные полюса [9], а между трещинами создается магнитное поле (рис.1).

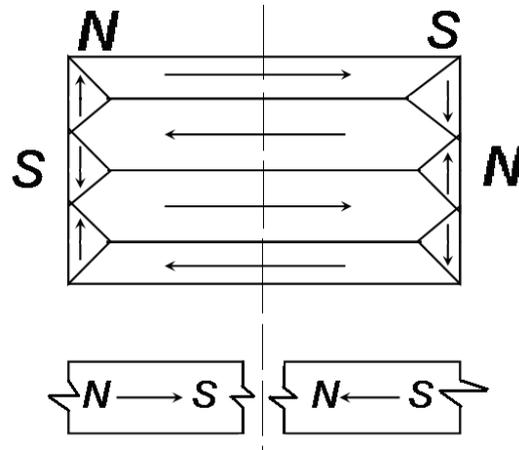

Рисунок 1 - Схема разрушения доменной структуры.

Когда разрушается доменная структура в сталях на ионы движущееся в водной среде действует сила Лоренца [10]

$$\vec{F}_L = q \cdot [\vec{v} \cdot \vec{B}] \quad (1)$$

В коррозионной среде (вода, влага) присутствуют молекулы воды H_2O , ионы гидроксония H_3O^+ и гидроксид-ионы OH^- . Перемещение ионов в среде происходит по определенному механизму [11], который состоит в том, что между ионами гидроксония H_3O^+ и молекулами воды, а также между молекулами воды и ионами OH^- непрерывно происходит

обмен ионами водорода H^+ . Под действием силы Лоренца [12] происходит разделение молекул, это способствует дополнительному появлению между краями трещин ионов водорода H^+ и гидроксил-ионов OH^- , то есть диссоциации воды (влаги).

На ионы q движущиеся с определенной скоростью v в магнитном поле B действует сила Лоренца F_L , которая старается повернуть ионы в перпендикулярном направлении. За счет силы Лоренца, действующей в этом магнитном поле, ионы натрия Na^+ и ионы хлорида Cl^- будут притягиваться к краям трещины как к полюсам магнита (рис. 2).

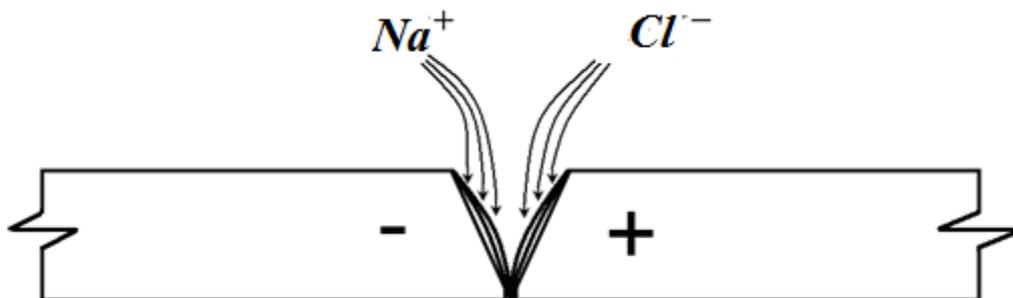
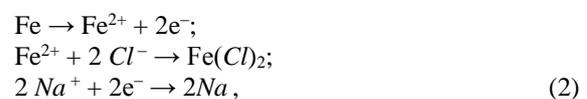

Рисунок 2 - Наполнение трещины доменной структуры ионами Na^+ және Cl^- .

После прохождения физического процесса начинается химический процесс, т.е. реализуется этап развития трещин – их коррозионное зарождение. В трещине из-за недостатка кислорода активно протекает реакция

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

В результате химической реакции образуется хлорид железа (II), который создает пленку (рис. 3). Далее на развитие коррозии влияет образование коллоидных систем,

состоящие из мицелл хлоридов железа, которые приводят к некоторому замедлению процесса коррозии.

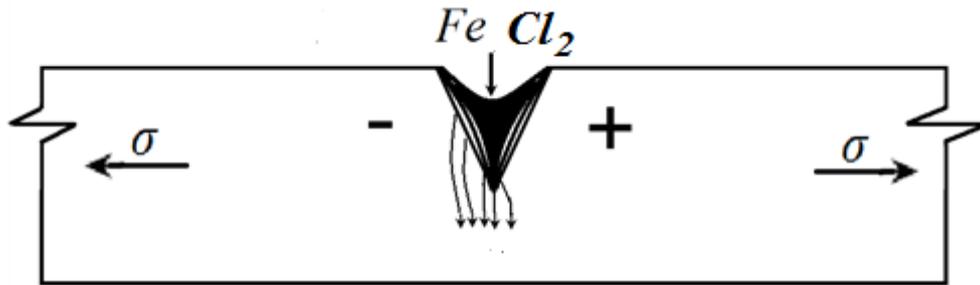

Рисунок 3 - Образованная пленка из хлорида железа (II) в трещине восстановление ионов натрия.

Коллоидные системы состоят из дисперсной фазы и дисперсионной среды. Частицу дисперсной фазы вместе с двойным

электрическим слоем называют мицеллой [13] (Рис. 4). Далее рассмотрим примеры образование мицелл хлоридов железа.

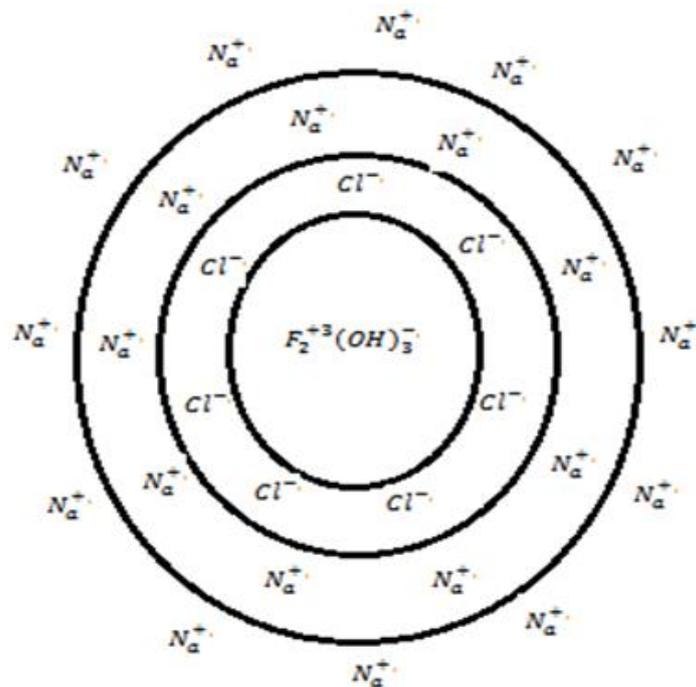
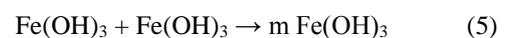

Рисунок 4 - Схематическое строение мицеллы золя хлорида железа.

Если действовать на хлоридный раствор железа (III) водой, повышая температуру, то он подвергается гидролизу. Происходят следующие изменения. Появляются коллоидные растворы [11]:

Происходит мицельное соединение [11]. Создается плохо растворимый раствор $\text{Fe}(\text{OH})_3$ - создается агрегат:

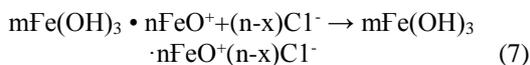
Находящаяся в растворе излишний заряд ионы электролита адсорбируются, поверхность агрегата заряжается, образуется ядро. В этом месте к агрегату притягиваются Fe^{3+} или FeO^+ :

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

С двух ионными слоями с гранулами коллоидных частиц дается формула (7):

где m – число молекул в мицельном агрегате $\text{Fe}(\text{OH})_3$;

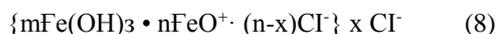
n – число ионов определяющих потенциал FeO^+ ;

$(n-x)$ – число ионов адсорбционных слоев противоионы Cl^- ;

x – число ионов диффузионных слоях Cl^- .

В этом случаи коллоидные частицы положительные заряды, поэтому $n \gg (n-x)$.

По закону нейтрального электричество заряда, запишется золь мицеллы по формуле (8)

Можно записать положительные заряды коллоидных частиц. Например: при образовании золь гидроксида железа коллоидных частиц. В роли стабилизатора FeOCl .

$m\text{Fe}(\text{OH})_3$ – ядро мицеллы;

$\{m\text{Fe}(\text{OH})_3 \cdot n\text{FeO}^+ \cdot (n-x)\text{Cl}^-\}$ – гранула, это адсорбционный слой;

$x\text{Cl}^-$ – диффузионный слой.

Conclusion

Все приведенные примеры составляют мицеллу. В итоге, можно утверждать, что образование мицелл хлоридов железа на микротрещинах поверхностей стальных конструкций в коррозионной среде влияет на скорость развитие коррозии. Данное утверждение не носит окончательный характер, так как исследование в этом направлений будут продолжены.

References:

1. Ulig GG, Revi RU (1989) Korroziya i bor'ba s ney. Vvedenie v korroziionnuyu nauku i tekhniku / Pod red. A.M. Sukhotina. - L.: Khimiya, 1989. - 456.
2. Tomashov ND (1959) Teoriya korrozii i zashchita metallov. - Moscow: Izd. AN SSSR, 1959. - 592 .
3. Karpenko GV (1985) Fiziko-khimicheskaya mekhanika konstruksionnykh materialov. Izbr.tr. v 2-kh t. - Kiev: Nauk.dumka, 1985.- T. 1. -228.
4. Evans YR (1941) Korroziya, zashchita i passivnost' metalla. - Moscow: Metallurgizdat, 1941. -124.
5. Alimbaev BA, Manapbaev BZ (2012) Razvitie korrozii v elementakh metallicheskikh konstruksiy v vodnoy srede. – Taraz: Taraz universiteti, 2012.-136.
6. Akulov NS (1939) Ferromagnetizm. - M.-L.: Gosizdat. tekhnicheskoy i teoreticheskoy literatury, 1939.
7. Amanbaev EN, Alimbaev BA, Manapbaev BZ (2016) Osobennosti razvitiya korrozii na uglakh povorotov v trubnykh stal'nykh konstruksiyakh. – Almaty: Vestnik KazGASA, 2016.- №4.- p.71-75.
8. Amanbaev EN, Alimbaev BA, Manapbaev BZ (2016) Issledovanie vliyaniya ferromagnitnykh svoistv na razvitie korrozii v stal'nykh konstruksiyakh. – Astana: Vestnik ENU, 2016.- №6.- p.168-172.
9. Gorazdovskiy TY (1977) Nerazrushayushchiy kontrol'.- Moscow: Znanie, - 64.
10. Savel'ev IV (1970) Kurs obshechey fiziki. Elektrichestvo. - Moscow: Nauka, 1970. – T.2.- 432.
11. Stromberg AG, Semchenko DP (2001) Fizicheskaya khimiya. Ucheb. dlya khim. spets. vuzov. Pod redaktsiey A.G.Stromberga. - 4-e izd. ispr. - Moscow: Vyssh. shk., 2001. - 527.
12. Branover GG, Tsinober AB (1970) Magnitnaya gidrodinamika neshhimaemykh sred. - M.: Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoy literatury izdatel'stva «Nauka», -380.
13. Belik VV, Kienskaya KI (2007) Fizicheskaya i kolloidnaya khimiya. - M.: Akademia. 2007.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 06 Volume: 50

Published: 30.06.2017 <http://T-Science.org>

SECTION 20. Medicine.

Irina Fedorovna Varban

Ph.D, Psychologist-psychotherapist,
President of the Association of Psychologists and
Psychotherapists of Moldova,
Teacher of the Slavic University
Chisinau, Moldova

Vladimir Igorevich Esaulov

Institute of psychotherapy and clinical psychology
Psychotherapy Department, Lecturer,
Assistant, Department of Psychotherapy,
Pirogov Russian National Research Medical University,
Moscow, Russia
v-esaulov@yandex.ru

PSYCHOTHERAPY OF PANIC ATTACKS

Abstract: Twenty patients were examined for the purpose of diagnosing panic attacks (PA). The initial examination was carried out with the help of clinical interviews and psychodiagnostic tests. All the examined patients showed somatic manifestations of PA, in combination with increased indices of personal and reactive anxiety. After interviewing and testing, patients were offered psychotherapeutic work with a psychologist, as well as training in relaxation techniques. The results of diagnosis and short-term psychotherapy can be useful for the therapy and prevention of panic anxiety conditions.

Key words: Anxiety, fear, panic attack, integrative psychotherapy, relaxation

Language: Russian

Citation: Varban IF, Esaulov VI (2017) PSYCHOTHERAPY OF PANIC ATTACKS. ISJ Theoretical & Applied Science, 06 (50): 177-181.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-50-26> **Doi:** [crossref https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.26](https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.06.50.26)

ПСИХОТЕРАПИЯ ПАНИЧЕСКИХ АТАК

Аннотация: Обследовано 20 пациентов с целью диагностики у них проявлений приступов панических атак (ПА). Первичное обследование проводилось с помощью клинического интервью и психодиагностических тестов. У всех обследованных пациентов выявлены соматические проявления ПА, в сочетании с повышенными показателями личностной и реактивной тревожности. После опроса и тестирования пациентам была предложена психотерапевтическая работа с психологом, а также обучение релаксационным приемам. Полученные результаты диагностики и краткосрочной психотерапии могут быть полезны для терапии и профилактики панических тревожных состояний

Ключевые слова: тревога, страх, паника, интегративная психотерапия, релаксация.

Введение

Современные условия жизни людей характеризуются повышением уровня напряжения в различных сферах жизни и способствуют увеличению количества лиц с различными невротическими расстройствами, среди которых значительный удельный вес имеют пациенты с паническими атаками [1-6]. Паническое расстройство введено в МКБ – 10 (код F41.0) и охватывает 4% населения [6].

Паническая атака (ПА) – иррациональный, неуправляемый, интенсивный, истязающий приступ панической тревоги, сопровождающийся различными соматическими и психологическими симптомами, имеющий когнитивный и поведенческий эффекты [3,6-8].

В клинической практике приступы панических атак могут быть описаны также

терминами: «вегетативный криз», «симптоадреналовый криз», «вегетососудистая дистония с кризовым течением», «нейроциркуляторная дистония», «кардионевроз», что отражает тесную связь панических расстройств с сбоями в работе вегетативной нервной системы [8].

Из клинических наблюдений известно, что паническое расстройство обычно не ограничивается однократным приступом паники. Испытанный первый эпизод мучительных ощущений откладывается в подсознании человека, что ведет к возникновению страха «ожидания» повторения приступа, и, в свою очередь, может спровоцировать возникновение новых панических атак. При этом многочисленные исследования не показывают

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

какую-либо серьезную соматическую патологию [3,7].

Виртуальный источник страха, который присутствует только в голове клиента, связан с внутренними переживаниями страдающих этим тревожно-фобическим расстройством, может вызывать крайне неприятные и тягостные телесные ощущения. Реакции вегетативной нервной системы готовят тело к энергичным действиям, к отражению надуманной опасности (по типу реакция "бей"/"беги"). В результате происходит увеличение частоты сердцебиений (тахикардия), более интенсивным становится дыхание (гипервентиляция), усиливается потоотделение, может появиться ознобоподобная дрожь, одышка, головокружение, повышение артериального давления и другие вегетативные проявления, сопровождающие страх [3,7,8].

Схематически приступ панического страха можно представить в следующей последовательности:

Чувство внутреннего напряжения, дискомфорт → алогичный интенсивный страх → выброс адреналина в кровь → возникновение панической тревоги → еще большее производство надпочечниками и выброс адреналина → паническая атака [7-10].

Не смотря на многочисленные исследования, проясняющие характер возникновения панических атак, а также множество предлагаемых медикаментозных и психотерапевтических способов лечения ПА, до настоящего времени актуальным является поиск эффективных психотерапевтических способов совладания с этой пограничной психической патологией.

Целью данной работы явилось описание опыта краткосрочной амбулаторной психотерапевтической работы с клиентами с ПА, при которой основной задачей являлось обучение пациентов умению справляться с паническим расстройством для повышения качества их жизни и улучшения самочувствия.

Материалы и методы

Для исследования были выбраны 20 пациентов с ПА (12 женщин и 8 мужчин), обратившиеся за амбулаторной психолого-психотерапевтической помощью в психологический центр при Ассоциации Психологов и Психотерапевтов Республики Молдова (АППМ).

Возраст пациентов составлял от 17 до 44 лет. Среди обратившихся за помощью преобладали лица молодого возраста (до 30 лет), составившие более 2/3 от общего числа пациентов с ПА.

Все 20 человек прошли психологическое тестирование, включавшее Шкалу тревоги Шихана, Шкалу Цунга для самооценки тревоги,

клиническое интервью, подтверждающее наличие тревожно- фобического расстройства, а также опросник на личностную и реактивную тревогу Спилбергера-Ханина, который давался в динамике на протяжении курса терапии.

На протяжении всего курса терапии – 5-6 недель - все 20 чел. проходили психотерапию 3 часа в неделю (3 встречи в неделю) и выполняли домашние задания по самонаблюдению и обучению релаксации.

В работе был использован интегративный подход с использованием когнитивно-поведенческой и телесно-ориентированной терапии, арт-терапевтических техник, эриксоновского гипноза, а также ряда других психотерапевтических техник.

Результаты и обсуждение

В проведенном нами исследовании основное внимание направлялось на изучение интенсивности панического расстройства, а также составление схемы коррекции этого состояния, с проведением курса психотерапевтических занятий, направленных на уменьшение интенсивности (а в дальнейшем - и на исчезновение) выявленных тревожно-фобических расстройств, что в итоге сказывалось на улучшении самочувствия и повышении качества жизни.

Полученные при первичном опросе жалобы и анамнестические сведения, а также данные анкетирования подтвердили наличие у клиентов психологических и соматических симптомов, типичных для панических расстройств невротического регистра.

Психологическое тестирование с использованием шкалы тревоги Шихана и шкалы Цунга для самооценки тревоги подтвердило наличие у испытуемых показателей, типичных для тревожно-фобических расстройств. Результаты тестирования опросником Спилбергера-Ханина указали на наличие у всех 20 человек повышенного уровня личностной и реактивной тревожности.

Всем 20 обследованным после психологического тестирования и опроса было предложено пройти индивидуальные сессии с психологом /психотерапевтом в режиме 3-х встреч в неделю в течение 5-6 недель. Помимо этого, пациентам давались домашние задания по самонаблюдению и закреплению навыков обучению релаксации. Общий курс занятий включал от 15 до 18 амбулаторных сессий продолжительностью от часа до полутора часов.

Проведенные сессии с психологом/психотерапевтом базировались на интегративном психотерапевтическом подходе. В каждом отдельном случае по показаниям (с учетом личностных особенностей пациентов и

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

специфики психологических переживаний) использовались психотерапевтические техники, включающие различные элементы когнитивно-поведенческой, телесно-ориентированной терапии и эриксоновского гипноза, арт-терапию, позитивную терапию, техники психомышечной релаксации и элементы аутотренинга [5,7,9,11-19]

Большая часть сессий содержала упражнения по уменьшению имеющегося напряжения и отреагированию эмоций, обучение релаксационным приемам с умением встраивать их в повседневную жизнь, работу со страхами, а также обучение умению переключаться с негативных переживаний на позитивные.

Естественно, что психотерапевтическая работа, начиная с первых сеансов, была возможна только после выстраивания комфортного и безопасного терапевтического пространства, с созданием и поддержкой эффективного рабочего альянса между психологом/психотерапевтом и пациентом с ПА, и постоянно поддерживаемой обратной связью.

Как уже отмечалось выше, в работе был использован интегративный подход с использованием когнитивно - поведенческой и телесно-ориентированной терапии, арт-терапевтических техник. Фокус воздействия этих методик был направлен на осознание и коррекцию ограничивающих моделей мышления и поведенческих привычек, запускающий приступ паники.

При этом в отношении всех 20 пациентов с ПА был использован определенный поэтапный алгоритм психотерапевтической работы, включающий следующие стадии:

1. **Вербализация переживаний при ПА. Первичный анализ имеющихся при ПА расстройств.** В начале психотерапевтической работы и в дальнейших сессиях нами активно поощрялось проговаривание пациентами своих переживаний. Вербализация переживаний могла способствовать частичному снижению напряжения, и помогала лучше осознавать своей личный вклад в возникновение и провоцирование приступов ПА.

2. **Исследование когнитивной сферы пациентов с ПА.** На этой стадии работы акцент делался на исследование когнитивных особенностей пациентов. Проводился анализ мыслей, которые присутствуют в повседневной жизни клиента, выявление негативных мыслей, особенно тех мыслей, которые запускают вегетативную реакцию.

1. **Обучение распознаванию симптомов, характерных для разных этапов ПА.** Эта стадия терапии способствовало лучшему пониманию последовательности возникновения ПА. Пациент обучался отслеживанию этапов развития

панического приступа, отмечая те симптомы, которые появляются по ходу возникновения ПА.

2. **Обучение распознаванию сигнального симптома ПА.** Акцент работы здесь направлялся на выявление самого раннего симптома ("сигнального симптома"), который указывает на начало панической атаки.

3. **Переключение внимания.** На этой стадии пациенты осваивали навыки переключения внимания с негативных переживаний на позитивные.

4. **Обучение релаксации.** Пациенты с ПА осваивали различные релаксационные приемы, включающие управление мышечным тонусом, в сочетании с приемами регуляции дыхания. Проводилось обучение "седативному дыханию" с удлиненным выдохом.

5. **Встраивание релаксации в повседневную жизнь.** На этой стадии терапии пациенты закрепляли полученные в ходе занятий умения, и систематически использовали релаксационные навыки при различных жизненных ситуациях.

6. **Включение навыков релаксации в схему панического приступа.** При регулярном использовании умений распознавать начало ПА и освоении релаксационных навыков становилось возможным управление своим самочувствием, и предотвращение развития приступов панических атак.

В процессе нашей работы у обследованных вырабатывалась и фиксировалась новая модель убеждений и поведения. При появлении панической тревожности купированию симптоматики ПА способствовали как полученные в ходе курса терапии релаксационные навыки, так и освоенные навыки регуляции самочувствия за счет самовнушения с помощью аутотренинга [15,18,19].

Определенную роль в повышении внутренних ресурсов, уменьшении тревожности сыграли и применяемые в ходе терапии ресурсные эриксоновские трансы ("путешествие за ресурсом", "путешествие в мир покоя и комфорта", "старые и новые ресурсы"), а также рисуночные арт-техники (рисунки страха и состояния уверенности; "силуэт чувств"; триптихи "я-обычный"/"я-впанике"/"я-преодолевший страх"; "мое ресурсное состояние"; "мир гармонии и покоя"), и сеансы музыкотерапии.

Динамическое наблюдение в процессе терапевтической работы показало постепенное улучшение самочувствия у всех 20 человек с ПА, с урежением и исчезновением панических приступов. Субъективно у обследованных отмечалось уменьшение тревожности, постепенное освоение навыков управления своим самочувствием, укрепление уверенности в себе.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Соматические симптомы в течение 5-6 недель терапии постепенно исчезли. Данные повторного психологического тестирования тестом Спилбергера-Ханина показало снижение уровня ситуативной тревожности.

Таким образом, спустя 5-6 недель после начала терапии отмечено снижение интенсивности/или исчезновение панического расстройства и улучшение качества жизни у всех 20 пациентов с ПА.

Для закрепления навыков управления своим самочувствием и поддержки полученных в ходе терапии умений саморегуляции пациентам было предложено продолжение посещения индивидуальных занятий с психологом в Центре АППИМ в поддерживающем режиме (1-2 раза в месяц) в течение года с момента начала терапии. Более половины из обследованных (16 из 20 чел.) были настроены на продолжение занятий с психологом для продолжения работы по различным индивидуальным запросам,

связанным в основном с темой личной успешности и уверенностью в себе.

Заключение

Успешная психотерапия лиц, страдающих паническими расстройствами невротического регистра может базироваться в первую очередь на использовании интегративного подхода с учетом личных особенностей пациентов и особенностей проявления симптоматики ПА.

При появлении панической тревожности отмечена целесообразность оказания психолого-психотерапевтической помощи, направленной на купирование имеющейся симптоматики и обучение специальным релаксационным и ресурсным приемам.

Полученные в ходе данного исследования результаты могут быть полезны при разработке психокоррекционных программ в работе с пациентами с тревожными паническими состояниями.

References:

1. Francesetti G (2007) Panic attacks and postmodernity. Gestalt therapy between clinical and social perspectives. / Insituto di gestalt H.C.C., Italy. FrancoAngeli., 2007. – 264 p.
2. Frenkel' YA (2010) Psihologiya straha. - M.: Profit Stajl, 2010. - 272 p.
3. (2015) Klinicheskie rekomendacii po diagnostike i lecheniyu panicheskogo rasstrojstva i generalizovannogo trevozhnogo rasstrojstva. Proekt. – M., Rossijskoe obshchestvo psihiatrov. 2015. - 49 p.
4. (2008) Klinicheskoe rukovodstvo po psihicheskim rasstrojstvam / pod red. D.Barlou.- SPb.: Piter, 2008. pp.18-102.
5. Nardone G (2008) "Strah, panika, fobiya: Kratkosrochnaya terapiya" (Per.s angl.) - M.: Psihoterapiya, 2008. – 352 p.
6. (2017) Mezhdunarodnaya klassifikaciya boleznej 10-go peresmotra (МКБ-10) Elektronnyj spravochnik МКБ-10. 1990-2017. Kody diagnozov, poisk po kodu i nazvaniyu bolezni. Available: <http://www.mkb10.su/> (Accessed: 26.06.17)
7. Holmogorova AB, Dovzhenko TV, Garanyan NG (2017) Chto takoe panicheskoe rasstrojstvo i kak ego lechit'. Posobie dlya pacientov. -M.: Moskovskoe NII psihiatrii MZ RF. Available: http://psihoterapijadljavseh.ru/pluginAppObj_3740/panika_posobie.pdf (Accessed: 26.06.17)
8. (2000) Vegetativnye rasstrojstva: Klinika, lechenie, diagnostika. / Pod red. A. M. Vejna. — M.: Medicinskoe informacionnoe agentstvo, 2000. — 752 p.
9. Kovpak DV (2007) Kak izbavit'sya ot trevogi i straha. Prakticheskoe rukovodstvo psihoterapevta - SPb.: Nauka i tekhnika. 2007.- 240 p.
10. (2012) Rannaya diagnostika trevozhno-fobicheskikh rasstrojstv u podrostkov v obshchemedicinskoj praktike. Metodicheskie rekomendacii - SPb.: Izd. centr NIPNI im.VM.Bekhtereva. - 2012.-23 p.
11. Ginsburg MR, Yakovleva EL (2015) Eriksonovskij gipnoz: Sistematičeskij kurs. M.; Nezavisimaya firma "Klass". 2015.- 264 p.
12. Goloshchapov A (2016) Trevoga, strah i panicheskie ataki. Kniga samopomoshchi. - M.:IG «Ves'», 2016. - 130 p.
13. Gordeev MN (2015) Fundamental'noe rukovodstvo po eriksonovskomu gipnozu. M.; Psihoterapiya.- 2015.- 357 p.
14. Kiseleva MI, Kulganov VA (2014) Art-terapiya v psihologicheskom konsul'tirovanii. Uchebnoe posobie. SPb.: Rech', 2014. - 64 p.
15. Krejz R (2002) Relaksaciya (Per.s angl.) - M.: Fair-press.- 256 p.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

16. Prashko YA, Mozhny P, Shlepecki M, et al. (2015) Kognitivno-bihevioral'naya terapiya psihicheskikh rasstrojstv. – M.: Institut obshchegumanitarnyh issledovanij, – 1072 p.
17. (2000) Rukovodstvo po telesno-orientirovannoj terapii. - SPb.: Rech', - 256 p.
18. Shojfet MS (2010) Psihofizicheskaya samoregulyaciya. Bol'shoj sovremennyj praktikum. - M.: Veche, - 678 p.
19. Shul'c IG (1985) Autogennaya trenirovka / (per. s nem.) - M. : Medicina, - 32 p.

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIIHQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Contents

		pp.
12.	Ahmadi H, Naseri A THE RELATIONSHIP BETWEEN ORGANIZATIONAL SPIRITUALITY AND EMPLOYEES PRODUCTIVITY. A CASE STUDY OF MARTIME UNIVERSITY CHABAHR.	101-106
13.	Gavrilov AD THE SPECIFICITY OF TECHNOLOGIES FOR FORMING POLITICAL IDENTITY BY NON-STATE ACTORS IN RUSSIA.	107-111
14.	Nazarqosimov SI MAIN CONCEPTS AND CATEGORIES OF DEVELOPMENT OF SOCIAL SPHERE IN UZBEKISTAN.	112-117
15.	Tashboev FE SOME REFLECTIONS ABOUT CULTURE OF NOMADIC CATTLE-BREEDERS IN USTRUSHANA.	118-121
16.	Mishchik SA SYSTEMIC WAVE PROBLEMS OF APPLIED PHYSICS MARITIME FLOT OF PEDAGOGOMETRIC ANALYSIS.	122-127
17.	Tokmazov GV ORGANIZATION OF EARTH METRIC ANALYSIS STUDENTS TRAINING AND STUDY SKILLS IN THE PROCESS OF STUDYING THE COURSE OF HIGHER MATHEMATICS... ..	128-132
18.	Medvedev VN YACHTING - IS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS.	133-138
19.	Agayev IA THE IMPORTANCE OF STRENGTHENING THE ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN ENSURING AZERBAIJAN'S ECONOMIC SECURITY IN THE FACE OF GROWING GLOBAL THREATS.	139-144
20.	Huseynova MS THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF AGROPROCESSING MARKET MANAGEMENT IN CONDITIONS OF DEEPENING OF MARKET RELATIONS.	145-151
21.	Ismailova LF THE IMPORTANT ASPECTS OF ENTREPRENEURSHIP IN THE DEVELOPMENT OF THE NON-OIL SECTOR OF AZERBAIJAN'S ECONOMY IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF STRATEGIC ROAD MAPS.	152-157
22.	Kerimov AK THE ROLE OF RISK MANAGEMENT IN THE PROVISION OF THE SUSTAINABILITY OF THE COMMERCIAL BANK.	158-161
23.	Ross TR THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF WORLD EXPERIENCE INSTITUTIONAL REFORMS.	162-166

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIIHQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

24.	Guliyev TA AZERBAIJANI LANGUAGE AND NOSTRATIC THEORY.	167-172
25.	Alimbayev BA, Manapbayev BZ, Amanbayev EN COLLOIDAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF CORROSION OF STEEL IN METAL STRUCTURES OF HYDRAULIC STRUCTURE.	173-176
26.	Varban IF, Esaulov VI PSYCHOTHERAPY OF PANIC ATTACKS.	177-181

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Scientific publication

«Theoretical & Applied Science» - Международный научный журнал зарегистрированный во Франции, и выходящий в формате Международных научно-практических интернет конференций. Конференции проводятся ежемесячно – 30 числа в разных городах и странах.

Препринт журнала публикуется на сайте за день до конференции. Все желающие могут участвовать в "Обмене мнениями" по представленным статьям.

Все поданные авторами статьи в течении 1-го дня размещаются на сайте <http://T-Science.org>. Печатный экземпляр рассылается авторам в течение 2-4 дней, сразу после проведения конференции.

Импакт фактор журнала

Impact Factor	2013	2014	2015	2016
Impact Factor JIF		1.500		
Impact Factor ISRA (India)		1.344		
Impact Factor ISI (Dubai, UAE) based on International Citation Report (ICR)	0.307	0.829		
Impact Factor GIF (Australia)	0.356	0.453	0.564	
Impact Factor SIS (USA)	0.438	0.912		
Impact Factor ПИИЦ (Russia)		0.179	0.234	
Impact Factor ESJI (KZ) based on Eurasian Citation Report (ECR)		1.042	1.950	3.860
Impact Factor SJIF (Morocco)		2.031		
Impact Factor ICV (Poland)		6.630		
Impact Factor PIF (India)		1.619	1.940	
Impact Factor IBI (India)			4.260	

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

THE SCIENTIFIC JOURNAL IS INDEXED IN SCIENTOMETRIC BASES:

International Scientific Indexing ISI (Dubai, UAE)
<http://isindexing.com/isi/journaldetails.php?id=327>

Research Bible (Japan)
<http://journalseeker.researchbib.com/?action=viewJournalDetails&issn=23084944&uid=rd1775>

ПИИЦ (Russia)
<http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1246197>

türk eğitim indeksi

Turk Egitim Indeksi (Turkey)
<http://www.turkegitimindeksi.com/Journals.aspx?ID=149>

Advanced Sciences Index (Germany)
<http://journal-index.org/>

GLOBAL IMPACT FACTOR
Global Impact Factor (Australia)
<http://globalimpactfactor.com/?type=issn&s=2308-4944&submit=Submit>

AcademicKeys (Connecticut, USA)
http://sciences.academickeys.com/jour_main.php

THOMSON REUTERS

Indexed in Thomson Reuters

THOMSON REUTERS, EndNote (USA)
<https://www.myendnoteweb.com/EndNoteWeb.html>

Scientific Object Identifier (SOI)
<http://s-o-i.org/>

Google Scholar (USA)
http://scholar.google.ru/scholar?q=Theoretical+science.org&btnG=&hl=ru&as_sdt=0%2C5

Open Access JOURNALS

Open Access Journals
<http://www.oajournals.info/>

Scientific Indexing Services

SCIENTIFIC INDEXING SERVICE (USA)
<http://sindexs.org/JournalList.aspx?ID=202>

International Society for Research Activity (India)
<http://www.israjif.org/single.php?did=2308-4944>

Sherpa Romeo (United Kingdom)
<http://www.sherpa.ac.uk/romeo/search.php?source=journal&sourceid=28772>

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHLI (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

CiteFactor

Academic Scientific Journals

CiteFactor (USA) Directory Indexing of International Research Journals

<http://www.citefactor.org/journal/index/11362/theoretical-applied-science>

International Institute of Organized Research (India)

<http://www.i2or.com/indexed-journals.html>

DOI (USA)

<http://www.doi.org>

CrossRef (USA)

<http://doi.crossref.org>

JIFACTOR

JIFACTOR

http://www.jifactor.org/journal_view.php?journal_id=2073

Journal Index

<http://journalindex.net/?qi=Theoretical+%26+Applied+Science>

Directory of abstract indexing for Journals

Directory of abstract indexing for Journals

<http://www.daij.org/journal-detail.php?jid=94>

PFTS Europe/Rebus:List (United Kingdom)

<http://www.rebuslist.com>

Kudos Innovations, Ltd. (USA)

<https://www.growkudos.com>

Korean Federation of Science and Technology Societies (Korea)

<http://www.kofst.or.kr>

Japan Link Center (Japan)

<https://japanlinkcenter.org>

Open Academic Journals Index (Russia)

<http://oaji.net/journal-detail.html?number=679>

Eurasian Scientific Journal Index (Kazakhstan)

<http://esjindex.org/search.php?id=1>

Collective IP (USA)

<https://www.collectiveip.com/>

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 0.234
ESJI (KZ) = 3.860
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

THOMSON REUTERS

Indexed in Thomson Reuters

THOMSON REUTERS, ResearcherID (USA)

<http://www.researcherid.com/rid/N-7988-2013>

Stratified Medical

Stratified Medical Ltd. (London, United Kingdom)

<http://www.stratifiedmedical.com/>

SJIF Impact Factor (Morocco)

<http://sjifactor.inno-space.net/passport.php?id=18062>

InfoBase Index (India)

<http://infobaseindex.com>

RedLink

RedLink (Canada)

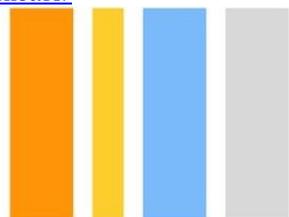
<https://www.redlink.com/>

TDNet
simply better

TDNet

Library & Information Center Solutions (USA)

<http://www.tdnet.io/>

RefME

RefME (USA & UK)

<https://www.refme.com>

Indian Citation Index

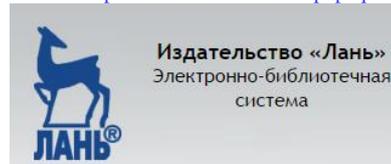
Indian citation index (India)

<http://www.indiancitationindex.com/>

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

Index Copernicus International (Warsaw, Poland)

<http://journals.indexcopernicus.com/masterlist.php?q=2308-4944>

Электронно-библиотечная система

«Издательства «Лань» (Russia)

<http://e.lanbook.com/journal/>

ORCID

THOMSON REUTERS, ORCID (USA)

<http://orcid.org/0000-0002-7689-4157>

Yewno (USA & UK)

<http://yewno.com/>

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIIHQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Impact Factor:	ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIIHQ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Signed in print: 30.06.2017. Size 60x84 $\frac{1}{8}$

«Theoretical & Applied Science» (USA, Sweden, KZ)
Scientific publication, p.sh. 11.875. Edition of 90 copies.
<http://T-Science.org> E-mail: T-Science@mail.ru

Printed «Theoretical & Applied Science»

